

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

3
2016
МАЙ •
ИЮНЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Лескинен М.В.</i> (Москва). Славянские свойства русского народа в российских научных описаниях XIX века: от романтической идеализации к психологической типологии	3
<i>Пеганов А.О.</i> (Минск). Попытки Венгрии нормализовать отношения с Чехословакией в 1920–1921 годы	20
<i>Серапионова Е.П.</i> (Москва). Внешний фактор и национальные меньшинства в ЧСР в 1920–1930-е годы	31
<i>Зуппан А.</i> (Вена). Конфликт, война и геноцид в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе, 1938–1948. Часть I	40
<i>Егорова К.Б.</i> (Санкт-Петербург). Кому пролетариат ставит памятники: 125 лет со дня рождения Т.Г. Шевченко	51
<i>Ильина Г.Я.</i> (Москва). Вторая мировая война в современной хорватской прозе (идейно-художественная эволюция темы)	62

СООБЩЕНИЯ

<i>Горизонтов Л.Е.</i> (Москва). Поднепровье и Северное Причерноморье в многотомных описаниях Российской империи рубежа XIX–XX веков: терминологические аспекты	72
<i>Ироушек Б.</i> (Ческе-Будевице). Чешская историческая наука между двумя съездами чехословацких историков (1937–1947)	78

РЕЦЕНЗИИ

<i>Дмитриев М.В.</i> G. Lami. L'Europe Centrale et Orientale au XIXe siècle d'après les voyages du romancier et journaliste suisse Victor Tissot	86
<i>Михальченко С.И.</i> А.Ю. Баженова. Историки Императорского Варшавского университета 1869–1915: просвещение, наука, политика	89
<i>Волубев В.В.</i> Л.С. Лыкошина. Польско-польская война. Политическая жизнь современной Польши	91
<i>Пескова А.Ю.</i> Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей	92
<i>Косик В.И.</i> И. Тодев. Човекът е историческо животно. Рефлексии и саморефлексии	95

<i>Лыкошина Л.С.</i> «Проблемы национальных меньшинств в странах ЦЮВЕ в межвоенный период». Материалы «круглого стола» в Институте славяноведения РАН	98
<i>Волокитина Т.В., Куренная Н.М.</i> «К 70-летию Великой Победы. Документ в истории и культуре». Материалы «круглого стола» в Институте славяноведения РАН	107
<i>Пескова А.Ю.</i> Круглый стол «Новое в общественной и культурной жизни литератур западных и южных славян»	118
<i>Седакова И.А.</i> Балканское «начало»: научные встречи и новые проекты	121

НЕКРОЛОГИ

<i>Журэк П.</i> Памяти Мечислава Танты (1928–2015)	125
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2016
 © ФГУП «Академиздатцентр «Наука», 2016
 © Составление. Редколлегия журнала
 «Славяноведение», 2016

© 2016 г. М.В. ЛЕСКИНЕН

СЛАВЯНСКИЕ СВОЙСТВА РУССКОГО НАРОДА В РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ ОПИСАНИЯХ XIX ВЕКА: ОТ РОМАНТИЧЕСКОЙ ИДЕАЛИЗАЦИИ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

В статье рассмотрена роль славянской характерологии в формировании представлений об этноспецифических свойствах русских/великорусов в российской науке XIX в. Показано, как российская славистика восприняла и адаптировала концепцию И.Г. Гердера о противоположности славянской и германской «племенных стихий» и как в этом контексте строились этнографические описания нациообразующего этноса Российской империи во второй половине столетия.

The article deals with the role of Slavic characterology in the formation of the concept of specifically ethnic features of Russians/Great Russians in the Russian humanities of the nineteenth century. It is shown, how the Russian Slavistics perceived and adopted the view of Johann Gottfried Herder on the opposite directions of the Slavic and German «tribal elements», and how in the context ethnographic descriptions of the forming the nation ethnic group of the Russian Empire in the second half of the century was built.

Ключевые слова: история славяноведения в России, И.Г. Гердер, славянская характерология, нрав великоруса.

Keywords: history of Slavic studies in Russia, Johann Gottfried Herder, Slavic characterology, Great Russian's disposition.

В основе этнокультурной характерологии, начало формирования которой восходит к античности, лежит принятие тезиса о том, что разнообразие эмоций, психических черт, поведенческих реакций и т.п. может быть схематизировано и сведено к типологии, совпадающей с классификацией человеческих коллективов или социальных групп разного уровня (сословных, гендерных, этнических, региональных, национальных, расовых и др.). В этом случае становится возможным и даже неизбежным процесс моделирования: отличительные особенности общности могут быть репрезентированы конкретным ее представителем (выдающимся деятелем) или обобщены в художественном «собирательном образе» или в научной идеальной конструкции, постулируемых в качестве национально-типического образца.

Само введение понятия «характер»/«нрав» в перечень обязательных пунктов описания племенной или этнической самобытности в народоописаниях XVIII–XIX вв. не было, конечно, оригинальным, за ним стояла многовековая традиция [1]. На протяжении XVI–XIX вв. убежденность в существовании признаков и качеств народа, находящихся в зависимости главным образом от географических и

Лескинен Мария Войтовна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

лишь отчасти исторических факторов, не претерпела существенных изменений. Их могли именовать по-разному: «гением», «духом» или «душой» народа, племенным/национальным «характером» или «нравом» (но не «нравами», под которыми подразумевались обычаи и традиции), «психической физиономией» народа/нации и т.д., однако их суть оставалась прежней: каждый отдельный человек несет в себе черты той общности, к которой принадлежит по крови, воспитанию или культуре; а народы отличаются друг от друга качествами и признаками, которые особенно явно заметны в сравнении. Отождествление свойств общности и индивида, его представляющего, благодаря философам Просвещения (Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Гердеру, Д. Юму и др.) и романтическому историзму, обрело значение важнейшей теоретической установки в социальных и естественных науках XIX в. [2–4]. Самая крайняя позиция утверждала «врожденность» характера, т. е. наследование его не через посредство социально-культурных механизмов, а генетически; истоки отличий связывались с природно-климатическими факторами. Даже политические формы виделись следствием «склонностей», сформированных географическими условиями: «По мере удаления к югу вы как бы удаляетесь от самой морали [...] В странах умеренного климата вы увидите народы, непостоянные в своих пороках и добродетелях, так как недостаточно определенные свойства этого климата не в состоянии дать им устойчивость» [5. С. 352]. Ш. Монтескье обуславливал различия темпераментов народов не только природой, но и давностью происхождения: «молодые» народы наделены соответствующими юности эмоциональностью и героизмом, представители «старых» культур – напротив, вялостью и малоподвижностью [5. С. 412]. Эти идеи получили широкое распространение в процессе формирования европейской этнонациональной идентичности [6–8].

Характерология славян эпохи Просвещения

Восприятие просветителями истории выразилось в идее прогресса, определяемого разумом и законом, что позволяло выявить эволюцию и иерархию государств и обществ. Разделение народов на цивилизованные (культурные) и нецивилизованные (дикие) включало дополнительные критерии идентификации – такие, как наличие общественной организации (высшей формой которой объявлялось государство) и права. Воплощением стадильности стало уподобление биографии человека истории общности, а метафорой – этапы жизненного цикла (эта метафора получает распространение еще в паразитических сочинениях эпохи Возрождения), что оказало непосредственное влияние на способы восприятия и описания отличительных особенностей разных народов. Современный культуролог Л. Вульф показал, что образованным европейцам эпохи Просвещения было свойственно соединять историко-этнографические изыскания (даже самого поверхностного, гипотетического уровня) с оценкой современного состояния государств и их жителей. В изображении регионов и обитателей Восточной Европы они не в силах были преодолеть «хронологического смещения, когда делали историю варварских племен фоном для своих [...] впечатлений» [6. С. 423], потому образ жизни народов, общественный и политический строй которых отличался от европоцентричной модели, расценивался как архаичный, т. е. некогда ими самими уже пройденный исторический этап. Такое смешение древнего и нового характерно для описания славянских народов Руссо, Вольтером, Гиббоном, Гердером и др. Следствием отождествления античных реалий с современными стало то, что черты древних варварских народов легко и априори обнаруживались в их разноплеменных потомках «здесь и сейчас», вполне подтверждая усвоенное Просвещением противопоставление варварства и цивилизации как не только временных, но и пространственных категорий. Цивилизацию представляли просвещенные европейцы, варварство – те, кто к ним не относился, даже европейские

народы, исповедовавшие христианство, но не обладавшие признаваемыми просвещенными формами правления. Такой способ обращения к прошлому призван был подтвердить кардинальное несходство быта и нравов таких крупных племенных образований, как германцы и славяне еще в эпоху античности – для того чтобы найти и объяснить истоки современных различий в их политическом и социальном устройстве. Поэтому в сложившемся корпусе источников о славянах, и не только древних, отыскивали прежде всего описания характера, состояния нравственности и «общественного быта». Именно черты нрава, обусловленные природными условиями и происхождением (трактуемые как нечто среднее между темпераментом, психологией и физиологией), оказывались важным историческим аргументом племенных отличий.

Примером приложения этой теории к практике народоописаний могут служить труды немецких ученых К.Г. Антона и И.Г. Гердера о древних славянах, в которых обосновывалось коренное отличие германских и славянских племен в дохристианский и догосударственный период истории. Их описания славян хорошо изучены, они стали основополагающими для всей славянской характерологии XIX в.: славяне – носители свойств, присущих обитателям умеренного пояса (срединного меж севером и югом) и земледельцам.

И.Г. Гердер в труде «Идеи к философии истории» (1784–1788) включал в набор специфических славянских качеств свойства, присущие всем народам на определенной ступени развития (нравственная чистота и гостеприимство), и самобытные особенности, ассоциируемые с земледельческим образом жизни. Значимым представлялось ему отсутствие зрелых общественных институтов, которые свидетельствовали о традициях самоорганизации (и позже способствовали просвещению). Однако неудачное, как полагал он, соседство с немцами и восточными татарами привело их к историческим «несчастьям», поскольку из-за привязанности к домашней жизни они «не смогли установить долговечного военного строя» и потому не в состоянии были оказать сопротивления агрессивным соседям. Главными поработителями славян Гердер считал германцев. Подчинение им сформировало новые черты: из кротких они превратились в хитрых, коварных и склонных к подчинению («коварная и жестокая леность раба» [9. С. 470, 471] отличала их).

Но прежде всего славяне отождествлялись с мягким, податливым, пассивным началом, соотносимым с их оседлым земледельческим образом жизни: «Они были милосердны и гостеприимны до расточительства, любили сельскую свободу, но были послушны и покорны, враги разбоя и грабежей». Все это не помогло им защититься от посягательств, а, напротив, способствовало их поработению [9. С. 470]. Выступая антиподом славян, германцы, в свою очередь, характеризовались как воинственные, жестокие, обладающие героическим духом. Их отличали «способность подчиняться приказу», «дерзость» в нападениях, склонность к завоеваниям – т.е. они воплощали энергичное, деятельное начало [10. С. 466]. «Положение немцев среди остальных народов Европы, их военный союз, их племенной характер – это столпы, на которых утверждены культура, свобода и независимость Европы» [10. С. 467], – заключал И.Г. Гердер.

Именно Гердеру принадлежит ставшая ключевой для XIX в. изначально компаративистская конструкция, которая в конечном итоге оказалась культурной оппозицией: он рассматривал германские и славянские племена как две разнонаправленные силы в европейской истории. В основе дихотомии лежало противопоставление славянской и германской «племенных стихий», в соответствии с которым их отличительные свойства и качества вписывались в дуалистическую схему, воплощенную в образах кроткого пахаря и отважного воина. Ключевую роль в интерпретации этих и других качеств играла метафора «возраста» народа: юный, незрелый народ – это «дитя», которому присущи бурные проявления эмоций, «детская жестокость», отсутствие навыков поведения и интереса к куль-

туре. «Юность» в этой дихотомии воплощали германские племена, культуру и зрелость – славяне-землепашцы. Такие определения дополнялись оппозициями: совершенство/несовершенство, полнота/неполнота, закон/обычай и др. В отношении характера это интерпретировалось как преобладание у славян Сердца над Разумом; как власть эмоций над умом, неразвитость у них рационального начала, поэтические и мистические склонности и т.п.

Гердер, таким образом, объединил в своем объяснении несколько вариантов интерпретаций славянского нрава, которые уже использовались в литературе: добродушие, «веселость», простоту нравов, взаимообуславливающие друг друга, и порожденную этими свойствами и земледельческим образом жизни разъединенность, ставшую причиной потери ими независимости. В гердеровской характеристике славян содержались три важнейшие для славистики последующего столетия идеи: 1) возможность рассматривать состояние их древнего «общественного быта» в исторической преемственности «склонностей» как источника дальнейшего развития форм политического устройства и государственности; 2) трактовка их отношений с древними германцами как порабощение слабого, но более зрелого племени более варварским, а потому сильным, лучше организованным, жестко структурированным и агрессивным; 3) определение различий этнических (племенных) характеров германцев и славян в категориях кардинального противопоставления двух культурно-цивилизационных моделей, в конструкции которых важную роль играли как географические и физическо-антропологические, так и социально-экономические факторы, а также трактовка прогресса как естественной смены социально-экономических форм в ходе эволюционного развития, задававшей иерархию народов.

Гердеровская типология в восприятии романтиков

Осмысление гердеровского наследия в славянской общественной мысли эпохи романтизма привело к своеобразной перекодировке дихотомии: она стала восприниматься в контексте гегелевской философии – с ее акцентом на противопоставлении «авангардных» в историческом отношении народов (германцев и немцев прежде всего) и «неисторических» (славян). Так сравнение германцев и славян как племенных сообществ из задачи выявления культурной самобытности преобразовалось в основание цивилизационной классификации. Это привело к тому, что перечень патриархальных добродетелей славян можно было «использовать» как для объяснения отсутствия общественной самоорганизации (повлекшего за собой завоевание их более «жесткими» народами и породившего иные формы «общинного быта»), так и для обоснования глубинных различий между германским и славянским «мирами» или Западной и Восточной Европами или – Европы и Азии. При этом происходила важнейшая замена гердеровского тезиса о том, что строй и общественные отношения славян-земледельцев ставили их на более высокую ступень цивилизационного развития, чем племена германцев, которые побеждали более развитых славян, удерживая их, мало сплоченных между собой, насилием. Перенесение главного акцента на государственность как критерий цивилизованности меняло славян и германцев местами: первые оказывались незрелыми/юными народами, сохранявшие традиционные архаические институты и ценности «древних времен», вторые их опережали и подчиняли именно по причине рационального устройства и жесткости политической власти, что ассоциировалось с социальной зрелостью и склонностью к государственнообразованию.

Противопоставление в категориях молодой/старый или зрелый (причем именно молодость наделялась «всеми ценностными смыслами эпохи» [11. С. 53]) получило у романтиков яркое воплощение. Для них идея роста и развития стала ключевой, так как рассматривалась в контексте теории эволюции [12]. Проблема славянского характера была одной из центральных в публицистике и историогра-

фии славянских стран в начале XIX в. [13]. Это было связано как с политической ситуацией, так и с общими для романтизма в целом поисками древних корней национальных культур, которые, как казалось, и обусловили современные отличительные черты разных народов, своеобразие их «физиономий» [14. С. 26–31, 102–112].

Таким образом, в эпоху романтизма просвещенческая метафора «молодости» и «незрелости» славян стала как никогда ранее актуальной и оставалась таковой вплоть до конца XIX столетия. Но в национальных славянских историографиях незрелость и несовершенство славян рассматривались теперь в кардинально ином ракурсе: они объявлялись не недостатками, а достоинствами; негативные же черты интерпретировались как сформировавшиеся в результате нарушения чистоты «первоначального типа», произошедшего в результате инородного влияния (это подтверждала, например, польская «теория завоевания», согласно которой шляхта, возводившая свое происхождение к сарматам, захватила земли, заселенные земледельцами-поляками). Польские просветители и романтики (наиболее авторитетным из которых был А. Мицкевич) стремились увидеть в славянской слабости «пассивность» и «детскость», трактуемые как нравственную чистоту и духовную чуткость. «Неупорядоченность и податливость» славян, – как утверждал поэт, – «является плодом развития в них интуиции и духа» [15. С. 172] (подробнее об этом курсе см. [16–18]) – в отличие от других европейских племен, у которых господствует разумное начало, оформляющее себя в жестких и стабильных неизменных системах. Дух объявлялся Мицкевичем «насквозь славянским понятием»: этим «божественным инстинктом наделены славяне в большей степени», нежели другие народы. Поэт отмечал пассивность и экзальтированность славян [15. С. 172–191], что трактовалось им, однако, как доказательство внутренней силы, скрытой до времени воли [19. С. 47]. Он именовал славян «расой», «душевные силы которой не изнурены ни интеллектуальными достижениями, ни промышленностью, (она. – М.Л.) [...] сохраняет чистое и глубокое религиозное чувство» (цит. по [17. С. 199]). Таким образом, А. Мицкевич использовал противопоставление социально-психологических параметров германского и славянского начал (стихий), «предлагаемых» просвещенческой доктриной, для выявления черт не только национального, но и племенного Духа, концепцию которого создал и развил романтизм.

После Мицкевича сравнения славян и немцев – в том числе и научно-славистические – свелись к ряду оппозиций: Ум – Душа, Разум – Сердце, рационализм – мистицизм, практицизм – мечтательность, холодность/страстность, сдержанность/эмоциональность и др. Они призваны были уточнить метафору германской старости (зрелости) и славянской юности. Юность оказывалась и более привлекательной, и более перспективной. Таким образом, комплекс всех свойств славян к 1830-м годам сложился вполне [20], и национальные автохарактеристики в гегелевском духе строились на этом, просвещенческо-романтическом, фундаменте [21], что позволяло составлять описания «физиономии» русских / великорусов в романтической русской славистике, опираясь на известную схему.

Древние славяне и русские как их потомки в трудах первой половины XIX в.: историко-генетическое наследие

Вводя категорию совершенство/несовершенство, романтики считали эволюцию возможной лишь в области разума, но не морали, поэтому уподобление общества биологическому организму, переживающему все этапы жизни, означало, что «дети» неразумны, но чисты, а «взрослые» испорчены, но рациональны. Н.И. Надеждин использовал эту просвещенческую и романтическую метафору, размышляя об этапе эволюции русского народа: его состояние «детства» он расценивал как залог будущего расцвета, когда цивилизационное несовершенство

видится достоинством «детской чистоты»: «[...] мы *дети*, и это *детство* есть наше счастье. С нашей простой, девственной, младенческой природой, не испорченной никакими предубеждениями [...] можно сделать все без труда, без насилия: из нас, как из чистого, мягкого воска, можно вылепить все формы истинного совершенства» [22. С. 96]. Недостатки юности были связаны с ее возвышенным, романтическим характером, непрактичностью, несдержанностью и метаниями. Необходимо напомнить, что и этапы развития народности по В.Г. Белинскому формулировались в категориях взросления [23. С. 121–122].

Обратимся к российским авторам, для которых славистическая проблематика была важна уже не сама по себе, а в непосредственной связи с кругом проблем этногенеза великорусов и антропологической обусловленности их этнокультурного своеобразия. В исторических трудах этот вопрос оказался более чем актуальным, поскольку в связи с постоянной дискуссией о норманизме необходимо было определить, в какой степени будущее русское/великорусское племя на раннем историческом этапе сохраняло в себе типично славянские черты. Если славяно-русы первого российского государства Рюрика – прямые потомки славянских народов, то, следовательно, кроме языка должны были быть еще какие-либо приметы этнокультурной общности. Нрав/характер расценивался как важнейший объективный и неизменный признак этничности, и, следовательно, необходимо было выявить его особенности.

В «Истории государства российского» Н.М. Карамзина мы встречаем ставшее хрестоматийным для российской научно-популярной литературы XIX в. описание качеств древних славян: жестоки и воинственны в бою, храбры и мужественны, добродушны в мирной жизни, они не ведают ни лукавства, ни злости, им присущи простота нравов и гостеприимство [24]. Здесь впервые появляется важное для последующего исторического дискурса о славянском и русском характерах утверждение о жестокости славян, которое первый русский историограф объяснял ответной мстостью или необходимостью защищать себя.

Оказавший значительное влияние на российскую славистику XIX в. чешский ученый П.И. Шафарик в своих трудах уделял место проблеме племенного славянского нрава. В «Истории славянских литератур» (1826) и в «Истории славянских древностей» (1837) он приписывал древним славянам «пять коренных черт», лежащих в основе славянского характера: «религиозность, трудолюбие, невинную и беззаботную веселость, привязанность к родному языку и миролюбие» (цит. по [25. С. 41]), а также покорность и склонность к общительности, подвижность, «развязность языка», «страстность сердца», – и все это «дело чистой природы», а не воспитания; славянское «сердце переполнено чувством». Шафарик подчеркивал кротость и спокойствие, типичные для земледельческих народов и всячески отвергал мнение о жестокости и коварстве древних предков (см. [25. Гл. 5]), высказанное Н.М. Карамзиным.

Польский историк-правовед В.А. Мацеёвский, сочинения которого переведены на русский [26], осуществлял реконструкцию особенностей славянского нрава через противопоставление славян и немцев (германцев). Критериями сравнения выступали у него отличительные особенности темперамента (склонность к радости, веселью у славян и к грусти – немцев), преобладание духа практицизма у немцев и мечтательности у славян (стремление «жить одним днем», не заботясь о грядущем, и озабоченность немцев будущим благоденствием). Чувства («зов сердца») и разум трактовались им как приметы, соответственно, юности (славяне) и зрелости (германцы): если «характер немцев принял окончательный вид, то наш только развивается» [26. С. 84].

Примером фольклористического исследования, в котором важное место занимала проблема противопоставления германской и славянской стихий, является книга О.М. Бодянского [27]. В ней воплощены два главных методологических принципа, в соответствии с которыми реконструируются племенной (общесла-

вянский) и характеры отдельных народов: а) антропогеографический принцип К. Риттера (1830-х годов), когда установление особенностей природы и климата дает возможность определить темперамент и душевное состояние обитателей («какова природа, таковы и краски» [27. С. 116]); б) характер народа выявляется на основании анализа его духовной деятельности – в песнях, обрядах, верованиях и т.п. («характер песен должен быть вообще таков, какой характер народа, их произведшего [...]» [27. С. 31]).

В очерке нравов древних славян, написанном на основании сочинений Гердера, Шафарика и др., доминируют стереотипные черты, объясняющиеся оседлым земледельческим образом жизни [27. С. 34–35]. Все они хорошо известны эпохе (миролюбие, кротость, уживчивость, предпочтение частной домашней, семейной жизни войнам, привязанность к родной земле и свободолюбие) [27. С. 38, 40]. Он убежден, что земледельцы находятся на более высокой ступени развития (хотя и не использует слова «цивилизация» или «культура», но, в сущности, подразумевает именно эволюционную шкалу), с которой начинается «высшее совершенствование», смягчение диких нравов, «порядок в образе жизни». Именно у них возникает грамота, ремесла, торговля, начала наук – и притом задолго до принятия христианства [27. С. 35]. Этим народам противопоставляет О.М. Бодянский другие, которые «отличались своим отвращением к земледелию, предпочитая ему звероловство, скотоводство [...] войну, вообще жизнь скитальческую, подвижную [...] требовавшую меньших трудов и усилий» [27. С. 35]. Самым ярким примером таковых оказывается «первобытный германец»: «[...] житель мрачного севера, взросший в своих дремучих лесах [...] провождавший жизнь свою в этих дубровах и чащах, занимался [...] одной только охотой, приучавшей его к отважнейшим предприятим, пренебрегая все другие занятия, как несогласные с его понятиями о своей личной независимости и свободе» [27. С. 51–52]. В таком описании дихотомия германцы/славяне обретала отличные от характеристик предшественников, значения: дикость/цивилизованность, отсталость/совершенство, т.е. содержание элементов при их сохранении меняется местами, возвращаясь к изначально гердеровской иерархии двух племен. Любопытно, что самое важное прежде противопоставление германской силы и рационализма славянской одухотворенности и мягкости также подверглось трансформации. О.М. Бодянский усматривает в германцах власть мрачной мечтательности («романтическое чувство») и фантазии, стремление к чудесному, сверхъестественному [27. С. 51]. В славянах же ему видится «от самой природы [...] склонность больше к общественной деятельности и [...] веселому проведению жизни, чем к мрачному унынию» [27. С. 51].

Такая нестандартная для своего времени трактовка славянского своеобразия, однако, с трудом может объяснить видение О.М. Бодянским особенностей характера великорусов как потомков и наследников древних славян. Следуя известной схеме, в которой особенности поэтических образов и песенных мелодий объясняют народный характер, автор обнаруживает в нем «глубокую унылость и покорность своей судьбе» [27. С. 114], обусловленную скудостью, бедностью, суровостью и равнинным однообразием природы севера. Он наделяет великорусов умеренностью и благоразумием, «здравым смыслом, незаносчивостью, довольством малым», верностью власти предрержащим, подчеркивает их покорность судьбе, «детскую готовность и незлобие» и вызванный этим практический склад жизни и ума («занимается одним текущим, суетится в этом мире» [27. С. 117]). Великорусы – обладатели «характера меланхолического, задумчивые, унылые, любят уединяться в самих себя, или же искать [...] облегчения в забывчивости [...] Привыкнув к обольщениям и потерям, они обыкновенно мало обольщают себя заманчивыми надеждами [...]» [27. С. 119], в них отсутствует тщеславие. Таким образом, в великорусе от типично славянских черт остается, в сущности, немного. По природному образу он оказывается ближе к германскому типу,

однако, оставаясь земледельцем, в полной мере обладает добродетелями мирного пахаря, хотя по темпераменту – самый печальный, тоскливый и покорный судьбе и правителям восточнославянский народ.

Русские/великорусы как славянское племя: эволюция представлений

В 1830–1850-х годах в российской историографии ключевым в связи с формированием национальной идеи стало отождествление со славянами прежде всего «русского народа» как триединого (состоящего из трех племенных «отраслей»). Главным пунктом расхождения оставалось противостояние стихий чувства (у славян) и разума (у германцев, и, шире – западноевропейцев) [25; 28. Гл. 2–3; 29. С. 118–125; 20]. Этнические свойства древних славян интересовали историков, писателей и общественных деятелей прежде всего как сохранившиеся в русском народе славянские «духовные» константы, повлиявшие на отличительные качества народного характера и специфические особенности российской истории и цивилизационной миссии. Приведем несколько наиболее характерных для эпохи описаний «своих» – русского (в том числе и без определения «великорусский») крестьянства, которые укладываются в представления о великорусском земледельце как потомке добродетельных славян.

Одно содержится в ранних популярных записках о «путешествии по стране» В.В. Пассека (1834): указывая, что всем славянским племенам присуща «предрасположенность к восприятию греческой религии», автор приписывает им «положительные признаки»: «созерцательность, перевес внутренней жизни над внешней, тишины, спокойствия – над деятельностью» [30. С. 43]. И все эти черты Пассек обнаруживает в событиях истории России, в ее памятниках и т.п., не упоминая, однако, напрямую о великорусах [30. С. 45–49]. В «Записках Вадима» нет прямого сопоставления русских со славянами, но оно довольно легко «вычитывается» из контекста.

В известном участии Ф.В. Булгарина статистическом описании Российской империи того же времени говорилось: «Везде славяне отличаются мужеством, гостеприимством, радушием, правдивостью, добродушием, человеколюбием и состраданием», им присуща также «общежительность» [31. С. XXII.]. Древние славяне добры «по-своему», великодушны, откровенны, щедры с друзьями, свирепы к врагам [31. С. 88]. Их потомки – русские, являясь господствующим в России племенем, «[...] превосходят все прочие народы трудолюбием и телесною крепостию, мужественны, как все славяне, и соединено узами веры, любви к престолу и отечеству» [32. С. 298]. В первом высказывании подчеркивалась двойственность характеристики (данной еще Гердером), во втором – нравственные добродетели и сформированные ими нормы «общественного быта», которые стали основанием для выводов о способности к государствообразованию прежде всего этнических русских.

Именно в таком, архаическом понимании «русскости», представлены черты национального характера в книге А.С. Терещенко, опубликованной спустя 11 лет. Славянское происхождение становится лейтмотивом в изображении «русского народа». Сначала автор стремится создать привлекательный образ, привычно сопоставляя славян и германцев: «славяне наружностью и умом ни в чем не уступают прославленным коренным европейцам – германам и франкам [...] очерком лица, белизною тела, станом, и душевными силами суть настоящие европейцы [...] в несчастях были тверды и непоколебимы» [33. С. 4–5]. Автор упоминает известные по античным источникам черты славянского племени: мужество в сражениях, добродушие, кротость и гостеприимство в мирной жизни [33. С. 389, 390]. «Славяне дышали простотой, не знали ни злобы, коварства» (цит. по [34. С. 7]), – подчеркивал он, и в этих словах отчетливо слышна полемика между Н.М. Карамзиным и П. Шафариком. Характеристика А.С. Терещенко весьма комплиментар-

на и далеко не оригинальна («все славянские племена любили песни и музыку» [33. С. 9], они были «[...] сильные, верные, не боящиеся смерти» [33. С. 28], «неутомимые в трудах и привязанные к земледелию» [33. С. 390]).

Славянские приметы русских усматриваются автором в склонности к веселью и праздникам. Непосредственно о великорусах он пишет так: «[...] проникательные, все они с большими наклонностями к познаниям: переимчивы и изобретательны, деятельны и неутомимы. Торговля всеми вещами [...] промышленность и фабричные произведения, проистекают отсюда» [33. С. 138]. И далее, о них же: «[...] более хладнокровные, чем горячие», «прежде рассчитывают, нежели решаются» [33. С. 139]. Здесь мы встречаем акцент на двух специфически великорусских свойствах: предприимчивость и парная и явно соотносимая с нею холодность/расчетливость. Причем появляется данный акцент именно в контексте рассмотрения типично славянских черт. Очевидно, что эти приметы отличают великорусов от древних славян и от современных единоплеменников.

Одним из первых такой идеализированный образ славянских предков в сочинении А.С. Терещенко подверг критике К.Д. Кавелин, который в своей рецензии весьма проникательно заметил, что комплекс черт, которыми автор наделил древних славян, присущ «большой части народов в первобытном состоянии» [34. Стлб. 11–12]. К.Д. Кавелин уловил общую, типическую для описаний русских этого периода тенденциозность. Стремясь охарактеризовать их в разных этнографических аспектах и обнаруживая в их нраве врожденные добродетели, пороки, склонности и страсти, авторы (независимо от того, обращались ли они к собственным впечатлениям или оперировали данными, собранными другими) отождествляли образ жизни и мировоззрение современного им народа – т.е. крестьянства XIX в. с бытом и мировоззрением их предков в России и даже более отдаленных – славянских. Истоки этого заблуждения связаны с прямолинейной трактовкой патриархальности: считалось, что именно в «простом народе» сохраняются архаические формы культуры, «живое» устное народное творчество содержит почти без изменений формулы и элементы представлений ушедших эпох, а сам земледельческий склад жизни создает естественный барьер для новаций и изменений, которым подвергается в первую очередь культура высших социальных слоев. Отсюда такая живучесть представлений о том, что характер крестьянина и есть истинно народный и устойчивый этнографический признак [3].

Сам историк тоже не избежал соблазна обратиться к германско-славянскому сопоставлению в своем очерке о русской истории: этнокультурное своеобразие «русско-славянских племен» он противопоставлял племени германскому, которому, в отличие от славян, «[...] предстояло развить историческую личность». Осуществляя сопоставление, на первый взгляд, в иных категориях (через реализацию личностного и общинного начал), Кавелин прибегает все к тем же стереотипным определениям: славяне – «спокойные, миролюбивые [...] жили постоянно на своих местах. Начало личности у них не существовало. Семейственный быт и отношения не могли воспитать в русском славянине чувства osobности [...] Здесь человек как-то расплывается; его силы [...] лишены упругости, энергии и распускаются в море близких, мирных отношений [...] Здесь человек предается покою и нравственно дремлет. Он доверчив, слаб и беспечен как *дума* [...] [35. С. 22]» (курсив мой. – М.Л.). Ему он приписывает кроткие нравы, добродушие и доверчивость [35. С. 21]. Стоит обратить внимание на метафору возраста: действительно, в патриархальных добродетелях славян до принятия христианства легко угадываются черты «добраго дикаря», который, согласно представлениям, сформировавшимся еще с эпохи Просвещения, живя в гармонии с природой, не был тронут пороками цивилизации, его душа обладала неиспорченностью и чистотой «доисторической» стадии развития. Его нравственность не была, однако, осознанной, выработанной веками самоограничения, духовного подвига и верой – она имела иную природу, точнее, сама была природной.

К образу русских/великорусов А.С. Терещенко примыкает и характеристика географа И. Павловского (1843). Явно тяготеют к земледельческим славянским добродетелям перечисляемые им черты русских: «великодушные и гостеприимство – суть отличительные их черты; на лице их всегда изображается самодовольствие; веселость и бодрость сохраняются до глубокой старости; страстно любят они пляску и песни, известные своей “оригинальностью”. Русский необыкновенно привязан к своей родине (матушке России), питает религиозные чувства, отличается пламенным усердием к законным царям и есть безусловно покорный подданный. Он тщательно сохраняет нравы, обычаи и особенно веру своих предков [...] Русский-простолюдин трудолюбив, смышлен, переимчив, и ко всему способен» [36. С. 192]. Дальнейшие иллюстрации этих свойств у представителей разных губерний позволяют, однако, с уверенностью предположить, что под «русскими» автор разумеет исключительно великорусов [36. С. 192–193]. Необходимо оговориться, что подобный образ имел в большей степени идеологический, нежели объективно научный характер и призван был подчеркнуть верноподданные черты преданного царю и православной религии народа. В этом контексте весьма красноречиво и показательно сочетание определений «покорность» и «подданные».

К характерологии славян активно обращались русские историки второй половины XIX в. К.Д. Бестужев-Рюмин в экскурсе европейской истории XVII–XIX в. (1872) совсем не оригинален: «Мирный, земледельческий характер славян придавал значительную мягкость их нравам»; «войны обращались в промысел только в позднейшие времена и едва ли не под влиянием чужеземным; мирный земледельческий быт, старое общинное устройство мешало славянам окончательно обратиться в завоевательный народ» [37. С. 60, 63] (подробнее о славянской характерологии 1850–1870-х годов см. [25]). М.П. Погодин также создавал образ короткого, мирного пахаря-земледельца – предка великоруса: «Славяне были и есть народ тихий, спокойный, терпеливый. Все древние писатели утверждают это о своих славянах, то есть западных. Наши имели и имеют эти качества в высшей степени. Поэтому они и прияли чуждых господ без всякого сопротивления, исполняли всякое требование их с готовностью и не раздражая ничем» [38. С. 93]. Однако несомненной «компенсацией» этой неприглядной в целом смиренности можно считать заключение историка о том, что именно «такая безусловная покорность [...] равнодушные, противоположные западной раздражительности, содействовали к сохранению доброго согласия между двумя народами, слившимися вскоре воедино» [38. С. 93] (имеются в виду славяне и финны). Обращает на себя внимание сочетание спокойствия и пассивности и трактовка их в соотношении с физической и культурной ассимиляцией.

Д.И. Иловайский в «Истории России» (1876) трудности в созидании русской государственности на начальном этапе объяснял особенностями «склонностей» и психологии «славяно-русов», в которых сочетались как типично славянские черты, так и вновь выработанные, сложившиеся в исторических и природных условиях северо-восточных пространств Европейской равнины: Это «предприимчивость, мужество и способность созидательная», а также «запас изобретательности, трудолюбия и терпения» [39. С. 17]. «Творческая способность» первобытного русского племени, как неустанно подчеркивал Д.И. Иловайский и в других своих сочинениях, свидетельствует о необходимом потенциале племенной воли, позволяющем ему быть причисленным к «передовым историческим народам». К негативным общеславянским свойствам историк относил «чрезмерную впечатлительность» и «излишнюю подвижность» (как И.Г. Гердер и А. Мицкевич противопоставляя их «устойчивости» и сосредоточенности «немецкого племени»), которые обусловили «даровитость» славян, но служили источником «некоторого непостоянства, некоторой неустойчивости» [39. С. 18]. Но этот недостаток славяно-русам удалось преодолеть. Иловайский был убежден, что, хотя

«в силе характера» славянское племя явно уступает германскому, но и в этом качестве «русское племя» заметно отличается от других братьев-славян, с самого начала истории обнаруживая «терпение и твердость», столь необходимые для развития общественного и государственного быта. Он считал, что русским удалось выработать в своем характере такие черты, которые выгодно отличали их от славянских предков: это «меньшая степень впечатлительности и непостоянства», которыми они обязаны суровым природным условиям и «отчасти» метисации с другими народностями (с готскими и финскими).

Некоторые историки опирались на характерологию славян в связи с историческими и этнографическими исследованиями других славянских народов. Нельзя в этом контексте не упомянуть о монографии Н.И. Костомарова (1869). В ней много места было уделено польскому национальному характеру [40. С. 20–27], обширное и яркое описание которого в формулировках Костомарова вошло в отечественную полонистику на десятилетия. Основная идея историка заключалась в стремлении обосновать, что «польский народ, как и все славянское племя (выделено мной. – М.Л.) [...] представляет избыток и господство сердечности над умом» [40. С. 22]. Именно эта врожденная особенность славянского темперамента, по его мнению, определила реакции и действия, вкусы, предпочтения и политические пристрастия поляков, а обширный очерк типично польского нрава представляет собой детальный разбор всех известных славянских добродетелей и пороков, доведенных в польском типе до крайних форм выражения. Поляки предстают ярким воплощением славянского характера, сохранившем все главные племенные свойства в незамутненном виде. От Мицкевича Костомарова отличается кардинально противоположная оценка польских этнических особенностей. Сам же перечень их – все тот же комплекс, который соотносился с хрестоматийным уже представлением о славянах в системе оппозиции германская/славянская стихии. По содержанию конкретных определений и оценок он ближе всего к гердеровскому и мицкевичскому противопоставлениям рационального и мистического, интеллектуального и душевного, активного/пассивного, холодного ума/горячей любви и т.п.

Смирение и кротость в 1840–1870-е годы, как видим, рассматривались в качестве положительных свойств всякого земледельческого народа, и в особенности славян. Одним из первых иную точку зрения стал отстаивать С.М. Соловьев. Он полагал, что и гостеприимство и доброта славян «не исключали, впрочем, свирепости и жестокости в известных случаях», а кардинально противоположные мнения древних авторов объяснял несходством различных славянских племен и разрозненностью их, и таким образом, источники сообщали сведения верные, но касавшиеся не единой племенной группы, а разных народов общего происхождения, не имевших общности нравов [41. С. 102]. Но только в 1880-е годы эта более взвешенная и менее идеализированная точка зрения на славян как на агрессивный народ «завоевателей и грабителей» – т.е. ничем не отличавшийся от других варваров, – постепенно начинает преобладать [25. С. 205–206]. Д.И. Иловайский в «Разысканиях о начале Руси» (1876) заключал, что «пора оставить совершенно неосновательные мнения старых австрийских славян о мирном, земледельческом и пассивном характере древних славян. Воинственность свою славяне явно обнаружили» [42. С. 15–16], (о том же [43. С. 367–368]). И.М. Собестианский, автор обширной монографии, посвященной историографии славянской характерологии [25], категорически утверждал, что господствовавший ранее, на протяжении XIX в., «взгляд на характер древних славян можно назвать сентиментально-поэтическим», и что он имел мало общего с реальной исторической действительностью. Осуществленный им детальный разбор античных источников, с одной стороны, и европейской историографической традиции (от трудов эпохи Просвещения до Шафарика), анализирувавшей нравы славян, – с другой, привел его к заключению о том, что наиболее характерными свойствами, приписываемыми

славянам, были воинские добродетели (храбрость, воинственность, жертвенность и жестокость), сформированные природой свойства (отсутствие коварства, справедливость, миролюбие, доброта), а также черты, выработанные образом жизни и присущие земледельческим европейским народам (гостеприимство, кротость, прямотушие и трудолюбие) [25. С. 96–98]. Несмотря на кажущуюся разнородность и нечеткую классификацию этих особенностей, все они не противоречат друг другу. Исследователь, однако, утверждал категорично: «Меч и копьё, а не соха и гусли прокладывали путь нашим предкам» [25. С. 98–99]. Аналогичная точка зрения высказывалась и А.Н. Пыпиным [44. С. 786].

В 1880–1890-е годы, с развитием так называемой народной или национальной психологии, интерпретация нрава/характера племен и народов подвергается корректровке много плана. Оригинальную для своего времени концепцию формирования психофизиологических особенностей народов развивал в своих трудах А.П. Щапов, однако в части констатации и он следовал привычной схеме, почти буквально повторяя предшественников (славяне – сердце, германцы – ум; славянская и германская стихии как чувство и разум [45. С. 155]), только прибегал к специальной лексике: «славянское племя [...] наиболее отличалось пассивной восприимчивостью нервной чувствительности или господством пассивного чувства над активной самодеятельностью умозрительных способностей, *господством внешних чувств над разумом* (курсив мой. – М.Л.)» [45. С. 154]. Щапов не опровергал и противопоставления германских и славянских племен как различных в том числе и по психотипу [45. С. 166]. Исследователь утверждал, что особое значение для славян имеют осознание племенного родства, общинные предрасположения и привязанности к родовым преданиям, а также чувство пассивной ненависти к угнетавшим их народам, – например, к германцам, и при этом им присуща «медленная умственная возбуждаемость к прогрессу».

В полной мере довольно архаические характеристики присутствовали и в трудах славянских антропологов, однако в иных формулах и в другой системе причинно-следственных связей: в них акцентировались врожденные свойства физических (антропологических) типов или рас. В соответствии с расовыми теориями своеобразие психического склада находилось в тесном соответствии с внешним обликом и уровнем развития человеческой общности. Но и в этом случае следует констатировать, что принципиально нового содержания в известные характеристики они не внесли. Это проявилось, например, в трудах российского антрополога И.А. Сикорского. Он исходил из убеждения в том, что черты нрава, как и физические признаки, обладают высокой степенью исторической временной устойчивости, и потому «духовные качества расы или племени», черты характера, «достоинства и недостатки передаются нисходящим поколениям» [46. С. 3] непременно. И.А. Сикорский легко обнаруживал в народном русском характере сохранившиеся черты общеславянской основы нрава: «те же славянское миролюбие и гостеприимство, ту же нелюбовь к труду, те же семейные добродетели, тот же идеализм, ту же славянскую рознь, которые отличали большую часть славян» [46. С. 3] в течение их исторической жизни. Идеализм ученый именовал «самой привлекательной особенностью» славянского типа, усматривая его истоки в тонкости чувств [46. С. 12] (вспомним Мицкевича и Костомарова). Как и большинство современников-антропологов, Сикорский утверждал зависимость умственных и душевных качеств народа от природы и потому считал ее неразрешенной загадкой явное противоречие: «суровая и небогатая впечатлениями природа» Восточной Европы создала и развила «глубокое чувство» и «великий народный дух» русского народа [46. С. 5], и, таким образом, «культура духа» славян вступила в данном регионе в противоречие с «культурой природы»: «[...] Славяне вообще и русские в частности отличаются склонностью к внутреннему анализу, в особенности [...] нравственному. Окружающая [...] обстановка жизни

мало интересуется [...] русского человека [...] (он. – *М.Л.*) не ищет удобств и ко всему предпочитает теплую душу и открытое сердце» [46. С. 5–6]. К «слабейшим сторонам» славянской природы антрополог относил «волю», которая у них менее энергична, чем у других народов, поэтому эти народы способны лишь на кратковременные волевые усилия – т.е. порывы [47. С. 252] (о чем писал еще О.М. Бодянский в упоминаемом выше очерке о великорусской народной поэзии).

Типическими чертами русского народного характера антрополог считал терпение («напряжение воли, направленное к подавлению физического или нравственного страдания» [46. С. 11]) и величие духа среди несчастий, склонность к меланхолии, покорность судьбе и «вдумчивость в события» [46. С. 10] (то же – у Бодянского). Сикорский полагал, что русское терпение и вытекающая из него потребность мученичества составляют «характеристический облик» русского народа [46. С. 11], а такие психические черты славян, как «чуткая впечатлительность, нервная подвижность» (как и в описаниях А. Мицкевича и Н.И. Костомарова), соответствующие «тонко развитому чувству и достаточно развитому уму», остались в великорусе, однако несколько видоизменились в нем под воздействием метисации (смешения с финскими племенами) [47. С. 252–253]. Типичное для всех славян гостеприимство, сохраняющееся и в русском народе, автор объяснял не только «развитым человеческим чувством», но и особенным восприятием Другого: «уважением ко всему иностранному, усвоением лучших основ чужой культуры», что, как ему казалось, объясняет и веротерпимость, и примирительное отношение («братский прием») «к инородческим элементам» [46. С. 13]. В этом он солидаризовался с мнением М.Н. Погодина.

Стремление к обнаружению одних и тех же славянских свойств нрава/характера/психологии великоруса на протяжении столетия мало подвергались корректировке, в них легко выделить несколько ключевых комплексов этнокультурных особенностей. Первый соотносится с качествами этноса, которые в силу исторических причин тяготеют прежде всего к земледельческому хозяйственному типу. Он, в свою очередь, в системе представлений об эволюции человечества рассматривался как находящийся вверху эволюционной лестницы, только он способен был трансформироваться в просвещенное и промышленно развитое общество современного этапа. Хотя эти черты «мирного пахаря» связываются со славянами, по сути, они носят внеплеменной, универсально культурный характер. Общественной организации данного типа соответствуют патриархальные формы самоорганизации – община и семейно-родовые отношения традиционного общества: покорность старшим, подчиненное положение женщины, отчасти – «природная» нравственность. С другой стороны, постоянно актуализируется противопоставление славянского «склада» германскому, осуществляемое в категориях-метафорах возраста (зрелый или старый/юный), которым соответствуют оппозиции: совершенный/несовершенный, разумный/неразумный; испорченный/неиспорченный, полный/неполный, чистая форма/смешанная форма; закон/обычай, знание/вера, активность/пассивность. Еще одно раннее противопоставление немцев и славян как земледельцев воинам не получило столь полного воплощения и постепенно нивелировалось доказательствами воинственности и жестокости, а не кротости и миролюбия древних славян. На очень важный вопрос: какими научными и вненаучными причинами можно объяснить трансформацию-перекодировку этого комплекса свойств (темперамент, в котором больше чем одно из проявлений своеобразия, он тесно связан с широким рядом культурных коннотаций), пока ответить однозначно трудно. Возможно, это было связано с необходимостью актуализировать «сильные», лидерские качества древних предков, позволившие им создать, сохранить и впоследствии расширить свое государство до границ мощной Империи – странно было бы выстраивать такой дискурс в опоре на образ кроткого пахаря. Такой перенос акцентов мог знаменовать новый этап в процессе

формирования представлений о государствообразующем народе на начальном этапе нациестроительства в Российской империи. Однако в целом при детализации отдельных положений и разработке вариантов в различных, в том числе и позитивистских исследованиях, романтическая концепция славяно-германского противостояния не претерпела кардинальных изменений [48].

Великорусы как славяне должны были воплощать в своей духовной жизни такие типичные черты, как: а) преобладание сердца над разумом; б) господство эмоций над умом; в) преобладание страстей над волей; г) неразвитость рационального начала, развитость мистического начала; д) слабо выраженный волевой импульс, пассивность, отсутствие энергии в преобразовании и отсюда – приверженность старине. Однако почти все эти свойства в обобщенных характеристиках выражены неотчетливо, а во многих случаях в великорусах они не выделяются, актуализируются иные черты, доказывающие способность к реализации модернизационных реформ. Типичные отличительные черты великорусов обнаруживаются как раз в той сфере (колониционной деятельности, промышленной, торговой и т.п.), которая не совпадает с земледельческим славянским идеалом. Более или менее ясно проступают славянские древние добродетели лишь в историко-психологических описаниях Щапова и Сикорского.

Сегодня, опираясь на новые теоретические модели европоцентристских типологий, можно заметить еще два очевидных и явно вписывающихся в этот перечень оппозиций дихотомических сближения ориенталистского и «колониального» дискурсов (Восток/Запад) и гендерного – маскулинное/феминное начала. Хорошо известно, что национально-характерологические типологии активно соотносятся с гендерными [49–51]. Согласно им, женские качества слабости, эмоциональности, незащитности, неорганизованности, пассивности, зависимости, неразвитого интеллекта и т.п. приписывались славянам, в то время как представители германского племени выступали как обладатели мужских позитивных качеств силы, рациональности, дисциплины, жесткости, организации, ума и т.п. В том же XIX столетии носителями женского начала в противопоставлении германским объявлялись также романские народы [52. С. 561–563] и евреи [53]. Согласно другим теориям (например Ф. Ницше) греки и французы воплощали женский тип, немцы, римляне и евреи – мужской [54. С. 561–563].

Важно отметить, что данная тенденция была отмечена еще в историографии XIX в. в связи с интерпретацией расовых классификаций, осуществляемой в антропологических исследованиях первой трети и середины века: «Многие немецкие историки и публицисты [...] видели в различии германцев и славян как бы различие половое и доказывали, что германцы представляют собой элемент мужеский, активный, а славяне – элемент женский, страдательный» [55. С. 10]. То же отождествление этнической и гендерной дихотомий отмечали и слависты. На нее указывал, в частности, В.И. Ламанский, рассматривая западноевропейскую (главным образом немецкоязычную) славистическую историографию XVIII – первой половины XIX в. [56. С. 69–74]. Однако, соотнося данную типологию с российскими описаниями племенных нравов восточных славян [57. С. 7–10], легко заметить, что великорусы явно соотносились с мужским, в то время как малорусы – с женским началом.

Возникает и еще один вопрос: отчего представление об общеславянском характере как оппозиционном германскому племенному психотипу (неоднократно переведившееся в оппозиции Запад/Восток, Европа/Азия, цивилизация/варварство, жестокость/доброта, порядок/стихийность и др.) оказалось столь живучим, воплотившись почти в каноническом комплексе особенностей, не менявшемся в ходе создания национальных идеологий и этнографических научных описаний на протяжении всего XIX в. (да и XX, признаемся, столетия)? Почему, при кажущемся очевидным антагонизме оценок внешних наблюдателей и самохарак-

теристик патриотической историографии, сам перечень этноспецифических черт оставался общим – в отличие от их постоянно менявшихся оценок?

На наш взгляд, причины следует искать в идеологических концепциях, обосновывающих цивилизационный статус нациеобразующего этноса в российской общественной и научной мысли. Во-первых, обнаружение типично славянских черт (как во внешнем облике, так и в характере) должно было подтвердить славянскую доминанту в смешанном славяно-финском типе (который воплощал великорус). Несмотря на многочисленные и доказательные аргументы в пользу того, что не существует абсолютно «чистых» этнографических типов, многочисленные упреки в признаках и свойствах, обретенных вместе с финской кровью, отличавшие их как от южных и западных славян, так и от малорусов, не подлежали сомнению. Во-вторых, весьма значимой представлялась «славянскость» великорусов с точки зрения их «способности» к государственности. Поскольку великорусы оказывались в XIX в. единственным, а чуть ранее – вторым (вместе с Речью Посполитой) народом славянского мира, не только создавшим, но и удержавшим единство своего государства на протяжении веков в условиях постоянных посягательств на независимость и еще значительно расширившим свои границы, то возникало предположение, что, быть может, именно финская кровь дала им эту историческую способность? И хотя одним из немногих этот вопрос отчетливо сформулировал и разобрал К.Д. Кавелин, показавший, что такая зависимость, безусловно, существует, но она не прямолинейна, проблема не утратила своей актуальности и позже. При этом в текстах тех российских авторов, которые рассматривали славяно-великорусские культурно-генетические связи и сходства, позитивные последствия кровного смешения доминировали.

В-третьих, убежденность (очень долго – с 1830-х до 1880-х годов – господствовавшая в русской и зарубежной славистике) в пассивном и кротком характере славянских предков, переданном великорусскому племени [58. С. 190–191], так или иначе коррелировала с аргументацией мирного, ненасильственного характера колонизации, объявляемой, как известно, центральным содержанием русской неополитической истории, и, как следствие – органического процесса метисации славян и финно-угров в Северо-Восточной Руси [59]. Как правило, список главных врожденных добродетелей открывался презентацией типа смиренного труженика, способного к мирному сосуществованию и культурной ассимиляции с инородцами. Чему противопоставлялись иные, нероссийские модели колонизации, связываемые с неприятием чуждого мира, другой веры и агрессивным способом его покорения. Равновесие между двумя акцентами в определении нрава часто зависело от позиции вовсе не в вопросах этногенеза: Н.М. Карамзин, а вслед за ним Е.Е. Голубинский [60. С. 126] и М.П. Погодин [38. С. 94; 61. С. 365–372] связывали позитивно оцениваемые качества славянских народов исключительно с благоприятным влиянием христианской цивилизованности.

Еще одна причина заключается в «семантическом разладе» интерпретации народности [62. С. 9], а точнее, в особенностях ее «научно-этнографической» трактовки: и романтизм, и отрекавшийся от его постулатов позитивизм как нормативные системы гуманитарного знания признавали объективную данность этнического, и характера народа в том числе. Эволюционизм, теория которого складывалась с середины XIX в., в сущности, также не изменил и даже не подверг сомнению характерологию народов. Он лишь скорректировал идеи прогресса и стадийности развития, обозначив их как всеобщие законы эволюции. Трактующиеся как константные черты этнической природы свойства нрава и моральные добродетели расценивались как идентичные для всех обществ на определенной стадии развития, поэтому такие качества, как гостеприимство и добродушие, честность и эмоциональность оказывались не этноотличительными, а универсальными, присущими определенному типу традиционной культуры. Но фундаментальный постулат – признание национального характера важнейшим этническим

признаком и возможность его выявления методами визуального наблюдения – он только подкреплял. Даже переосмысление этничности в связи с выводами новой дисциплины 1880–1890-х годов – физической антропологии не породило сомнений в «объективности» данной категории. Нельзя не учитывать и того, что представления о племенном, народном (т. е. этническом) своеобразии нрава/характера неизбежно включали этнокультурные и авто-, и гетеростереотипы [30].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лескинен М.В.* От «натуры» к «гению»: традиции нравоописаний европейских народов XVI–XVIII вв. // Текст славянской культуры. Сборник в честь юбилея Л.А. Софроновой. М., 2011.
2. *Лескинен М.В.* Понятие «нрав народа» в российских этнографических концепциях второй половины XIX века // Славянские альманахи. 2006. М., 2007.
3. *Лескинен М.В.* Понятие «нрав народа» и этнические стереотипы в отечественной этнографии второй половины XIX века // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. М., 2009.
4. *Лескинен М.В.* Концепция «нрава народа» в языке описания российской науки второй половины XIX в.: дефиниции, способы выделения, функции национальный/социальный характер // Археология идей и современное наследие. Материалы всероссийской научной конференции. М., 2010.
5. *Монтескье Ш.* О духе законов // *Монтескье Ш.* О духе законов. М., 1955.
6. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
7. *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
8. *Нойманн И.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.
9. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977. Кн. шестнадцатая. Гл. 4. Славянские народы.
10. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977. Кн. шестнадцатая. Гл. 3. Немецкие народы.
11. *Софронова Л.А.* Принципы отчуждения романтического героя // Категории и концепты славянской культуры. Труды Отдела истории культуры. М., 2008.
12. *Софронова Л.А.* Польская культура первой половины XIX в. // Становление национальной классики. Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в 20–70-е годы XIX века. М., 1991.
13. *Bartkiewicz K.* Obraz dziejów ojczystych w świadomości historycznej w Polsce doby Oświecenia. Poznań, 1979.
14. *Janion M.* Niesamowita słowiańszczyzna. Fantazmaty literatury. Kraków, 2006.
15. *Мицкевич А.* Из курса славянских литератур, читанных в «College de France» // *Мицкевич А.* Соч. В 5-и т. / Пер. В. Венедиктова, Н. Семенова. Под. ред. Н.А. Полевого. СПб., 1882–1883; СПб., 1883. Т. 3.
16. *Софронова Л.А.* Автопортрет славянина по Мицкевичу // *Софронова Л.А.* Культура сквозь призму поэтики. М., 2006.
17. *Ларионова Е.О.* Курс лекций Адама Мицкевича в College de France: «Русская идея» в зеркале польского мессанизма // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010.
18. *Мочалова В.В.* Польский вопрос как славянский и европейский: русский взгляд (1863–1916) // Славянский мир в глазах России: Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе. М., 2011.
19. *Рудас-Гродзка М.* Пораженное славянство // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. М., 2007.
20. *Лескинен М.В.* Теории племенной и национальной характерологии в русской славистике XIX века // Славистика в центрально-европейском контексте. М., 2015.
21. *Жукова Е.П.* Гердер и философско-культурологическая мысль в России. Дисс. на соискание степени канд. филос. наук. М., 2000.
22. *Надеждин Н.И.* Два ответа Чаадаеву // Пётр Чаадаев. Pro et contra. СПб., 1998.
23. *Белинский В.Г.* Россия до Петра Великого // *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. В 13-и т. М., 1953–1959; М., 1954. Т. V.
24. *Карамзин Н.И.* История государства Российского. В 12-и т. СПб., 1892. Т. 1. Гл. I. О физическом и нравственном характере славян древних.
25. *Собестинский И.М.* Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Историко-критическое исследование. Харьков, 1892. Ч. 1. Учения о национальных особенностях характера древних славян.
26. *Мацеевский В.А.* История славянских законодательств (Оригинал в 6-и т., на русский яз. переведены первые два тома). В 2-х т. М., 1858–1860; М., 1858. Т. 1.
27. *Боянский О.М.* О народной поэзии славянских племен. М., 1837.
28. *Латтева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2006.

29. Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988.
30. Воспоминания и размышления о русской старине // *(Пассек В.)*. Путевые записки Вадима. М., 1834.
31. *Иванов Н.А., Булгарин Ф.В.* Россия в историческом, географическом и литературном отношении. Ручная книга для русских всех сословий Ф. Булгарина. В 6-и ч. СПб., 1837. Ч. 2: Истории часть первая. СПб., 1837.
32. *Иванов Н.А., Булгарин Ф.В.* Россия в историческом, географическом и литературном отношении. В 6-и ч. СПб., 1837. Ч. 1: Статистики часть первая, содержащая в себе: введение, I. Основные силы государства.
33. *Тереженко А.* Быт русского народа. В 7-и ч. СПб., 1848. Ч. 1.
34. *Кавелин К.Д.* Быт русского народа. Соч. А. Тереженко. СПб., 1848 // *Кавелин К.Д.* Собр. соч. В 4-х т. СПб., 1897–1900; СПб., 1900. Т. 4.
35. *Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт древней России (1846) // *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989.
36. *Павловский И.* География Российской империи. В 2-х ч. Дерпт, 1843. Ч. 1.
37. *Бестужев-Рюмин К.* Русская история. В 2-х т. СПб., 1872–1885; СПб., 1872. Т. 1.
38. *Погодин М.Н.* Древняя русская история. В 3-х т. М., 1871. Т. 1.
39. *Иловайский Д.* История России. В 2-х ч. М., 1906–1907; М., 1906. Ч. 1. Киевский период.
40. *Костомаров Н.И.* Последние годы Речи Посполитой. Т. I // Исторические монографии и исследования Н. Костомарова. В 20-и т. СПб., 1863–1889; СПб., 1886. Т. 17.
41. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С.М.* Соч. В 18-и кн. М., 1988–1995; М., 1988. Кн. I. Т. 1.
42. *Иловайский Д.* Историко-критические заметки // Русский вестник. 1888. Т. 199. Декабрь.
43. *Иловайский Д.* Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М., 1876.
44. *Пытин А.Н., Спасович В.Д.* История славянских литератур. В 2-х т. СПб., 1879–1881; СПб., 1881. Т. 2.
45. *Щапов А.П.* Естественнопсихологические условия умственного и социального развития русского народа. В 3-х ч. Ч. I // Отечественные записки. 1870. Т. CLXXXIX. № 3. Отд. I.
46. *Сикорский И.А.* Черты из психологии славян. Речь, произнесенная проф. И.А. Сикорским в торжественном заседании славянского благотворительного общества 14 мая 1895 года. Киев, 1895.
47. *Сикорский И.А.* Данные из антропологии // Русская расовая теория до 1917 года. Сборник оригинальных работ русских классиков. В 2-х вып / Под ред. В.Б. Авдеева. М., 2004. Вып. 1.
48. *Робинсон М.А.* Основные идейно-научные направления в отечественном славяноведении конца XIX – начала XX в. // Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии. М., 1990.
49. *Stepan N.L.* Race and Gender. The Role of Analogy in Science // *Anatomy of Racism* / Ed. D.Yh. Goldberg. Minneapolis, 1990.
50. *Шоре Э.* Введение в тему: гендер и национальная идентичность // Конструкты национальной идентичности в русской культуре XIX–XX вв. Материалы конференции. М., 2010.
51. *Füllemile A.* Dress and Image: Visualizing Ethnicity in European Popular Caricatures – Some Remarks on the Antecedents of Ethnic Caricature // *Images of the Other in Ethnic Caricatures of Central and Eastern Europe* / Ed. by D. Demski and K. Baraniecka-Olszewska. Warsaw, 2010.
52. *Швейгер-Лерхенфельд А. фон.* Женщина. Ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара / Пер. с нем. М.И. Мерцаловой. СПб., 1889.
53. *Вайнингер О.* Пол и характер. СПб., 1902.
54. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. СПб., 1886. Отдел 8. Народы и отечества.
55. *Анучин Д.Н.* О задачах русской этнографии. Несколько справок и общих замечаний. М., 1889.
56. *Ламанский В.И.* Об историческом изучении Греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871.
57. *Лескинен М.В.* Великороссы /великорусы в российской научной публицистике (1840–1890) // Славяноведение. 2010. № 6.
58. *Долгов В.В.* Проблема национального характера славян и великороссов в отечественной историографии: социальная психология и историософия // Историки в поисках новых смыслов. Казань, 2003.
59. *Лескинен М.В.* Проблема ассимиляции финно-угорских народов в обосновании концепции «Волга – русская река» во второй половине XIX в. // Ежегодник финно-угорских исследований. М., 2013. Вып. 4.
60. *Голубинский Е.* История русской церкви. В 2-х т. М., 1880. Т. 1. Первая половина тома.
61. *Погодин М.П.* Гл. VI. Лекции по Шафарiku о славянах вообще, об отношении, какое имеют Славянские Древности к русской истории, о племенах славянских в эпоху прибытия норманнов // Исследования, замечания и лекции М.П. Погодина о русской истории. В 7-и т. СПб., 1846. Т. 2.
62. *Белов М.В.* Как создавался национальный характер: русские путешественники, публицисты и критики первой половины XIX века в поисках «народности» // Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследство. Материалы всероссийской научной конференции. М., 2010.

© 2016 г. А.О. ПЕГАНОВ

ПОПЫТКИ ВЕНГРИИ НОРМАЛИЗОВАТЬ ОТНОШЕНИЯ С ЧЕХОСЛОВАКИЕЙ В 1920–1921 ГОДЫ

Данная статья анализирует внешнюю политику Венгрии в августе 1920 г. – ноябре 1921 г., особое внимание уделяется ее чехословацкому направлению. Делается вывод о том, что в данный период Будапешт добивался дипломатического сближения с Прагой, несмотря на межгосударственные противоречия. Взаимное признание *de facto* в августе 1920 г., ратификация Трианонского мирного договора обоими парламентами в ноябре 1920 г. и феврале 1921 г., а также личные встречи министров иностранных дел Венгрии и Чехословакии в марте, июне и сентябре 1921 г. стали основными рубежами политики примирения между двумя дунайскими государствами.

The article considers the foreign policy of Hungary in August 1920 – November 1921 with a special attention paid to its Czechoslovak direction. It is concluded that in the period under scrutiny Budapest was striving for diplomatic rapprochement with Prague despite the contradictions separating the two Danube states. Their *de facto* mutual recognition in August 1920 and ratification of the Trianon peace treaty by both parliaments in November 1920 and February 1921 respectively, as well as personal meetings of the foreign ministers of Hungary and Czechoslovakia in March, June and September 1921, were the milestones of the policy of appeasement.

Ключевые слова: международные отношения, национальные меньшинства, Трианонский договор Э. Бенеш, П. Телеки.

Keywords: international relations, national minorities, Trianon peace treaty E. Benesh, P. Teleki.

Завершение Первой мировой войны осенью 1918 г. принесло Венгрии колоссальные политические и экономические изменения. 31 октября 1918 г. была объявлена ее независимость, чуть позже установился республиканский режим. К началу 1919 г. значительную часть территории «исторической» Венгрии оккупировали союзники Антанты: сербская армия заняла Хорватию и Воювину, румынские войска юго-восток Трансильвании, а чехословацкая армия контролировала Словакию. В 1919 г. Бухарест и Прага расширили зоны оккупации на центральную Венгрию и Подкарпатскую Русь.

После эвакуации румынских войск из Будапешта в ноябре 1919 г., новые венгерские власти охладели к левым экспериментам. В феврале 1920 г. в Венгрии была восстановлена монархия. Ввиду отсутствия короля Карла IV Габсбурга, пребывавшего в Швейцарии, но не отречьшегося от престола, Венгерское королевство возглавил регент Миклош Хорти.

4 июня 1920 г. представители Антанты и Венгрии подписали в Большом Трианонском дворце Версаля мирный договор. Он постулировал сокращение терри-

Пеганов Александр Олегович – аспирант Белорусского государственного университета (г. Минск) и Университета г. Тулузы.

тории Венгрии с 325 до 93 тыс. км², определял максимальный состав ее армии в 35 тыс. чел. и обязывал выплачивать репарации. В то время как в «новой» Венгрии проживали 7.5 млн чел., на отделенных территориях было около 13 млн, в том числе три млн этнических мадьяр, значительная часть которых проживала вблизи новых границ Венгрии. Подписывая Трианонский договор, венгерское правительство все же надеялось, что принадлежность Подкарпатской Руси к ЧСР могла быть поставлена под вопрос. В обмен на этот регион, Будапешт предлагал Антанте отправить свою армию в Польшу для борьбы против Красной армии.

В августе 1920 г., на фоне начавшегося отступления советских войск и заключения договора о взаимопомощи между Прагой и Белградом, премьер-министр Венгрии граф Пал Телеки призвал свое правительство «перестать размахивать саблями» и отказаться от осуществления ревизии границ силовым путем [1]. 15 ноября 1920 г. венгерский парламент ратифицировал Трианонский мир. Во внутренней политике приоритет получили стабилизация режима регента Миклоша Хорти и восстановление экономики, во внешней – развитие торговых связей с соседними странами и защита мадьярских диаспор дипломатическими методами. Генштаб Венгрии также склонялся к выжиданию более подходящего момента для силового возвращения территорий и предлагал временно развивать торговые отношения с чехословаками и югославами и искать *modus vivendi* с Румынией [2. 46 old.].

В 1921 г. наиболее серьезными внешнеполитическими проблемами для Будапешта стали Бургенландский и Печский (Баранский) вопросы. Позиция Венгрии по ним продемонстрировала амбивалентность ее отношений к Трианонскому миру. Так, хоргисты твердо отстаивали возвращение г. Печ, оккупированного сербской армией, но причитавшегося, согласно Трианонскому миру, Венгрии. С другой стороны, Бургенланд (Западная Венгрия), в соответствии с этим договором, подлежал передаче Австрии, но Будапешт всячески оттягивал эвакуацию своих частей.

В подобной орбите развивался и чехословацкий вектор венгерской дипломатии. Во второй половине 1921 г. Будапешт, сократив свои требования до частичной (этнической) коррекции границ с ЧСР, настаивал на открытии двухсторонней торговли, дружественном нейтралитете ЧСР при решении вопросов принадлежности Бургенланда и Печа и соблюдении прав населения Словакии и Подкарпатя, в первую очередь, этнических мадьяр. Одновременно, Будапешт налаживал связи с оппозиционными политическими партиями в ЧСР, стараясь использовать их как дополнительный инструмент давления на чехословацкое правительство.

С точки зрения Будапешта, события 1918–1920 гг. породили комплекс проблем между ЧСР и Венгрией, без решения которых нормализация двухсторонних отношений была маловероятна. Наиболее болезненно в Венгрии воспринималась потеря Словакии и Подкарпатя. При этом акцент ставился на присоединение к ЧСР этнических мадьярских районов Южной Словакии и Подкарпатя, что повлекло за собой череду притеснений местных мадьяр (политические репрессии, депортации, изъятие собственности, ассимиляция и колонизация).

Вопрос получения чехословацкого гражданства занял особое место среди венгерских претензий, поскольку власти ЧСР не позволили обширной группе населения своих восточных провинций получить гражданство республики. Лишение гражданства оказалось эффективным репрессивным инструментом чехословацких властей, поскольку неграждане не только исключались из политической жизни, но и могли быть легко депортированы из страны. С вопросом получения гражданства был тесно связан вопрос выплаты пенсий бывшим госслужащим, так как неграждане теряли права на пенсионное обеспечение со стороны ЧСР.

Критике Будапешта в ЧСР также подвергались увольнение венгерских служащих, сокращение использования венгерского языка [3. P. 752], неравномерное распределение земельного фонда в рамках аграрной реформы [4. 262–263 old.]. Существовали подозрения, что Прага намеревалась (через аграрную реформу) ликвидировать класс венгерских крупных земельных собственников, а также изменить соотношение этнического поселения в компактных венгерских районах путем образования поселений чешских колонистов в Южной Словакии [5. KÜM. K. 96. Cs. 282. 4 tét.] Также, Будапешт неудачно добивался права на возвращение в Словакию и Подкарпатье беженцев и депортированных, общее количество которых составляло в первой половине 1920-х годов в Венгрии около 150 тыс. человек [6. 57 old.]. На лето 1921 г. в королевстве было зарегистрировано 29 тыс. высланных семей из ЧСР, из них 4800 – семьи бывших служащих, против которых чехословацкие власти выдвигали обвинение, как «антигосударственных элементов» [5. KÜM. K. 96. Cs. 282. 4 tét.].

Будапешт предполагал, что Прага вынашивала враждебные планы против Венгрии. ЧСР подозревалась в намерениях создания «коридора» с Королевством сербов, хорватов и словенцев (КСХС) из западновенгерских территорий и аннексии приграничных венгерских городов (напр. Шалготарьяна). Кроме того, пребывание с 1919 г. в ЧСР венгерской левой политической эмиграции, развернувшей активную пропагандистскую деятельность против режима Хорти, как и чехословацкое финансирование оппозиционного «либерального блока» в Венгрии [7. S. 49–53] являлось постоянным «бельмом на глазу» для Будапешта.

Особое недовольство Будапешта вызывала чехословацкая позиция в вопросе о реставрации Габсбургов в Венгрии, что приравнялось в Праге к *casus belli*. Параллельно, чехословацкая околоправительственная пресса часто вела шумные кампании против хортистов. На международной арене ЧСР старалась максимально изолировать хортистский режим – инициировала создание альянса «Малая Антанта», объединявшего ЧСР, КСХС и Румынию, и противостояла принятию Венгрии в Лигу Наций.

Эти проблемы значительно осложняли возможность сближения Будапешта с Прагой. Как следствие, венгерские правительственные круги поддерживали контакты с любыми «античехословацкими» силами – немецкими и польскими военными, словацкими сепаратистами и чехословацкими оппозиционными партиями.

Тем не менее стабилизация Версальской системы в 1920–1921 гг. толкала венгерское правительство Пала Телеки к завязыванию дружественного диалога с ЧСР. Аккредитация Ласло Тахи венгерским посланником в Праге и признание Чехословакией *de facto* Венгрии в августе 1920 г. [3. P. 571] было первым сигналом двухстороннего потепления. В октябре 1920 г., даже без вступления Трианонского мира в силу, Венгрия выражала готовность перевести отношения с ЧСР на уровень *de jure*. На первых встречах с главой МИД ЧСР Эдвардом Бенешем, Тахи сразу же поднял вопрос репатриации в Словакию беженцев и депортированных [3. P. 674–676]. Первоначально, чехословацкая реакция была сдержанной – Бенеш соглашался с возвращением только двух тысяч беженцев, но предупреждал, что они могли быть подвергнуты преследованию за их политические взгляды [3. P. 691–692]. Тем не менее, переговоры продолжались, и в январе 1921 г. МИД Венгрии информировал правительство Телеки, что ЧСР вскоре признает право возвращения беженцев [5. ME. K. 27. Magyar Minisztertanácsnak Jegyzőkönyve (MTJK). 1921.01.12 (§ 28)].

Помимо того, осенью 1920 г. начали происходить положительные сдвиги в двухсторонней торговле. Венгрия заключила с ЧСР соглашение по обмену картофеля и муки на уголь и кокс. Любопытно, что МИД Венгрии выступал против расширения экспорта продуктов питания в ЧСР, так как предполагал, что в Чехословакии в течение зимы 1920–1921 гг. могли начаться голодные мятежи,

что соответствовало интересам Будапешта [5. МЕ. К. 27. МТЖК. 1920.11.03 (§ 2)]. Также Телеки, на случай нового обострения отношений с Прагой, инициировал обсуждение с немецкими военными возможности двухсторонней атаки против ЧСР [8. 181–182 old.] и вел переговоры с Бухарестом и Варшавой о создании треугольника Польша – Венгрия – Румыния [3. Р. 733–734], потенциально направленного против Праги.

Готовность Будапешта пойти на политический компромисс с Прагой проявилась в закладывании основ «активистской» (т.е. признающей ЧСР и ее институты) политики венгерских партий в Словакии и Подкарпатье. Кардинальный поворот произошел еще весной 1920 г. когда Будапешт поддержал участие «венгерских» партий в первых чехословацких парламентских выборах. Главным контрагентом Будапешта в ЧСР была Краевая христианско-социалистическая партия (КХСП), которая выступала от имени венгерских, словацких и немецких католиков Словакии и требовала предоставления автономии Словакии. В ноябре–декабре 1920 г. Будапешт начал склонять венгерские партии в Словакии и Подкарпатье к созданию общего комитета словацких и русинских оппозиционных партий [9. 66, 72 old.]. Далее, мог быть создан «Автономистский блок коренного населения», объединяющий все локальные политические партии, выступающие за предоставление автономии Словакии и Подкарпатской Руси [10. 26 old.]. Тем не менее, достижение единства этих партий упиралось в существующие между ними противоречия, а также политику чехословацких властей, стремящихся предотвратить появление объединенного фронта оппозиции [11. 99–104 old.].

Примирительная линия Телеки вызывала критику венгерских ревизионистских добровольческих полувоенных организаций. Одна из них – так называемый Верхневенгерский комитет, не отказавшись от идеи возвращения Словакии и Подкарпатской Руси [12. S. 139–140], назначила на 22 декабря 1920 г. дату самостоятельного нападения на ЧСР. П. Телеки, опасаясь спровоцировать конфликт с ЧСР, арестовал организаторов в день их выступления [4. МЕ. К. 27. МТЖК. 1920.12.23 (§ 54)]. Далее, Телеки передал Бенешу, что он и впредь будет подавлять подобные инициативы [3. Р. 829–830]. В ответ, МИД ЧСР характеризовал поведение правительства Венгрии как корректное [13. S. 24].

В ноябре 1920 г. в Прагу прибыл полуофициальный венгерский переговорщик граф Ласло Сапари. Он предложил чехословацким правительственным кругам заключить территориальный компромисс с Венгрией – ЧСР могла сохранить Братиславу, но должна была вернуть Кошицы. В благодарность, Венгрия бы ответила поставками продовольствия [14. S. 307–308] и прекращением ирредентистской пропаганды [14. S. 379–381]. В начале 1921 г. Сапари согласовал с Бенешем проведение в марте 1921 г. первых двухсторонних венгеро-чехословацких правительственных переговоров [16. 3–40 old.]. При этом, Сапари получил заверения высших руководителей ЧСР о том, что Венгрия могла рассчитывать на возвращение некоторых территорий южной Словакии (большей части Житного острова и окрестностей Нитры) [16. 336 old.].

18 января 1921 г. во главе МИД Венгрии встал Густав Грац, ранее занимавший пост посланника в Австрии. В мемуарах Грац указывал, что основу его внешнеполитической программы составляло сближение государств-наследников Габсбургской монархии, в первую очередь – Венгрии, Чехословакии и Австрии [16. 332 old.].

27 января 1921 г. возможность чехословацко-венгерского сближения была озвучена Бенешем в парламенте ЧСР при начале прений о ратификации Трианонского мира. Более того, он предложил объединить ЧСР, Югославию, Австрию и Венгрию в политико-экономический блок. Основные условия нормализации согласно Бенешу сводились к невозвращению Габсбургов в Венгрию (а в лучшем случае – установление республики) и прекращение античехословацкой пропаганды [17.]. Реагируя на экспозе Бенеша, Грац поддержал 4 февраля 1921 г.

перед своим парламентом идею развития экономических отношений с ЧСР. С другой стороны, он раскритиковал чехословацкое давление в вопросе Габсбургов и формы правления Венгрии, как вмешательство во внутренние дела королевства [14. S. 448–449; 17. 141–145 old.].

Получив от Сапари многообещающие предложения о перспективах развития сотрудничества с ЧСР, премьер-министр Телеки и Грац решили лично встретиться с Бенешем. Однако, обе стороны, и венгерская и чехословацкая, не хотели выступать в роли «гостей» и отказывались ехать в Прагу или Будапешт. В итоге, договорились провести переговоры министров в нейтральной Австрии [16 336 old.].

В итоге, встреча Э. Бенеша с П. Телеки и Г. Грацем прошла 14–15 марта 1921 г. в Брук-ан-дер-Лайте. К сожалению, сохранившиеся источники не позволяют полноценно восстановить их ход. Согласно записи МИД Венгрии, венгерская делегация посоветовала принять Трианонский договор в качестве рамочной платформы переговоров. При этом, опираясь на «сопроводительное письмо Мильерана» (т.е. дополнявшую Трианонский мир декларацию Антанты, которая предусматривала возможность исправления границ), она сразу же выдвинула вопрос изменения чехословацко-венгерской границы. Этот шаг, в свою очередь, создавал бы «подходящую атмосферу» для решения прочих вопросов. Бенеш, согласно мемуарам Граца, сразу же согласился, что трианонские границы не идеальны и предложил их заменить новыми, на основе этнографических данных. Более того, Бенеш одобрил репатриацию беженцев из Венгрии в Словакию. Грац, в свою очередь, якобы отстаивал перед Бенешем идею, чтобы Венгрия, ЧСР и Австрия могли взаимно обеспечить друг другу торговые преференции, которые им гарантировались Версальскими мирными договорами.

15 марта 1921 г. Бенеш зачитал Телеки и Грацу свою формулу территориального компромисса – ЧСР возвращает некоторые районы Венгрии, при условии, что проживавшие в Венгрии словаки наделяются территориальной автономией. Бенеш предложил определить площадь уступаемых Венгрии земель «пропорционально»: так, население словацкой автономной области в Венгрии должно быть равно населению передаваемых Чехословакией Венгрии территорий. При этом, территориальный трансфер мог произойти только после заключения нейтральной комиссии (например, от Лиги Наций), что словацкая автономия в Венгрии реально выполняется. Вероятно, что Телеки не отверг этот проект.

Бенеш также предостерег своих собеседников против реставрации Габсбургов в Венгрии и рекомендовал ограничить пропаганду, направленную против ЧСР. Более того, он советовал венграм перейти к республиканской форме правления, вслед за чем, Прага и Будапешт могли двигаться к созданию «Соединенных Штатов Центральной Европы» [16. 336–337 old.; 5. Filmtár. 808. Res. Pol. 1921. 4 tet. 15–16. Bruck a/d Leitha, Feljegyzés. II ülés. 1921.03.15. 208–216 old.].

Телеки, Грац и Бенеш одобрили скорое создание в Праге и Будапеште правовой, финансовой, транспортной и экономической чехословацко-венгерских комиссий. Правовая комиссия должна была заниматься наиболее важными для Венгрии вопросами – репатриацией беженцев, наделением гражданства, соблюдением миноритарных прав в Словакии и Подкарпатье.

После возвращения из Австрии 16 марта 1921 г. Грац заявил своему правительству, что Венгрия благодаря встрече в Бруке выходит из внешнеполитической изоляции, добавив, что, по результатам переговоров, чехословаки приняли расширение срока оптации с одного года до четырех, а также согласилась выплачивать пенсии бывшим венгерским служащим в ЧСР [5. ME. K. 27. MTJK. 1920.03.16 (§ 1)]. Секретарь МИД Венгрии Калман Кая был менее оптимистичен в оценках переговоров. Он отмечал, что дальнейшее улучшение отношений с ЧСР зависело, в первую очередь, от признания Прагой справедливого характера венгерских территориальных требований [19. S. 49–50]. В свою очередь, специальный циркуляр МИД ЧСР суммировал переговоры следующим образом: обе

стороны поручились «примирить тон домашней прессы», провести политическую амнистию, повысить диппредставителей в обеих столицах до уровня министров; Венгрия собиралась пойти на создание таможенной унии с ЧСР и обещала прекратить свою пропаганду против ЧСР, откладывая выбор короля на несколько лет, соглашалась предоставить своим словакам те права, которыми пользовались мадьяры в Словакии и Подкарпатье; ЧСР соглашалась с возвращением беженцев [13. S. 26–27].

Переговоры в Бруке оказали сильное впечатление на венгерские политические круги. Грац считал их одной из главных попыток нормализации отношений между Прагой и Будапештом за весь межвоенный период [20]. В свою очередь, новость о Бруке подавляюще действовала на венгерскую политическую эмиграцию, ориентированную на Прагу. Оскар Яси писал Михаю Каройи 19 марта 1921 г. что «мы никогда до этого не были настолько сломлены [...] Вероятно, что судьба обратилась против нас» [21. 257 old.].

Несмотря на многообещающие перспективы, обрисованные Бенешем (уступка территорий) и Грацем (создание экономического блока Чехословакия, Венгрия, Австрия), сближение между Будапештом и Прагой оказалось под угрозой в связи с обстоятельствами так называемого первого карлистского путча в конце марта 1921 г. 26 марта 1921 г. король-эмигрант Карл IV Габсбург неожиданно приехал в Будапешт и потребовал у регента М. Хорти передать ему власть. Тем не менее, правящая верхушка решила оставить управление за регентом, и 5 апреля 1921 г. Карл IV был вынужден вновь покинуть королевство. Скомпрометированное правительство Телеки подало в отставку, и 14 апреля 1921 г. был образован кабинет графа Иштвана Бетлена.

Приезд Карла IV поставил под сомнение договоренности в Бруке и осложнил чехословацко-венгерские отношения. Прага получила отличный повод для нажима на Будапешт. 3 апреля 1921 г. ЧСР, совместно с КСХС, Румынией и Италией направили ультиматум Венгрии, требуя немедленного отъезда Карла IV. В инструкции для МИД ЧСР, Бенеш ставил задачу окончательного решения династического вопроса в Венгрии, передачи Бургенланда Австрии и сокращения хортистской армии [13. S. 28]. 4 апреля 1921 г. Бенеш телеграфировал в Бухарест, что ЧСР уверена в неотвратимости своей интервенции в Венгрию (направлениями на Будапешт и Сомбатхей), которая будет поддержана КСХС. Бенеш предлагал Румынии принять участие в операции [14. S. 579–580]. Вероятно, что наступление чехословацких войск на Сомбатхей должно было послужить созданию «славянского коридора» между ЧСР и КСХС. Несмотря на то, что интервенция не произошла, после «карлистского путча», Румыния все же присоединилась к блоку ЧСР и КСХС в апреле 1921 г., завершив, таким образом, формирование Малой Антанты.

После отъезда Карла IV, Грац, и 20 апреля 1921 г. новый министр иностранных дел граф Миклош Банфи заверили представителя ЧСР в Будапеште Вацлава Лейханца в намерениях продолжить начатые в Бруке переговоры [14. S. 596–597, 642–644]. 18 апреля 1921 г., Банфи, видимо, апеллируя к формуле территориального компромисса Бенеша, передал французскому посланнику в Будапеште, что Венгрия ожидает возвращения Чехословакией Житного острова с 300 тысячами мадьяр. Во внешней политике, продолжал Банфи, Венгрия была готова следовать указаниям из Парижа [8. 185–186 old.].

В мемуарах Банфи признавал, что он планировал создать блок из Венгрии, Австрии и Чехословакии (занимавшей положение лидера), при условии благоприятного разрешения Бургенландского вопроса [22. O. 187]. Действительно, кажется, что дальнейшие уступки правительства И. Бетлена перед ЧСР во многом оправдывались не столько аморфными договоренностями о исправлении чехословацко-венгерской границы, сколько попытками Будапешта обеспечить дружественную позицию Праги в вопросах принадлежности Бургенланда.

28 апреля 1921 г. Бетлен ознакомил правительство со своим планом решения территориального спора о Западной Венгрии. Премьер-министр считал, что Бургенланд мог быть формально уступлен Австрии только после возвращения сербами Печи. Вслед за этим, в случае сохранения ЧСР и Югославией нейтралитета, Бетлен предлагал наводнить Бургенланд нерегулярными военными частями, которые бы препятствовали проникновению австрийской администрации [5. ME. K. 27. MTJK. 1921.04.28 (Politikai § 4)].

Продолжая линию сближения с ЧСР, венгерское правительство пошло весной 1921 г. на ряд мер, которые, не могли не быть положительно оценены в Праге: так, было ликвидировано словацкое и русинское отделения Министерства национальностей Венгрии [5. ME. K. 27. MTJK. 1921.04.22 (Közizgazgatási. § 1)], прекращено финансирование сепаратистского Словацкого заграничного комитета в Вене (что привело к его расформированию), а также инициирован роспуск большинства общественных ревизионистских организаций в Венгрии [12. S. 160–161, 186–193]. Антиревизионистская политика Бетлена–Банфи привела к разрыву отношений (может быть наигранному) между Будапештом и группой словацких эмигрантов, сплотившихся вокруг Ф. Йеглички.

Стараясь улучшить отношения с ЧСР, М. Банфи настаивал на проведении внутренних реформ в Венгрии и улучшении положения местных словаков. Трижды (28 апреля, 19 мая, 10 июня 1921 г.) Банфи ставил перед правительством вопрос об увеличении прав национальных меньшинств Венгрии. При этом он добавлял, что это могло стать важным политическим козырем для успешных переговоров с Прагой. Более того, 10 июня 1921 г. Банфи рекомендовал правительству отказаться от осуществления влияния на словацкое и немецкое население Словакии и Подкарпатья, и сосредоточить усилия исключительно на венгерском меньшинстве. Практически каждый раз предложения Банфи вызывали критику Бетлена и других министров, которые не хотели слишком «связывать себе руки», и терять симпатии немадьярских народов на отсоединенных территориях. Главным достижением Банфи было утверждение должности «словацкого правительственного комиссара» (который занял Адольф Пехан). В его компетенцию включался сбор информации о хозяйственных проблемах словацкого населения Венгрии (а также проправительственная пропаганда среди них) [5. ME. K. 27. MTJK. 1921.04.28 (Politikai § 1), 1921.05.19 (§ 2), 1921.05.27 (§ 1), 1921.06.03 (§ 4), 1921.06.10 (Politikai § 1, Közizgazgatási § 1)].

23–24 июня 1921 г. Банфи (вместе с Телеки), в качестве очередной уступки Бенешу, приехал для ведения переговоров в чешские Марианские Лазни [22. 185 old.]. Вплоть до последнего момента в Праге ожидали приезд Бетлена [13. S. 31]. Переговоры в Марианских Лазнях, как и в Бруке, не оставили за собой полноценных источников. Опираясь на отчет Банфи перед своим правительством, можно сделать вывод о том, что в Марианских Лазнях вопросу коррекции границ было отведено маргинальное значение. В целом, Банфи вел себя податливо, принимая чехословацкую точку зрения по многим вопросам. Он одобрил исключение из двухсторонней политической амнистии некоторых провенгерских элементов (например, В. Дворчака и Ф. Йеглички). Далее, Банфи согласился, что ЧСР может конфисковать имущество «античехословакистов» и подтвердил намерение расформировать ирредентистские организации в Венгрии. Вопрос пенсионеров, «закрытый» в Бруке, вернулся в категорию «нерешенных». Вместе с тем была достигнута договоренность по взаимному обмену судебной и гражданской документации [5. ME. K. 27. MTJK. 1921.07.01 (§ 44)]. Согласно мемуарам Банфи, Бенеш попытался склонить его к заключению преференциального торгового договора, при условии передачи Венгрии Комарно и Лученца. Однако Банфи эта минимальная уступка не удовлетворила [22. 189 old.]. Историк Д. Юхас сообщает, что на этой встрече Бенеш предлагал создать таможенную унию между Чехословакией, Венгрией и Австрией [23. 81 old.]. В циркуляре МИД ЧСР выпущенном в связи с

встречей в Марианских Лазнях, констатировалось, что Венгрия все больше подчинялась чехословацкой политике [13. S. 32].

В конце июня 1921 г. в Будапеште и Праге приступили к работе четыре чехословацко-венгерские комиссии. Безрезультатность переговоров в правовой комиссии в Праге обусловила замедление целого процесса переговоров, так как Венгрия настаивала на решении всех проблемных вопросов как единого комплекса (апеллируя к принципу «junktim»). Ссылаясь на неуступчивость чехословаков, 8 июля 1921 г. Банфи телеграфировал в Прагу о прекращении переговоров [12. S. 182]. Единственным реальным результатом встреч стало подписание 2 июля 1921 г. нового временного соглашения по обмену угля на муку [5. ME. K. 27. MTJK. 1921.07.15 (§ 34)].

После сворачивания переговоров в комиссиях, в июле-августе 1921 г. продолжались только консультации о политической амнистии. В начале августа 1921 г. Бенеш предложил освободить интересующих Венгрию политических заключенных в ЧСР с тем условием, что амнистия будет проведена как исключительно внутреннее дело ЧСР. Бенеш хотел дать заключенным основание считать их освобождение милостью чехословацких властей, а не результатом вмешательства иностранного государства [5. KÜM. K. 63. Cs. 38. tét 7/4. Politikai jelentés No 48/1921. Prague. 1921.08.06].

26 июля 1921 г. в отношениях между Будапештом и Прагой появился новый юридический фактор – Трианонский мир вступил в силу. Это принесло целый комплекс обязательств, прав и процедур, созданных для разрешения споров между ЧСР и Венгрией. Так, 26 июля 1921 г. состояние войны между ними закончилось и Будапешт начал юридически признавать отторжение Словакии и Подкарпатья (которые до этого рассматривались как «оккупированные территории») и суверенитет ЧСР над ними. Помимо этого, в Будапеште придавали особое значение созданию чехословацко-венгерского смешанного арбитража, который был уполномочен разрешать имущественные споры между двумя государствами, а также их гражданами [5. ME. K. 27. MTJK. 1921.09.02 (§ 2)]. Также в МИД Венгрии надеялись, что, опираясь на Трианонский договор, Будапешт сможет добиться права на возвращение для беженцев и защитить мадьяр Словакии от новых депортаций [5. KÜM. K. 96. Cs. 282. 4 tét. Memorandum «Visszatelepítés». 1921.07.08].

Вступление Трианона в силу актуализировало вопрос о присоединении Венгрии к Лиге Наций, теперь она могла требовать разоружения соседних государств, повторно гарантировать свою территориальную целостность и политическую независимость (что могло сдерживать Малую Антанту против дальнейших территориальных претензий и попыток вмешательства в решение «королевского вопроса»). Более того, Будапешт мог претендовать на пересмотр Трианонского договора и в случае агрессии извне, рассчитывать на помощь Лиги Наций. Кроме того, Лига Наций также могла содействовать Венгрии в оказании помощи национальным меньшинствам на отторгнутых территориях [24. 111–113 old.].

Сворачивание работы чехословацко-венгерских комиссий продемонстрировало, что период сближения Праги и Будапешта близок к концу. Параллельно началась активизация ревизионистских элементов в Венгрии. 1 августа 1921 г. на совете министров Бетлен заявил, что в случае удачного изменения внешнеполитической конъюнктуры, в первую очередь благодаря Германии, Венгрия могла бы рассчитывать на возвращение большей части Словакии, Трансильвании и Баната [5. ME. K. 27. MTJK. 1921.08.01 (§ 1)]. В августе 1921 г. вместо распущенных негосударственных ревизионистских организаций в Венгрии был создан подотчетный правительству центр – ТЭСК (венг. TESZK), руководящий мадьярскими ассоциациями, действовавшими в ЧСР, Румынии и КСХС. Крупнейшим отделением ТЭСК в Словакии стал «Союз Ракоци» [12. S. 193–198].

Прага также предприняла несколько шагов против Венгрии. 13 августа 1921 г. Бенеш обязался поддерживать Вену в споре за Бургенланд и дал ей гарантии помощи в случае венгерской агрессии; несколько позже он инструктировал сотрудников МИД ЧСР противодействовать приему Венгрии в Лигу Наций [13. S. 35–36]. Учитывая маловероятность утверждения венгерской кандидатуры в Женеве, Банфи попросил Лигу Наций 24 сентября 1921 г. перенести вопрос ее принятия на будущее [24. 111–113 old.]. Также в начале сентября 1921 г. венгерское правительство констатировало увеличение количества депортаций мадьяр из ЧСР. Венгерская риторика была относительно слабой – правительство запретило ввоз в королевство чехословацкого полуофициоза «Prager Press» [5. ME. K. 27. MTJK. 1921.09.09 (§ 20)].

С возвращением сербами Печи в конце августа 1921 г. Бетлен распорядился эвакуировать венгерские войска из Бургенланда, однако сразу же направил туда нерегулярные милитаристские группы [23. 82 old.]. Политическое двуличие Бетлена вызвало недовольство Антанты. Будапешт, в свою очередь, активизировал поиски союзников для решения Бургенландского вопроса. В середине сентября 1921 г. Банфи вновь попытался задействовать «чешскую карту» и предложил Бенешу сыграть роль посредника в урегулировании спора с Австрией [25. S. 189]. Вена также согласилась принять посредничество Праги [18. 240–241 old.]. В итоге Бенеш рекомендовал сторонам свой компромиссный план – передать Австрии весь Бургенланд, кроме его северо-восточного пяточка с г. Шопрон [13. S. 35–37]. Чехословацкое посредничество вновь реанимировало призрак «славянского коридора» между ЧСР и КСХС как среди его сторонников, так и противников [25. S. 189, 421–422].

Для спешного согласования деталей 26 сентября 1921 г. Банфи и Бенеш встретились в Брно [13. S. 37–38]. На этой встрече, помимо Бургенландского вопроса, два министра одобрили условия проведения взаимной политической амнистии: в Венгрии освобождению подлежали чехословацкие граждане и опитрующиеся в пользу ЧСР. Соответственно, в Чехословакии амнистировались венгерские граждане и опитрующиеся в пользу Венгрии [5. KÜM. K. 63. Cs. 38. 7/4 tét. Politikai jelentés No 74. 1921.10.21].

Опасаясь, что ЧСР использует положение арбитра для создания коридора с КСХС [25. S. 421–422], Италия предложила Будапешту свое посредничество в Бургенландском вопросе, также пообещав сохранить Шопрон в составе Венгрии [18. 245 old.]. Конференция послов Антанты в Париже поддержала итальянскую инициативу и рекомендовала 7 октября 1921 г. Бетлену принять итальянское приглашение о проведении венгеро-австрийских переговоров в Венеции [23. 83 old.].

На прошедших там 11–13 октября 1921 г. венгеро-австрийских переговорах была достигнута договоренность о передаче Бургенланда Австрии за исключением г. Шопрон, где предполагалось провести плебисцит о самоопределении. По информации миссии ЧСР в Риме, капитуляция австрийцев была «выбита» итальянцами под угрозой аннулирования получения Веной международного кредита от Лиги Наций [25. S. 200]. Решение Венецианской конференции, благодаря удачным для Венгрии результатам референдума в Шопроне в декабре 1921 г., создало прецедент изменения Трианонских границ. Самоопределение населения Шопрона в пользу Венгрии впоследствии служило важным элементом мадьярской ревизионистской риторики.

Вскоре после Венецианской конференции Венгрия столкнулась с новым политическим кризисом. 20 октября 1921 г. Карл IV Габсбург прибыл в Шопрон. Он намеревался двинуться на Будапешт и благодаря переходящим на его сторону венгерским войскам собирался вынудить Хорти и Бетлена вернуть ему власть.

Второй «карлистский путч» вновь дал ЧСР новый повод оказания давления на Венгрию с тем, чтобы та отказалась от Венецианского протокола и детронизи-

рвала Габсбургов. Дальнейшее пребывание Карла IV на венгерской территории она классифицировала как *casus belli* [13. S. 38; 25. S. 216–217]. 22 октября 1921 г. Малая Антанта пригрозила Венгрии начать военную операцию в случае приезда Карла IV в Будапешт [5. МЕ. К. 27. МТЖК. 1921.10.22 (§ 1)]. В тот же день мобилизованные чехословацкие и югославские войска были стянуты к венгерской границе [23. 86 old.]. Между тем 24 октября 1921 г. Карл IV был взят в плен войсками Хорти [25. S. 243].

Дальнейший нажим на Венгрию Малой Антантой противоречил интересам великих держав. Французский посланник в Будапеште Морис Фуше утихомиривал чехословаков доводами, что военное вмешательство в Венгрию может начать новую мировую войну. Под давлением Антанты Бенеш отказался от требования аннулировать Венецианского протокола [25. S. 246, 256] и решил повременить с интервенцией, но, тем не менее, продолжал настаивать на детронизации Габсбургов.

Учитывая сохранение угрозы вторжения в страну, МИД Венгрии инструктировал своего посланника в Праге Л. Тахи узнать истинные цели чехословаков. Придя в МИД ЧСР, Тахи прямо спросил, не намерена ли Чехословакия создать коридор с КСХС и привести к власти в Будапеште венгерскую эмиграцию, которая бы заменила монархический режим Хорти республиканским [25. S. 266–267]. Под влиянием рапорта Тахи и опасаясь чехословацкой оккупации г. Шалготарьяна и повторной оккупации сербами Печа, 31 октября 1921 г. правительство Бетлена согласилось принять декларацию о лишении престола Карла IV и даже оплатить мобилизационные расходы ЧСР [5. МЕ. К. 27. МТЖК. 1921.10.31 (§ 1)].

6 ноября 1921 г. венгерский парламент аннулировал Прагматическую санкцию 1713 г. и детронизировал Габсбургов. Смещение королевской династии, управлявшей Венгрией с 1527 г., ликвидировало один из главных легальных доводов восстановления исторических границ Венгрии, поскольку монарх-Габсбург мог объявить вне закона постановления, принятые после «революции астр» 1918 г., включая и Трианонский договор. ЧСР, согласившись на выплату апанажа Карлу IV, настаивала на гарантии, что выборы будущего монарха Венгрии будут осуществляться согласно договоренности между Большой и Малой Антантой [13. S. 45].

Используя истерию вокруг второго «карлистского путча», чехословацкие власти провели в Словакии и Подкарпатье в октябре–ноябре 1921 г. ряд «антивенгерских» мер: арестовали и взяли под надзор сотни «антигосударственных элементов» и запретили некоторые венгерские профсоюзные и политические организации. В декабре 1921 г. «Союз Ракоци» запросил в Венгрии гарантии трудоустройства для 15 политиков из Словакии и Подкарпатья, которым потенциально угрожала депортация [9. 88–91 old.].

Реакция Малой Антанты и ЧСР на «карлистский путч» не могла не осложнить отношения между Будапештом и Прагой. Проведение политической амнистии было отложено, не говоря о восстановлении работы четырех чехословацко-венгерских комиссий. В то же время завершение Бургенландского и Печского территориальных споров уменьшали необходимость считаться с ЧСР для Венгрии. В целом, осенью 1921 г. хортистский режим оказался в сильнейшей дипломатической изоляции. Вместе с тем неудачная попытка сближения между двумя государствами в 1920–1921 гг. оставила свои результаты: формула примирения, озвученная в Бруке в марте 1921 г., периодически всплывала в разговорах дипломатов как один из главных рецептов действительной нормализации отношений между Будапештом и Прагой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пеганов А. О.* Чехословацкое направление внешней политики Венгрии в 1918–1920 гг. // Палиточная сфера. 2013. № 20.

2. Horthy Miklós titkos iratai. Budapest, 1965.
3. Papers and Documents Relating to the Foreign Relations of Hungary. V. I (1919–1920). Budapest, 1939.
4. *Simon A.* A szlovákiai magyar politika és Dél-Szlovákia két világháború közötti kolonizációja // Integrációs stratégiák a magyar kisebbségek történetében. Somorja, 2006.
5. Magyar Országos Levéltár.
6. *Zeidler M.* A revíziós gondolat. Pozsony, 2009.
7. Československo na pařížské mírové konferenci. 1918–1920. Praha, 2011. Sv. II.
8. *Romsics I.* Bethlen István. Politikai életraiz. Budapest, 2005.
9. *Angyal B.* Érdekvédelem és önszerveződés. Fejezetek a csehszlovákiai magyar pártpolitika történetéből 1918–1938. Galánta–Dunaszerdahely, 2002.
10. *Szarka L.* Integráció és együttműködés a kisebbségpolitikában // Integrációs stratégiák a magyar kisebbségek történetében. Somorja, 2006.
11. Dokumentumok az Országos Keresztényszocialista párt történetéhez. 1919–1936. Dunaszerdahely, 2004.
12. *Michela M.* Pod heslom integrity. Slovenská otázka v politike Maďarska 1918–1921. Bratislava, 2009.
13. *Beneš E.* Cirkulární telegramy. 1920–1935. Praha, 2002.
14. Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody. 1920–1921. Svazek I. (4. červen 1920 – 31. květen 1921). Praha, 2004.
15. *Tóth A.* Az első kétoldalú tárgyalások Csehszlovákia és Magyarország között (1921) I. – Bruck an der Leitha // Fórum. Társadalomtudományi Szemle. 2002. № 1–2.
16. *Gecsényi L., Sipos P.* Gratz Gusztáv emlékiratai // Történelmi szemle. 2000. № 3–4.
17. Národní shromáždění republiky Československé. Poslanecká sněmovna. Stenoprotokoly. 48. schůze (27. ledna 1921). Электр. ресурс: <http://www.psp.cz/eknih/1920ns/ps/stenprot/048schuz/s048001.htm> Дата доступа: 24.06.2015
18. Francia diplomáciai iratok a Kárpát-medence történetéről. 1920–1921. Budapest, 2006. K. III.
19. *Pejša R.* Vztahy ČSR a Maďarska v letech 1918–1939. (Tendence vývoje československo-maďarských kulturně-společenských vztahů v období let 1918–1939). Disertační práce. Praha, 2010.
20. *Gratz G.* Les tendances nouvelles de la politique extérieure hongroise // Politique étrangère. 1937. № 1.
21. Jászi Oszkár válogatott levelei. Budapest, 1991.
22. *Bánffy M.* Emlékeimből. Huszonöt év. Kolozsvár. 1998.
23. *Juhász Gy.* Magyarország külpolitikája. 1919–1945. Budapest, 1988.
24. *Zeidler M.* A Nemzetek Szövetsége a magyar külpolitikai gondolkodásban // Magyar külpolitikai gondolkodás a 20. században. Budapest, 2006.
25. Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody. 1920–1921. Svazek II (1. červen 1920–31. prosinec 1921). Praha, 2004.

© 2016 г. Е.П. СЕРАПИОНОВА

ВНЕШНИЙ ФАКТОР И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В ЧСР В 1920–1930-е ГОДЫ

В статье речь идет об установлении государственных границ Чехословацкой республики, анализируется положение в ней национальных меньшинств, а также внешняя политика соседних стран, поддержка и финансирование ими национальных движений в ЧСР.

The article deals with the making of state borders of Czechoslovak Republic. The author analyses the status of national minorities there, and considers foreign policies of the neighbouring countries, their support and financing of national movements in Czechoslovakia.

Ключевые слова: образование и распад Чехословакии, национальные меньшинства, внешняя политика Германии, Венгрии, Польши.

Keywords: making and unmaking of Czechoslovakia, national minorities, foreign policy of Germany, Hungary and Poland.

Проблема национальных меньшинств в Чехословакии в период между двумя мировыми войнами в чешской историографии разработана достаточно хорошо, в словацкой историографии внимание сосредоточено преимущественно на венгерском национальном меньшинстве.

На вопрос о причинах распада и ликвидации чехословацкого государства в 1939 г. и роли внешнего и внутреннего фактора (а последний во многом связан с нерешенностью национальных проблем) и в чешской, и в словацкой историографии ответ однозначный: причина – внешнеполитическое давление и прямая агрессия.

Исследования, связанные с национальными меньшинствами в ЧСР, привлекают и иностранных авторов. Пересмотреть устоявшееся в историографии положение о решающем влиянии внешнеполитического фактора в уничтожении чехословацкого государства в 1938–1939 гг. несколько лет назад попыталась американская исследовательница, работавшая в Великобритании, Мэри Хейманн. В книге, изданной в 2009 г. издательством Йельского университета в Лондоне, «Чехословакия. Государство, которое потерпело провал» («Czechoslovakia. The State that failed») [1] она обвинила чехов в излишнем национализме, который, в конце концов, привел к тому, что немецкое меньшинство в Судетах поддержало агрессивную политику Германии, а недовольство венгров и поляков явилось поводом и отчасти причиной участия Польши и Венгрии в постмюнхенском разделе Чехословакии. Книга привела к яркой полемике в интернет-изданиях и резко кри-

Серапионова Елена Павловна – д-р ист. наук, заведующая отделом Института славяноведения РАН.

тической рецензии крупного чешского специалиста по международным отношениям в XX в. Й. Деймека в чешском историческом журнале [2. S. 544–549].

В том же 2009 г. Б.Б. Гогуев опубликовал в Ставрополе книгу о венгерском национальном меньшинстве в Чехословакии и Румынии, где также весьма резко оценивал политику властных структур этих стран в отношении меньшинств, в частности заявляя, что гарантии прав национальных меньшинств не имели реальной силы, венгры притеснялись и ограничивались в правах, подвергались дискриминации. Автор даже уверяет, что в 1930-е годы в ЧСР был введен запрет на любые внешнеполитические контакты меньшинства со своей родиной – Венгрией [3. С. 145]. По мнению Гогуева, именно просчеты в национальном вопросе привели к ослаблению внешнеполитических позиций ЧСР в решении территориальных споров. Он пишет, что власти Чехословакии потеряли инициативу в решении сложных национальных вопросов, сделав их оружием внешних сил [3. С. 147]. Вероятно, под влиянием венгерской историографии его выводы излишне негативны и резки.

Как всегда истина, с моей точки зрения, где-то посередине: т.е. нет никакого сомнения в том, что решающей причиной распада Чехословакии явилась агрессивная политика нацистской Германии, но нерешенность национального вопроса давала повод и создавала условия для вмешательства извне под благородным предлогом защиты национальных меньшинств.

В данной связи интересен вопрос о том, как на протяжении всего межвоенного двадцатилетия Германия, Венгрия и Польша отслеживали и подогревали недовольство своим положением национальных меньшинств, поддерживали ирредентистские настроения внутри Чехословакии, устанавливали связи с оппозиционными и радикальными автономистскими и сепаратистскими организациями.

Возникнув на основе принципа национального самоопределения на развалинах Австро-Венгрии, Чехословакия изначально стала многонациональным государством, состоявшим из трех частей – Чешских земель (в свою очередь, включавших Богемию, Моравию и Силезию), Словакии и Подкарпатской Руси (современное Закарпатье в составе Украины) (о Подкарпатской Руси в составе ЧСР см. [4; 5. С. 128–136; 6. С. 31–51]). Причем титульными нациями стали официально чехи и словаки (по переписи 1921 г. составлявшие 65,5% населения и, согласно теории «чехословакизма» (см. об этом [7. С. 61–71]), нередко рассматривавшиеся как единая нация), а Подкарпатской Руси в Сен-Жерменском и Трианонском договорах [8. С. 490; 496] и в Конституции ЧСР 1920 г. [9. S. 7] была обещана широкая автономия. Забегая вперед скажу, что эта автономия, так же как и автономия Словакии, была введена конституционными законами уже после Мюнхена лишь в ноябре 1938 г. [10. S. 189–195].

Как известно, в Версальских договорах и в чехословацкой Конституции содержались специальные разделы/главы о гарантиях в отношении меньшинств (подробнее см. [9. S. 30–31; 11. S. 77–85]). Однако на практике выполнялись далеко не все обязательства, взятые на себя Чехословакией, либо не в полной мере.

Кроме того, внутреннее законодательство в отношении меньшинств было построено на принципе признания индивидуальных, а не коллективных прав, реализации которых требовали представители национальных меньшинств. Это являлось живительной почвой для недовольства с их стороны. К тому же чехословацкое правительство старалось строить отношения к национальным меньшинствам на основе принципа «репроциты», т.е. предоставлять меньшинствам в ЧСР такие же права, какими пользовались чехи и словаки в соседних странах. Так, назначенный послом в Австрию К. Крофта в марте 1922 г. сообщал о положении чешского меньшинства в Вене, его требованиях и отношении австрийских властей к ним. В беседе с Крофтой австрийский канцлер Й. Шобер признал, что требования, изложенные в меморандуме чехословацких земледельцев в Австрии, не носят антигосударственного, сепаратистского характера, и осудил античеш-

кие выступления в этой связи [12. S. 371–373]. В 1920-х годах в Венгрии проживали 400 тыс. словаков (согласно венгерской статистике – 150 тыс. словаков), но, как указывал И. Дерер, выступая в парламенте в 1928 г., они не имели ни одной национальной школы с обучением на словацком языке (венгерский закон о языках существовал лишь на бумаге) [13. S. 24–25].

Но унитарное и централизованное устройство Чехословакии не устраивало даже словаков, которые надеялись на большую самостоятельность в рамках общего государства с чехами¹. Недаром в скором времени после образования государства возникла партия А. Глинки, которая выступала за автономию Словакии, обещанную Питтсбургским договором, подписанным 30 мая 1918 г., в том числе и будущим президентом ЧСР Т.Г. Масариком². В декабре 1932 г. на рабочем съезде двух автономистских партий – Глинковской словацкой народной партии и Словацкой народной партии – Й. Тисо заявил, что автономия Словакии является реализацией суверенитета словацкого народа [15. Sv. 2. S. 153].

Откладывание введения автономного статуса Подкарпатской Руси, оправдывавшегося неразвитостью области, сильными позициями там бывшей венгерской администрации (до 1918 г. эти земли входили в состав Венгерского королевства) и еврейского капитала, вызывали крайнее недовольство представителей различных политических направлений Подкарпатья. Нередко они обращались с жалобами на политику Праги в Лигу Наций, ища справедливости у международной организации. Так, в меморандуме карпато-русского народа, отправленном в адрес конференции Лиги Наций 10 апреля 1922 г., содержалась жалоба на то, что границы со Словакией установлены неправильно (подробнее о границе между Словакией и Подкарпатской Русью см. [16]), обещанная автономия не введена, подавляющее число чиновников – чехи или словаки, управление излишне централизовано, существует цензура и контроль за почтовыми и телеграфными сообщениями, нет ясности в вопросе об официальном языке [17]. Но эффективных рычагов давления на внутреннюю политику государств-членов Лига Наций не имела, да и министр иностранных дел Э. Бенеш, пользовавшийся большим влиянием в ее структурах, всегда мог объяснить и оправдать политику чехословацких властей (см. об этом [18]).

С тремя основными национальными меньшинствами ЧСР – немцами, венграми и поляками (самым крупным из которых было, безусловно, немецкое), сложности возникли с момента образования Чехословакии. Сразу после провозглашения Чехословацкого государства 28 октября 1918 г. четыре немецкие области заявили о нежелании вхождения в состав ЧСР, мечтая присоединиться к Австрии, а затем и к Германии. Австрия поддерживала это желание (подробнее см. [19. С. 49–52]). Венгры, оказавшись вне границ своего государства, также надеялись воссоединиться с родиной. Естественно, что Венгрия, больше других государств потерявшая в результате войны, никак не могла согласиться с потерей не только венгер-

¹ В сообщении русского эмигранта, пражского агента под псевдонимом Рцы, о ситуации внутри ЧСР от 10 октября 1920 г. говорилось: «При крайней административной неопытности чехов, они вслед за присоединением Словакии заменили столетиями приспособившуюся к краю администрацию своею, к тому же не знакомую с венгерским языком, на котором написаны и по ныне действующие в Словакии законы. Ясно, какой получился кавардак, а если к сему прибавить, что из 2-х лет существования республики полгода власть имела определенно социальный, невыгодный сельскохозяйственному населению Словакии характер, то станет ясно, насколько благоприятна там почва для венгерской агитации. Да не только венгерской, а и католического духовенства, для которого Чехословакия – бельмо на глазу». В следующем сообщении от 17 октября 1920 г. автор замечает, что даже среди сторонников чешско-словацкой неделимости начинают раздаваться голоса в пользу автономии Словакии [14. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 78. Л. 6, 8].

² В нем, в частности, одобрялась политическая программа объединения чехов и словаков в самостоятельном государстве из Чешских земель и Словакии. Констатировалось, что Словакия будет обладать собственной администрацией, сеймом и судами. Словацкий язык должен был стать официальным языком в школе, государственных органах и в общественной жизни вообще [15. Sv. 1. S. 485].

ских областей, ставших южными районами Словакии, но и самой Словакии (до 1918 г. представлявшей собой северные комитаты королевства). Чехословацкие части участвовали в военных действиях против Венгерской республики советов весной–летом 1919 г. В результате контрнаступления венгерской Красной армии 16 июня в Прешове была объявлена Словацкая республика советов. Антанта ультимативно потребовала отвода венгерских войск из Словакии, и вскоре после отступления венгерских войск (7 июля 1919 г.) Словацкая республика советов прекратила свое существование. А 3 августа 1919 г. перестала существовать и Венгерская советская республика [20. S. 159–179; 21. S. 27].

Венгерское национальное меньшинство традиционно относилось к Чехословацкой республике наихудшим образом, да и отношения ЧСР с Венгрией весь межвоенный период оставались весьма напряженными [22. S. 255–256]. По словам Э. Ирмановой, проблема венгерского ревизионизма являлась одним из наиболее негативных моментов развития Центральной Европы между двумя мировыми войнами [23. S. 323].

Сразу же возник и спор о границах между вновь образованными Чехословакией и Польшей в Тешинской Силезии и районах Спиша и Яворины. Надо сказать, что все спорные территории Чехословакии удалось занять силой еще до Парижской мирной конференции, которая в основном определила границы ЧСР. Успех чехословацкой делегации, сумевшей реализовать почти все свои территориальные претензии в Версале [24. S. 125–139; 25. S. 139–159; 26. С. 90–108], обернулся проблемами с национальными меньшинствами. В случае с немцами и венграми ситуация осложнялась тем, что в Австро-Венгрии они являлись титульными нациями, а оказавшись в границах Чехословакии, превратились в национальные меньшинства.

Чехословацкие коммунисты критиковали внешнюю политику властей, указывая, что «после войны представился весьма удобный случай максимально расширить при благосклонной помощи Антанты “свою” территорию за счет более слабых и побежденных соседей [...] Все захваты чужих территорий со стороны чешского империализма происходили в строгой согласованности с антантовским военным командованием [...] Ясно, что Антанта подходила к образованию Чехословакии со стратегической точки зрения» [27. Ф. 495. Оп. 71. Д. 621. Л. 239].

Основной национальной проблемой для Чешских земель являлась немецкая, а для Словакии – венгерская (по переписи 1921 г. немцев в ЧСР было 3 млн 123 тыс., венгров – 745 тыс.) [28. S. 160–161]. К руководству национальными движениями в ЧСР постепенно пришли радикально настроенные лидеры, поставившие себе целью превратить внутривнутриполитический вопрос положения меньшинств в международную проблему³.

Кроме того, практически все соседи Чехословакии были недовольны проведением границ, имели к ней территориальные претензии, не всегда высказываемые официально, но постоянно имевшиеся в виду. Некоторые специалисты вполне оправданно полагают, что усилия расширить границы предпринимали и соседние с Чехословакией государства, а выдавались ими за желание решить национальные проблемы меньшинств, реализовать их национальные права на самоопределение (см., например [30. S. 107]). Польша, Венгрия, Германия поддерживали, в том числе и материально, соответствующие национальные меньшинства внутри Чехословакии, поднимавшие вопрос о своих правах.

Примерами такого рода политики является поддержка Веней усилий немецких политиков из Чехии и Моравии не допустить включения в состав чехословацкого

³ В статье «Наше сопротивление и немецкие радикалы», опубликованной 12 апреля 1928 г., в частности, говорилось об антигосударственной, ирредентистской деятельности немецких депутатов национал-социалистической партии Книрша и Льва Венцела, которые часто бывали за границей, выступали с лекциями и не скрывали своих взглядов о том, что ЧСР возникла несправедливо [29. F. Národní Rada Česká (NRČ). Kart. 190. Sign. 550].

государства пограничных территорий, где преобладало немецкое население осенью 1918 г. Опасаясь, что австрийские власти не смогут обеспечить осуществление их надежд, чешские немцы обращались и к Германии. Разрабатывались планы военной акции Германии с целью защиты богемских немцев [31. С. 20–21]. В конце концов, накануне Парижской мирной конференции в Германии победила линия на невмешательство в немецко-богемский вопрос, так как германская дипломатия стремилась склонить Прагу к сотрудничеству и использовать ее в качестве моста для налаживания отношений со странами Антанты и США.

Чехословацкий президент Т.Г. Масарик полагал, что если будет решена проблема завоевания немецких граждан на свою сторону, то удастся решить и другие языковые и национальные проблемы. Во второй половине 1920-х годов негативное отношение немецкого меньшинства к чехословацкому государству отчасти сменилось так называемым активизмом⁴. В середине 1920-х годов более 70 немецких депутатов заседали в парламенте [32], с 1926 г. немцы входили в чехословацкое правительство, в Праге действовал единственный в Европе немецкий университет (для меньшинства) [33. С. 147], работал немецкий театр.

Мировой экономический кризис очень тяжело ударил по промышленно развитым немецким районам ЧСР. В условиях резкого ухудшения материального положения росло недовольство местного населения чехословацким правительством, усиливался национализм. 1 октября 1933 г. был создан Судето-немецкий патриотический фронт, 30 апреля поменявший название на Судето-немецкую партию. К. Генлейн, возглавивший партию, вначале выступал с автономистскими требованиями, но позднее стал полностью ориентироваться на нацистскую Германию и развивать ирредентистскую деятельность [34. С. 54–93], умело используя изменившуюся ситуацию и завоевывая голоса избирателей демагогическими лозунгами и антигосударственной агитацией. Газета «*Národní Politika*» («Национальная Политика») 4 сентября 1935 г. сообщала о жалобах чехов, живущих в пограничных районах, на растущее давление генлейновцев [35].

Со второй половины 1930-х годов Берлин уже не скрывал поддержку генлейновцев. При этом в конце 1937 г. посланник Германии в Чехословакии Э. Эйзенлор уверял министра иностранных дел ЧСР К. Крофту, что, «несмотря на понятный интерес» Германии к чехословацким немцам, «она не хочет и не может вмешиваться в вопросы» чехословацкой «политики в отношении меньшинств» [36. С. 18]. 12 марта 1938 г. после аншлюса Австрии Г. Геринг дал «честное слово» посланнику ЧСР в Германии В. Мастному, что «акция в Австрии является семейным делом немцев и у Чехословакии нет оснований для беспокойства» [36. С. 43]. Но в августе 1938 г. посол Франции в Берлине А. Франсуа-Понсе предупреждал Мастного, что Гитлеру нельзя верить и он готовит военное нападение на ЧСР. По его словам, «кампания против Чехословакии не преследует цель оказать давление на урегулирование вопроса с судетскими немцами, она проводится Германией исключительно, чтобы снять с себя ответственность. Направляемая из Берлина подрывная работа, которая проводится в Чехословакии, имеет целью вызвать гражданскую войну и затем спровоцировать призывы гейнлейновцев о помощи и необходимости “операции по спасению”» [36. С. 176]. И действительно, по указаниям Гитлера [33. С. 157], политика этой партии в конце 1930-х годов была направлена не на урегулирование отношений с центральным правительством, а, скорее, на его провоцирование и создание повода для вмешательства извне. Впрочем, этот сюжет достаточно хорошо исследован в литературе (см., например [37; 38. С. 124–147; 39–41]).

⁴ Активизм – политика отдельных немецких партий (немецкого Союза земледельцев, Немецкой христианско-социальной народной партии и Немецкой социал-демократической рабочей партии), направленная на сотрудничество с чехословацким государством и участие в его политике.

Связи Венгрии с представителями венгерского национального меньшинства в ЧСР и финансовая поддержка их автономистских и сепаратистских требований известны в меньшей степени, в основном специалистам, занимающимся этими проблемами, но документальных подтверждений тому сохранилось немало (в частности, в Словацком национальном архиве в Братиславе). Профессор Академии права в Будапеште П. Обершалл основал в 1919 г. кружок провенгерски настроенных словаков и получил от венгерского правительства солидную финансовую помощь (8 млн крон) на пропаганду. Активными членами кружка состояли: д-р К. Булисс, редактор Л. Штейер и Г. Гаспар. В Венгрии существовали военные и разведывательные организации, деятельность которых была ориентирована на Словакию и Подкарпатскую Русь и которые имели тесные связи с венгерскими ирредентистскими организациями⁵. Уже упоминавшийся Гогув пишет, что до 1919 г. политическим центром венгерской оппозиции, борющейся за права меньшинств, был Будапешт [3. С. 52], а лидеры национальных меньшинств имели связи с правительствами своих государств [3. 64]. 15 октября 1921 г. депутат Национального собрания Й. Шент-Иваныи (J. Szent-Iványi) во время визита президента в Братиславу передал ему меморандум с требованиями венгерского населения, касавшимися школ, администрации и экономических вопросов. Масарик дал распоряжение рассмотреть конкретные случаи нарушения прав венгров, но в ответах соответствующих министерств и государственных органов отмечалось, что указанные случаи освещены якобы неверно [29. F. PMR. Kart. 500. Sign. 1143].

В 1935 г. на президентских выборах венгерские депутаты⁶ поддержали Э. Бенеша, что весьма насторожило Венгрию. В 1936 г. председатель Объединенной венгерской партии Я. Эстерхази уверял президента Э. Бенеша, что венгры ЧСР не будут вести политическую деятельность, в основе которой лежал бы сепаратизм [3. С. 64–65]. Но посол ЧСР в Венгрии М. Кобр 27 августа того же года сообщал в МИД ЧСР о визите регента М. Хорти в Германию и, анализируя имеющиеся в его распоряжении сведения, прогнозировал, что венгры в тесном сотрудничестве с Германией и, опираясь на ее помощь, будут использовать вопрос меньшинств, требуя автономии венгров в Словакии и Подкарпатской Руси с тем, чтобы подготовить раздел Чехословакии и территориальную ревизию [44. S. 620]. А уже в 1937–1938 гг. венгров не интересовали уступки правительства ЧСР относительно их правового положения, они требовали изменения границ [22. S. 256]. Подтверждением является тот факт, что правительство Я. Сыровы, пришедшее на смену кабинету М. Годжи в сентябре 1938 г., пообещало Венгрии предоставить венграм в ЧСР те же права, что и судетским немцам – территориальную автономию, но венгерское правительство отклонило это предложение и потребовало предоставление венгерскому меньшинству права на самоопределение [45. С. 172].

Чехословацко-польские отношения менялись на протяжении межвоенного двадцатилетия [46. S. 620–628; 47. С. 115–132]. В 1919 г. территориальный спор из-за Тешина вылился в так называемую недельную войну между двумя странами. Проблема была урегулирована решением совета послов в июле 1920 г. о разделе Тешинской области. Три польские политические партии, объединенные в так называемом национальном блоке (Союз силезских католиков, Народная партия и Силезская народная партия), 17 марта 1924 г. передали президенту Масарику меморандум с требованиями поляков Тешинской области. В следующем году между Чехословакией и Польшей был заключен двусторонний договор, в котором гарантировались права польского меньшинства в ЧСР. Вместе с тем все 1920–1930-е годы польские дипломаты имели тесные связи с польской оппози-

⁵ В Будапеште действовала военная организация офицеров «Move» – Венгерский земский оборонительный союз, занимавшаяся пропагандой и разведкой. Еще одна организация «Tevel» – Оборонительная лига за целостность государства – имела пропагандистов и агитаторов в Ужгороде, Кошице и Лученце [42. F. Šrobár Vavro, 1900–1947. Šk. 23. Inv.č. 1003; 43. С. 334].

⁶ В 1935 г. девять венгров входили в Палату депутатов и шесть – в сенат [3. С. 55].

цией в ЧСР, стараясь влиять на ее настроения в духе ирредентизма⁷. В донесении президиума земского политического управления Оравы президиуму Совета министров в Праге от 17 апреля 1925 г., в частности, сообщалось: «Польская дипломатия организует у нас разведывательную службу и ориентирует польскую молодежь школьного возраста на Варшаву [...] Польша хочет граничить с Венгрией (с которой никогда не воевала), Словакию предполагают присоединить к Венгрии или к Польше» [29. F. Prezidium Ministerské Rady (PMR). Kart. 410. Sign. 993].

Полицейское управление Моравской Оравы сообщало в Президиум земской политической управы в Опаве о частых встречах польского консула С. Ветулани с главой польской оппозиции Л. Вольфом и его соратниками В. Ольшаком во Фридштате и Карвине⁸. Пик вмешательства во внутреннюю политику ЧСР со стороны Польши пришелся на вторую половину 1930-х годов. Ю. Бек открыто выступил с поддержкой автономистских требований, а его ультимативная нота от 1 октября 1938 г. о передаче всей Тешинской Силезии Польше часто оценивается как прямое участие Польши в Мюнхенском сговоре и расчленении Чехословацкой республики.

Обострение национального вопроса в ЧСР в конце 1920-х – в 1930-е годы, с одной стороны, было вызвано ухудшением социального положения в стране в связи с мировым экономическим кризисом, а с другой – приходом к власти в соседних странах националистических и радикальных сил, активизировавших совместные усилия по развалу ЧСР, установлением и укреплением авторитарных режимов М. Хорти, Ю. Пилсудского, А. Гитлера.

Проблема национальных меньшинств в ЧСР была тесно связана с вопросами границ: правительство отказывалось от введения автономии, опасаясь, что в дальнейшем это приведет к их пересмотру. Но нельзя сказать, что политика Праги в отношении нацменьшинств оставалась неизменной весь период между мировыми войнами, наоборот, она сильно эволюционировала, и в 1930-е годы центральное правительство было склонно изменить статус нацменьшинств, отдав предпочтение учету не индивидуальных, а коллективных прав. Чехословацкое общество по изучению национальных вопросов под руководством министра иностранных дел К. Крофты вело активную соответствующую работу [47. С. 126]. Специально этими вопросами занимался премьер-министр словаков М. Годжа, разрабатывавший план экономического и политического объединения Центральной Европы. Демократическая и правовая система ЧСР не могла представлять собой угрозу существованию национальных меньшинств, но следует признать, что никакой целостной политической концепции их положения внутри чехословацкого национального государства выработано не было. Специалисты затрудняются определить, направлена ли была фактическая политика в отношении меньшинств на их ассимиляцию или интеграцию [48. S. 609]. Проблема состояла также в том, что политика в национальном вопросе явно опаздывала за развитием ситуации, что и закончилось мюнхенским кризисом.

Анализируя национальное соотношение на отторгнутых от Чехословакии после Мюнхена территориях, В. Калоус в 1938 г. писал в журнале «Центральная Европа»: «На территории, присоединенной к Германии, чехословацкое подданство имело 3 576 719 лиц. Из этого числа немцев было 2 822 899, вне своего государства оказалось 738 502 чехо-словаков, 6 659 граждан считали себя евреями. Значит, на территории занятой Германией немецкое население составляло 76,1%

⁷ В декабре 1924 г. за провокационные речи на чехословацко-польской границе были оштрафованы сотрудник польского консульства в Моравской Ораве К. Шимечек, гражданин Польши А. Брибранн и железнодорожный служащий Л. Голеш [29. F. Prezidium Ministerské Rady (PMR). Kart. 410. Sign. 993].

⁸ В связи с чем 26 октября 1925 г. Министерство иностранных дел ЧСР убедительно просило польский МИД отозвать пана Сигизмунда Ветулани с должности польского консула в Моравской Ораве [29. F. Prezidium Ministerské Rady (PMR). Kart. 410. Sign. 993; 47. С. 122–123].

всего населения, чехо-словаки 20,7%. На всей прежней территории Чехо-Словакии, устроенной демократически, [...] немцы составляли 22,53% населения. Значит, в Судетах осталось почти такое же относительное чешское меньшинство, какое было раньше процентуально у немцев по отношению к целой Чехо-Словакии. Это показывает сомнительность механического применения принципа самоопределения» [49. S. 268–269]. Далее автор приводит соотношение венгров и чехо-словаков на территории, отторгнутой от Чехо-Словакии в пользу Венгрии по Венскому арбитражу, и поляков и чехо-словаков на территории, отошедшей Польше, и приходит к выводу, что там соотношение было еще хуже [49. S. 269].

Во многом силовой способ установления границ при образовании ЧСР привел к тому, что основные национальные меньшинства (немцы, венгры, поляки) считали проведенное разграничение несправедливым и недемократическим по отношению к ним и определенное время не воспринимали Чехословакию как свою родину. Затем постепенно эта позиция стала меняться, но для создания «чехословацкой» политической нации двадцатилетний отрезок был явно мал, а внешняя политика и пропаганда Германии, Венгрии и Польши, ставивших под вопрос правомерность и жизнеспособность существования чехословацкого государства, а также его границы, совершенно не способствовали «врастанию» меньшинств в жизнь Чехословацкой республики и восприятию ее как своей отчизны.

Вопрос о том, какой фактор – внутренний или внешний – сыграл решающую роль в разделе и развале чехословацкого государства, подобен вечной дилемме, что первично – курица или яйцо. Бесспорно одно, что, анализируя ситуацию межвоенного двадцатилетия, следует в равной степени учитывать оба фактора и, изучая политику, не ограничиваться осуждением той или иной стороны, а попытаться понять причины и мотивацию имевших место политических действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hejmann M.* The State that Failed. Yale University Press, 2009.
2. *Dejmek J.* Modern History of the Czechoslovak State from Revisionist Point of View: Mary Hejmann The State that Failed. Yale University Press, 2009. XX + 406 P. // *Český historický časopis.* 2011. № 2.
3. *Гозуев Б.Б.* Социально-экономическое и политическое положение венгерского национального меньшинства в Чехословакии и Румынии в 1918–1939 годах. Ставрополь; Карачаевск, 2009.
4. *Шевченко К.В.* Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии. М., 2006.
5. *Шевченко К.В.* Положение русинов Чехословакии в 1920-х гг. в освещении русинской прессы // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память. М.; СПб., 2014.
6. *Сератионова Е.П.* Чехословацкая печать о вхождении Подкарпатской Руси в состав ЧСР // Историк-славист. Призвание и профессия. К юбилею В.В. Марьиной. М., 2013.
7. *Сератионова Е.П.* Идея «чехословакизма». Истоки и реализация // Национальный вопрос в Восточной Европе – прошлое и настоящее. М., 1995.
8. Мировые войны XX века. М., 2002. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы.
9. *Ústava Republiky Československé.* Praha, 1932.
10. *Ústavný zákon o avtonómii Slovenskej krajiny* Praha 22 novembra 1938 // *Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti.* II. Bratislava, 1998.
11. *Serapionova J.P.* Národnostní práva podle ústavy Československé republiky roku 1920 // *Kroměřížský sněm 1848–1849 a tradice parlamentarismu ve střední Evropě.* Kroměříž, 1998.
12. *Krofta K.* *Diplomatický deník 1919–1922.* Praha, 2009.
13. *Ruttikay F.* *Maďarská iredenta a Slovensko 1918–1920.* Bratislava, 1997.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
15. *Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti.* Bratislava, 1998.
16. *Švorc P.* *Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou v medzivojnovom období (1919–1939).* Prešov, 2003.
17. Меморандум карпато-русского народа, временно присоединенного к Словакии, направленный на конференцию Лиги Наций в Женеву 20 апреля 1922 г. Пряшев, 4 апреля 1922.
18. *Бенеш Э.* Речь о карпаторусской проблеме. Прага, 1934.
19. *Станков Н.Н.* Отто Бауэр: восемь месяцев на Балльхаузплац // *Славяноведение.* 1999. № 1.
20. *Hronský M.* *Maďarská republika rád a československo-maďarský konflikt v roku 1919* // *Zrod Nové Evropy.* Praha, 2011.

21. *Klimek A., Kubů E.* Československá zahraniční politika 1918–1938. Kapitoly z dějin mezinárodních vztahů. Praha, 1995.
22. *Petráš R.* Menšiny v meziválečném Československu. Právní postavení národnostních menšin v první Československé republice a jejich mezinárodněprávní ochrana. Praha, 2009.
23. *Irmanová E.* Nepřátelé Trianonu. Maďarská zahraniční politika ve 20. letech // Zrod Nové Evropy. Praha, 2011.
24. *Kuklík J.* Československá delegace na pařížské mírové konferenci ve světle memoárů profesora Jana Krčmáře // Zrod Nové Evropy. Praha, 2011.
25. *Chodějovský J.* Vědci uprostřed «velké politiky»: Pařížská mírová jednání ve svědectví odborných poradců československé delegace // Zrod Nové Evropy. Praha, 2011.
26. *Сератионова Е.П.* Чехословацкий вопрос на парижской мирной конференции // Восточная Европа после «Версаля». СПб., 2007.
27. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
28. *Boháč A.* Národní mapa Republiky Československé. Podrobný popis národnostních hranic, ostrovů a menšin. Praha, 1926.
29. Národní archiv (NA).
30. *Felcman O.* České hranice a jejich souvislost se sudetoněmeckou otázkou // Studie o sudetoněmecké otázce. Praha, 1996.
31. *Станков Н.Н.* Дипломатические отношения Веймарской республики и Чехословакии 1918–1924. Волгоград, 2007.
32. Lidové Listy. 1925. 21 XI.
33. *Harna J.* Krize evropské demokracie a Československo 30. let 20. Století. Praha, 2006.
34. *Zimmermann V.* Soudetští Němci a nacionální socialismus // Studie o sudetoněmecké otázce. Praha, 1996.
35. Národní Politika. 1935. 4 IX.
36. Запись беседы министра иностранных дел ЧСР с посланником Германии в ЧСР 9 декабря 1937 г. // Документы по истории Мюнхенского сговора 1937–1939. М., 1979.
37. *Novák O.* Henleinovci proti Československu // Z historie sudetoněmeckého fašismu v letech 1933–1938. Praha, 1987.
38. *Kučera J.* Češi a Němci v Československu 1918–1946 (Zamyšlení nad jejich soužitím a jeho koncem) // Slovanské historické studie XIX. Praha, 1993.
39. *Kural V.* Češi, Němci a mnichovská křížovka (Stručné čtení). Praha, 2002.
40. *Kural V.* Konflikt místo společenství? // Češi a Němci v československém státě (1918–1938). Praha, 1993.
41. *Lemberg H.* Porozumění / Češi–Němci–Východní Evropa 1848–1948. Praha, 2000.
42. Slovacký Národní Archiv (SNA).
43. *Сератионова Е.П.* Национальные меньшинства в Чехословакии, Чехии, Словакии XX–XXI // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение. М., 2014.
44. Dokumenty československé zahraniční politiky. Československá zahraniční politika v roce 1936. Praha, 2003. Sv. 1.
45. *Поп И.И.* Чехословацко-венгерские отношения (1935–1939). М., 1972.
46. *Gawrecki D.* Polská menšina v Československu 1918–1938 // Československo 1918–1938. Osudy demokracie ve střední Evropě. Praha, 1999. Sv.2.
47. *Сератионова Е.П.* Польское национальное меньшинство в Чехословакии и чехословацко-польские отношения (1918–1939) // «Studia Slavica–Polonica» (К 90-летию И.И. Костюшко. Сборник статей). М., 2009.
48. *Kučera J.* Koncepte národního státu Čechů a Slováků a jeho realita v životě první republiky // Československo 1918–1938. Osudy demokracie ve střední Evropě. Sv.2.
49. *Калоус В.* Обзорение чехо-словацкой политики // Центральная Европа (Прага). 1938. № 6.

ДИСКУССИЯ

© 2016 г. А. ЗУППАН

КОНФЛИКТ, ВОЙНА И ГЕНОЦИД В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ, 1938–1948. ЧАСТЬ I¹

В центре первой части статьи – сравнительный анализ причин и характера этно-национальных антагонизмов и государственно-национальных конфликтов между народами Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы накануне и в период Второй мировой войны.

The first part of the article suggests a comparative analysis of the causes and character of ethno-national antagonisms and interstate and international conflicts between the peoples of East-Central and South-Eastern Europe on the eve and during the Second World War.

Ключевые слова: Версальская система, Германия, Австрия, Чехословакия, Югославия.

Keywords: Versailles System, Germany, Austria, Czechoslovakia, Yugoslavia, ethnic conflicts, World War II, genocide.

Через семьдесят лет после окончания Второй мировой войны в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе сказываются последствия решений, правовых актов, преступлений и принудительных выселений первой половины XX в., по-прежнему живы воспоминания и рассказы о них. Это справедливо не только для постепенно уходящего «военного поколения» (поколение, которое вступило в жизнь и пострадало в годы Второй мировой войны), но и для их детей и внуков. С 1938 по 1948 г. – в период массовых перемещений и выселений целых народов – многовековые тесные связи, соседство и совместное проживание «немцев», «австрийцев», «венгров» и «итальянцев», с одной стороны, и «чехов», «словаков», «словенцев», «хорватов», «сербов» и «босняков» – с другой, оказались под угрозой или прервались. Немцам, австрийцам, славянским народам дальнейшее сосуществование теперь представлялось возможным только поврозь, при четком разделении государств и населявших их народов «железным занавесом».

В коллективной памяти народов Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы до сих пор живы три очень разных политика: вождь Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) с 1921 по 1945 г., глава правительства (рейхсканцлер) Германии (1933–1945) и фюрер Третьего рейха (1934–1945) Адольф Гитлер; министр иностранных дел (1918–1935) и президент Чехословакии (1940–1948) Эдвард Бенеш и руководитель коммунистической партии Югославии, партизанский командир, премьер-министр и, наконец, президент (1953–1980) Йосип Броз Тито. Все трое не одновременно, но бесспорно определяли национальную и международную политику в разные периоды с 1918 по 1980 г. Все трое родились между 1884 и 1892 гг. в Австро-Венгрии, были крещены католиками и, как минимум, хорошо говорили по-немецки. Они принадлежали к

Зуппан Арнольд – академик Австрийской академии наук.

¹ Статья представляет основные выводы монографии [1].

«военному поколению» Первой мировой войны – Гитлер и Тито как рядовые, но уже заслужившие награды солдаты на Западном и на Карпатском фронтах, Бенеш – как политик в эмиграции на фронте пропагандистском. Их объединяет то, что уже в годы Первой мировой войны в них сформировались антигабсбургские, антиавстрийские, антикатолические чувства и настроения.

Они представляли три совершенно разных типа политических переговорщиков: невротический национал-социалистический пропагандист и бескомпромиссный партийный вождь; энергичный, но односторонний дипломат и националистический политбюрократ; и длительное время находившийся в подполье коммунистический революционный и партизанский командир. Столь же различными были их представления о переустройстве Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы после Первой мировой войны. Гитлер в самых резких выражениях осудил Версальский мирный договор, в особенности статью о возмещении убытков и репарациях, наложенных на Германию, настаивал на высылке из страны евреев, осуждал «еврейский большевизм», требовал для немцев «жизненного пространства на Востоке». Бенеш, напротив, яростно защищал систему мирных договоров и надеялся добиться стабильности с созданием Малой Антанты и заключением соглашений с Францией и Советским Союзом. В начале политической карьеры Тито делал ставку на мировую революцию под руководством Коминтерна, затем руководил Коммунистической партией Югославии, выступившей организатором вооруженного сопротивления. Используя терминологию Макса Вебера, можно сказать, что Гитлеру удалось стать «харизматическим лидером» уже весной 1935 г. (после плебисцита в Сааре и возобновления всеобщей воинской повинности), Тито – осенью 1943 г. (после Второй сессии Антифашистского вече народного освобождения Югославии или АВНОЮ), в то время как Бенеш ни до 1938 г., ни после 1940 г. так и не добился сопоставимого с ними авторитета «вождя».

Нет никаких сомнений, что Гитлер лично отдавал приказы о нападении на Прагу, Варшаву, Копенгаген, Осло, Амстердам, Брюссель, Люксембург, Париж, Белград, Афины и Москву, и что он несет главную ответственность за Холокост. Остается связать в один узел Гитлера как фюрера и рейхсканцлера и его национал-социалистических адептов, различные немецко-австрийско-славянские конфликтные линии из австро-венгерского, польского, чехословацкого и югославского прошлого, начиная с 1938 и 1941 гг., и увенчать это нацистской расовой идеологией от «сверхчеловека» и «недочеловека» или программ уничтожения «неполноценных» до смертоносных конфликтов с целыми народами и группами населения. С именем Гитлера связан тотальный разрыв между немцами и австрийскими немцами, с одной стороны, и соседними народами – с другой, и далее – с русскими, украинцами, белорусами, британцами, американцами и канадцами. Бенеш и Тито, напротив, в значительной мере несут ответственность за неприязнь своих народов к немцам и австрийцам [2–9].

Габсбургская монархия, состоявшая с 1867 г. из двух частей, где проживали 11 национальностей и действовали семь крупных церквей и религиозных объединений, до 1914 г. базировалась не на идее «свобода – равенство – братство», но на триаде «мир – стабильность – справедливость» («Pax – Securitas – Justitia»). Однако с 1880-х годов националисты в среде немцев, мадьяр, итальянцев, румын, славянских народов вели речь уже не только о защите прав национальностей и сопротивлении национальному угнетению, но в той или иной мере о гарантиях широко понимаемой «собственности» той или иной нации и прочерчивании четких языковых границ для обоснования претензий на будущее национальное государство. Конечно, ни итальянская, ни сербская, румынская или украинская ирредента не представляли собой угрозы существованию Габсбургской монархии, даже если Франц Иосиф, Министерство иностранных дел на Баллхаус-платц и Генеральный штаб после убийства в Сараево 28 июня 1914 г. не без влияния Будапешта были убеждены в необходимости, как минимум, карательной экспедиции против Сербии [10. S. 411–425; 11; 12].

Первая мировая война с ее тотальной мобилизацией человеческих, материальных и идеологических ресурсов придала межнациональным конфликтам прежде невиданный градус напряженности, причем как во внутренней, так и во внешней политике Габсбургской монархии. Главная проблема, однако, заключалась не в сомнениях со стороны немцев или венгров в «надежности» славянских полков: в их рядах было немало солдат и офицеров, готовых сражаться до последнего на Балканском, Галицийском, позднее – Итальянском фронтах, неся притом немалые потери. Для эскалации борьбы между национальностями куда опаснее оказалась повывисившаяся во второй половине 1914 г. бдительность немецко-австрийских и венгерских политиков, офицеров запаса, чиновников, университетских профессоров, учителей, юристов и журналистов, которые обнаруживали все новых сторонников панславизма, пансербизма, панрусизма. Это привело к массовым преследованиям представителей сербской, хорватской, словенской, чешской и украинской интеллигенции, заявивших о себе до 1914 г. как об активных национальных политиках. Тысячи доносов повлекли за собой сотни судебных процессов и приговоров к длительным срокам тюремного заключения, высшей мере наказания и казням. Процесс о государственной измене против чешских депутатов рейхсрата Карла Крамаржа (1860–1937) и Алоиза Рашина (1867–1923), приговоренных в 1916 г. к смертной казни и помилованных по случаю восшествия на престол императора Карла I (1916–1918), резко обострил национальный конфликт между чехами и немцами [13–17].

Политические и военные акции чешско-словацкой и югославской эмиграции во Франции, Великобритании, России, Италии и США долгое время не находили серьезного отклика у себя на родине. Только после дела Сикста² и покаянной поездки Карла I в немецкую штаб-квартиру в Спа в мае 1918 г., когда стало ясно, что после выхода России из войны Габсбургская монархия не сможет освободиться от союзных обязательств перед Германской империей, державы Антанты активизировали поддержку национальным устремлениям политических лидеров славянских и романских народов на официальном уровне. Государственный секретарь США Р. Лэнсинг заявил 30 мая 1918 г.: «Австро-Венгрия должна быть практически уничтожена как империя. Ее следует разделить между населяющими ее народами». В конце концов, Австро-Венгрия сложила оружие на Итальянском фронте, однако вынесение смертного приговора Габсбургской монархии, как выразился чешский историк Йозеф Пекарж, «было доверено не суду союзных великих держав, а воле двух малых народов, до сих пор считавшихся австрийскими народами – чехам и югославянам» [18–19; 20. Р. 294; 21–22].

Версальская система мирных договоров – Сен-Жерменский, Трианонский, Нейиский и Севрский – имела целью создание в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе санитарного кордона из так называемых национальных государств, которые в союзе с западными великими державами были одинаково способны сдерживать потенциальный немецкий, венгерский, турецкий, русский ревизионизм и революционные поползновения большевизма. С точки зрения ориентирующегося на государство западной концепции «национального строительства» (nation-building), в корне отличавшейся от этнонациональных моделей Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы, не было противоречия в том, что новые государства Польша и Чехословакия, как и заметно прирастившая свою территорию Румыния, включали до трети «инонационального» населения, в то время как вновь образованная Югославия в процентном соотношении своих государственных народов и национальных меньшинств походила на полиэтничную Габсбургскую монархию.

² Сикст Бурбон-Пармский (1886–1934) – брат императрицы Зиты, супруги Карла I, взявший на себя роль посредника в сепаратных переговорах с Францией о выходе Австро-Венгрии из войны (прим. перев.).

О реализации идеи «этнически чистого национального государства» не могло быть и речи, поскольку миллионы немцев, австрийских немцев, словенцев, хорватов, венгров и украинцев оказались новыми «меньшинствами приграничных территорий». Мирные договоры, подписанные в Версале, были для них оскорбительным предательством принципа этнонационального самоопределения. Одностороннему тезису о вине за развязывание войны был противопоставлен «брат-близнец этой вопиющей лжи» – тезис о невинности. На обломках империй – Австрийской, Германской, Российской – непримиримый, день ото дня все более радикальный ревизионизм стал главным мотивом в публичной сфере Германии, Австрии, Венгрии и СССР [23–25; 26. S. 198–225, 409; 27].

Из сопоставления результатов мирных договоров становится ясно, что при активном содействии Франции в самом большом выигрыше оказались Чехословакия (за счет Австрии и Венгрии) и Румыния (за счет Венгрии и России), в то время как Польше пришлось смириться с разделом Верхней Силезии и Тешена. К Югославии отошли территории, отнятые у Венгрии, а за такой державой-победительницей, как Италия, в Рапалльском договоре (1920) пришлось признать ряд территорий, перечисленных в секретном Лондонском пакте (1915). Югославии ничего не оставалось, как пойти на компромисс с Румынией в вопросе о Банате и относительно Нижней Штирии и юго-восточной Каринтии – с Австрией, где по результатам плебисцита 1920 г. предпочло жить большинство населения. Особенно бросается в глаза ситуативное применение одних и тех же принципов: если исторические области Богемия, Моравия, Галиция, Буковина, Бессарабия, Трансильвания, Гёрц-Градиска и Истрия, где проживали по две и даже три национальности, были переданы одному национальному государству, то Верхняя Силезия, Тешен, Банат, Бачка, Баранья, Штирия и Тироль оказались поделены между государствами-наследниками. Но к самым разрушительным последствиям привело расчленение веками складывавшихся экономического пространства и устойчивых таможенных границ [28–32; 33. P. 124–134; 34].

В этой связи можно согласиться с оценкой мирных договоров, данной З. Штайнер: «Договоры с Австрией, Венгрией и Болгарией носили более жесткий и карательный характер, чем в случае с Германией. Решения, принятые по Австрии и Венгрии, ничем не отличались от наказания; первая была поставлена на грань экономического коллапса, вторая, если и сохранила экономическую жизнеспособность, оказалась лишена территорий и населения, что создало почву для ревизионизма» [35. P. 99].

После 1918 г. отношение Праги и Белграда к Берлину, Вене и Будапешту оставалось напряженным не только вследствие конфликтов из-за вновь прочерченных границ, но и по причине тенденций к «дегерманизации», «деавстризации», «демадьяризации». Это особо остро ощущалось при перераспределении долей собственности между владельцами промышленных предприятий в пользу представителей «титального» этноса, земельной реформе и массовых увольнениях немецко-австрийских и венгерских глав окружных администраций, бургомистров, чиновников, профессоров, учителей, судей, нотариусов, железнодорожных и почтовых служащих, придании образованию сугубо «национального» характера и дискриминирующих ограничениях торговли между государствами-«победителями» и «побежденными» государствами. К тому же составлявшие внушительное большинство в районах своего проживания «судетские и карпатские немцы» или этнические венгры в Словакии не рассматривали Чехословакию как свое государство, а у меньшинства «дунайских швабов» и венгров в Воеводине или жителей Нижней Штирии и Готшее³ в Словении не развилось чувства принадлежности к «национальному государству» сербов, хорватов и словенцев [36–39; 40. S. 333–337].

³ Готшее – совр. Кочевье в Словении (*прим. перев.*).

В апреле 1931 г., во время волны протестов против планов немецко-австрийского таможенного союза, поддержанной министром иностранных дел Бенешем, австрийский посланник Фердинанд Марек (прекрасно осведомленный об отношениях между чехами и немцами) в реляции вице-канцлеру Шоберу от 9 апреля указывал на то, что он считал психологической проблемой в правительственных кругах Праги: «Они по традиции против всего немецкого, и, как справедливо подметил издатель «Prager Tagblattes» («Пражский ежедневный листок»), не столько из ненависти к немцам, сколько вследствие известного комплекса неполноценности, какое-то, возможно, неосознанное чувство, от которого хотят освободиться через почеркнутое пренебрежение к немцам. В действительности, они, похоже, явно переоценивают планы немцев, и на политику Чехии влияет не что иное, как страх перед Германией» [41. Dok. 1104].

Даже ведущий католическо-консервативный листок, люблянский «Slovenec» («Словенец»), позволяя себе недружественные по отношению к немцам заявления, когда 15 февраля 1932 г. писал: «Немец для нас – это господин, он фабрикант, коммерсант или, по крайней мере, мясник. Да, он господин, и в его руках находится судьба тысяч наших рабочих [...] Он чувствует себя сыном господствующей нации [...] Не следует бояться, что словенский язык вытеснит немецкий язык из немецких семей [...] Кроме того, местные немцы могут посещать различные клубы и мероприятия, организованные филиалами “Немецко-швабского культурного союза”. У них есть возможность отправиться на Праздник Гёте в Целе или Марибор, где прослушать доклады протестантских пасторов, иных докладчиков из Австрии и Германии» [42. 1932.15 II; 43. S. 660].

Поразительным образом мировой экономический кризис привел в Центрально-Восточной Европе к совершенно иным внешнеполитическим последствиям: несмотря на то, что в правительство в Праге входили аграрии, христианские социалисты и социал-демократы из числа судетских немцев, улучшения в сфере прав национальных меньшинств не последовало. Прежде всего, пражское правительство не предпринимало никаких превентивных мер, чтобы защитить производство потребительских товаров от натиска экспорта и противодействовать упадку курортного туризма, что привело к ужасающей по масштабам безработице в среде судетских немцев (в январе 1933 г. около 35% трудоспособного населения). Напротив, германское правительство сумело летом 1930 г. тайно договориться с Белградом о компенсации за конфискацию Немецкого дома в Целе в форме немецкого школьного фонда в Воеводине. Наступательная политика Муссолини на Адриатике и тяжелый сельскохозяйственный кризис в Югославии привели в июне 1933 г. – еще при жизни короля Александра – к сближению с нацистской Германией и одновременно к уступкам для дунайских швабов в экономической жизни и народном просвещении, наконец, в мае 1934 г. – к новому торговому соглашению с безличным обменом аграрными и промышленными продуктами [43. S. 1128; 44–46].

Даже столкновения на грани гражданской войны в Австрии в феврале и июле 1934 г. вызвали в Праге и Белграде различную реакцию. Несмотря на то что около 2 тыс. беженцев – членов социал-демократического Республиканского шуцбунда – нашли убежище в Чехословакии, под усиливавшимся давлением Гитлера уже в начале 1936 г. снова начались попытки сближения между премьер-министром Миалном Годжей (1878–1944) и бундесканцлером Куртом Шушнигом (1897–1977). Напротив, прием более 2 тыс. австрийских национал-социалистов в Словении и Хорватии после июльского путча 1934 г. со всей очевидностью ухудшил двусторонние отношения, и у правящих кругов в Белграде развилась новая фобия – возможность возвращения Габсбургов в Австрию. С подписанием немецко-австрийского договора в июле 1936 г. новая ориентация Австрии в мгновение ока рассеяла все сомнения. Во время визита в Берлин в январе 1938 г. тогдашний премьер-министр Милан Стоядинович (1888–1961) сформулировал

важный для Гитлера тезис: «Югославия [...] рассматривает австрийский вопрос как чисто внутреннее дело немецкого народа» [43. S. 1214; 47].

После того как в мае 1935 г. в ходе парламентской выборной кампании в Чехословакии Судетонемецкая партия набрала большинство голосов в Судетской области, в ней быстро сформировалось национал-социалистическое крыло. Не зная о наступательных планах Гитлера в 1938 г., «вождь» СНП Конрад Генлейн предлагал Гитлеру в секретном письме использовать свою партию как инструмент для уничтожения Чехословакии, аннексии не только «Судетской области», но и «всего чешско-моравско-силезского пространства». После аншлюса Австрии 13 марта 1938 г. СНП открыто объявила о поддержке национал-социализма и потребовала исправления «несправедливости, творимой в отношении судетских немцев с 1918 г.». Поскольку Генлейн пообещал Гитлеру требовать большего, чем могло удовлетворить чехословацкое правительство, он отклонил все предложения пражского правительства о предоставлении автономии. Когда 12 сентября 1938 г. на партийном дне в Нюрнберге Гитлер грозил, что не потерпит «дальнейшего притеснения и преследования этих 3.5 млн. немцев», и в Судетской области начались волнения, Чемберлен и Даладьё с их «политикой умиротворения» пошли навстречу ультимативным заявлениям Гитлера и передали их пражскому правительству с требованием удовлетворить. Несмотря на мобилизацию современной чехословацкой армии президент Бенеш и правительство в Праге в конце концов капитулировали, приняв условия Мюнхенского соглашения, что означало отделение всех пограничных областей Чехословакии с преимущественно немецким населением. В сравнительно-исторической перспективе нельзя не вспомнить, что западные державы в 1938 г. передали тоталитарному фюреру Гитлеру то, в чем они в 1919 г. отказали демократически избранному правительству Немецкой Австрии [48–52; 53. P. 579–657].

Несмотря на примирительные жесты нового пражского правительства, Гитлер не желал слышать о гарантиях для «Остатков Чехословакии» – уменьшившейся на одну треть страны, поддержал территориальные требования к ней со стороны Польши и Венгрии и, наконец, 14 марта 1939 г. позволил ранее отстраненному от власти премьер-министру Йозефу Тисо (1887–1947) провозгласить независимость автономной Словакии. Уже следующей ночью Гитлер принудил чехословацкого президента Эмиля Хаху (1872–1945) отказаться от оставшихся чешских территорий, отдал приказ о вводе немецких войск в Прагу и Брно и 16 марта 1939 г. санкционировал провозглашение Протектората Богемии и Моравии [54; 55; 56. P. 109–120; 57].

В Югославии приспособление к Великогерманской империи уже шло по многочисленным линиям экономических, общественных и культурных контактов. После аншлюса Австрии национал-социалистические функционеры («обновители») начали отселять руководство прежде влиятельного и по преимуществу католического Культурбунда. Хотя министр внутренних дел Югославии Антон Корошец (1872–1940), «страстный вождь словенских клерикалов», по-прежнему под любым предлогом придирался к немцам в Словении, Гитлер во время встречи со Стоядиновичем ограничился намеком, что он «видит главную защиту Югославии в правильной политике в отношении национальных меньшинств». Сколь презрительно фюрер трактовал понятие немецкого национального меньшинства, станет ясно уже 6 октября 1939 г. из речи, произнесенной в рейхстаге, где он заявил о «поддержке» «осколков немецкого народа» из Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы и пообещал в последующие полтора года по договорам с СССР, балтийскими государствами и Румынией вернуть сотни тысяч этнических немцев в «родной Рейх». 6 апреля 1941 г. Гитлер напал на Югославию не для того, чтобы защитить национальное меньшинство, но военный путч в Белграде, в результате которого оказывалась под угрозой уже назначенная война с Италией против Греции и защита румынских нефтяных месторождений от британских воздушных атак [58–60]⁴.

⁴ Немцы Южного Тироля тоже «имели право» выбрать для себя Великогерманский рейх.

Оккупация и раздел Чехословакии в 1938/1939 гг. и Югославии в 1941 г. произошли по инструкциям и приказам лично Гитлера. Он назначал разных рейхспротекторов для Богемии и Моравии (К. Нейрат, Р. Гейдрих, К. Далюге, В. Фрик), но неизменно доверял только высокому эсэсовскому и полицейском руководителю Карлу Герману Франку – урожденному судетскому немцу. Если властные институты в Праге действовали при чешском правительстве, то управление Нижней Штирией и Верхней Краиной он вверил Зигфриду Юберрейтеру и Фридриху Райнеру – гаулейтерам и рейхштатгальтерам Штирии и Каринтии и поручил им «германизировать» эти области. В сентябре 1943 г. Райнера назначили верховным комиссаром «Оперативной зоны Адриатического побережья». Сербское же правительство в Белграде было подчинено немецкой военной администрации (с самоуправлением для этнических немцев в западном Банате), Словенское домобранство – смеси немецкой гражданской и военной администрации. Наконец, к официально независимым правительствам в Братиславе и Загребе были прикомандированы не только немецкие посланники, но и «советники», генералы Вермахта и вожди СС. Не в последнюю очередь Гитлер поддерживал во многих областях коллаборационистский режим католического священника Йозефа Тисо, так же как с самого начала преступный и с точки зрения политики безопасности неприемлемый усташский режим поглавника Анте Павелича (1889–1959) [1. Bd. 2. S. 775–1212; 61–67].

В отличие от Тисо и Павелича, Гитлер лично настаивал на депортации и физическом уничтожении евреев. По масштабу злодеяния и числу жертв выделяется почти тотальное уничтожение евреев из Чехии, Моравии, Словакии, Воеводины, Сербии и Хорватии, за что в Протекторате и в Словакии (при содействии словацкого правительства) несет ответственность преимущественно СС, в Сербии – в первую очередь Вермахт. Уничтожение хорватских и боснийских евреев было делом усташского режима, в городе Нови Сад и округе в январе 1942 г. – венгерской армии [68–71].

Прежде всего, в плане «Барбаросса» были сделаны многочисленные исключения из международного права, которые также применялись в других оккупационных зонах в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе. Это касается, например, знаменитого приказа Кейтеля от 16 сентября 1941 г., который устанавливал «карательные квоты» для расстрела заложников вплоть до 1 к 100 [72].

Оккупационная политика в Протекторате Богемии и Моравии, осуществлявшаяся в первую очередь войсками СС (в том числе Гестапо и службой безопасности) держала население под тотальным контролем с помощью малых террористических акций и трех масштабных волн террора: после демонстрации 28 октября 1939 г., когда все чешские университеты и институты были закрыты и 1 200 студентов депортированы в концлагеря; после прихода к власти генерала СС Рейнхарда Гейдриха как «временно исполняющего обязанности рейхспротектора» в конце сентября 1941 г. с последовавшими затем массовыми арестами и расстрелами и после удачного покушения на Гейдриха 27 мая 1942 г., повлекшего за собой казни более 1 500 чехов и практически полное уничтожение населения деревень Лидице и Лежаки – мужчин, юношей, женщин и детей. В ближайшие цели нацистов входило максимально широкое использование и эксплуатация Протектората Богемии и Моравии для немецкой военной экономики и – как необходимое условие – подавление чешского сопротивления, чтобы отложить на как можно более длительный срок чешское восстание. В этом смысле оккупационная политика генерала войск СС и полиции К.Г. Франка в целом была более рациональной, чем курс на жестокость, взятый на оккупированных территориях Восточной и Юго-Восточной Европы [73–77].

Немецкая оккупационная политика в Сербии и Словении с самого начала отличалась по сравнению с Протекторатом большей жестокостью карательных акций. На восстание партизан и четников летом и осенью 1941 г. в Сербии вермахт ответил массовыми расстрелами заложников, что нарушало все требования «про-

порциональности», предусмотренные международным гуманитарным правом. Например, в Кралеве и Крагуеваце в ответных карательных операциях на вылазки партизан было казнено 1 755 и 2 300 мирных жителей, в том числе целые школьные классы с учителями. В Нижней Штирии и Верхней Крайне немецкие оккупационные власти уже в 1941 г. начали переселять и выселять словенцев – всего около 60 тыс. – в Хорватию, Сербию и Германию. 8 июня 1941 г. словенцы – члены действовавшего в Любляне Конституционного суда Италии передали Муссолини петицию: «Все, что начиная с 6 апреля и до сегодняшнего дня (18 мая) происходит на занятых немецкими частями словенских территориях и под юрисдикцией немецкой гражданской администрации – это уже нечто большее, чем обычные мародерство и грабеж населения, и служит единой главной цели: уничтожить словенский народ, стереть его с лица земли» [78–79].

Фашистская оккупационная политика в провинции Любляна расколола словенских политиков на два лагеря. Компартия Словении и группы левосоциалистической ориентации, к которым также примкнули христианские социалисты и движение «Сокол», именовали себя «Освободительным фронтом». Им противостоял лагерь во главе с католической церковью, объединенный на платформе антикоммунизма. Размах ширившегося партизанского движения вынудил оккупационные власти в январе 1942 г. создать в провинции военную администрацию, которая в феврале практически изолировала столицу Люблян от внешнего мира. Начались массовые аресты и задержания, а весной 1942 г., главным образом на о. Раб, также расстрелы заложников [80; 81. S. 58–66].

Суждение о военных преступлениях в «Независимом государстве Хорватия» (НГХ) вынести сложнее. Несомненно, спираль насилия стала раскручиваться с весны 1941 г. начиная с геноцидных погромов и преступлений усташей против сербов, евреев и цыган. В этот хорватско-сербский конфликт на территории НГХ с 1941 г. оказались втянуты итальянские оккупационные власти, занявшие позицию в поддержку сербских четников. Последние, со своей стороны, мстили не только хорватскому мирному населению, но совершали набеги на мусульманские деревни. После того как весной 1942 г. руководимые коммунистами партизаны избрали в качестве центра сопротивления Боснию и Герцеговину, немецкие оккупационные власти – между прочим, с помощью укомплектованной этническими немцами добровольческой горной дивизии СС «Принц Ойген» – попытались в ходе нескольких операций нейтрализовать как партизан, так и четников. Обе стороны неоднократно нарушали нормы международного гуманитарного права, и число очевидных военных преступлений с обеих сторон неуклонно возрастало. Как немцы, так и руководимое маршалом Тито партизанское движение не останавливались перед уничтожением целых деревень вместе с их жителями. В то же время Тито представлял партизанскую войну как национальное и социальное освободительное движение [82–86].

Национал-социалистический режим в Протекторате Богемии и Моравии был во многом схож с теми, что установились во Франции, Бельгии и Нидерландах. Об этом можно судить, с одной стороны, по готовности к коллаборационизму правительства Протектората, располагавшего собственными полицейскими силами, с другой стороны – по масштабам акций сопротивления и положению на Восточном фронте. В любом случае, чешское «национальное сообщество», в первую очередь рабочие, крестьяне и интеллигенция, было расколото как по отношению к нацистскому режиму, так и по отношению к лондонскому правительству в изгнании. Несмотря на то что вне всяких сомнений имела место масштабная экономическая эксплуатация и форсированная германизация, все-таки население не испытывало голода. Чешские мужчины призывного возраста не несли воинской повинности, в отличие от своих сверстников в других странах – словаков, словенцев, хорватов, сербов и этнических немцев [55. P. 217–225; 87].

27 ноября 1940 г. В. Куликов, советский генеральный консул в Праге, будучи в Москве, встретился с секретарем Коминтерна Георгием Димировым и рассказал

ему о противоречивых деталях положения в Протекторате: «“Батя”, “Шкода” и другие заводы работают в полную силу, производя оружие и обмундирование для германской армии; в пригородах Праги строится огромный авиационный завод, мощность которого – до тысячи самолетов в месяц; патриотический и антинемецкий дух чехов не сломлен; Чехи люто ненавидят германских нацистов. В чешском обществе царит атмосфера национальной солидарности. Лишь малая часть общества добровольно пошла служить немцам» [88. Р. 138].

В донесении о настроениях в моравской Оставе, предположительно составленном одним немецким коммунистом в августе 1943 г. для правительства в изгнании, в том числе говорилось: «Мюнхенская капитуляция: [...] мнение о том, что следует вступить в борьбу на стороне СССР, широко распространено, а после победы под Сталинградом стало господствующим [...] Гахе ставят в заслугу, что чехи освобождены от военной обязанности [...] За это судетские немцы ненавидят чехов, которых не отправляют на фронт, и они живут весьма сносно, работая на немецких фабриках или в деревне [...] Ненависть [чехов. – А.З.] к немцам велика, понятно, что речь идет о нацистах, принадлежащих в большинстве своем к буржуазным и интеллигентским кругам. Напротив, к немецким рабочим отношение терпимое [...] У Бенеша есть сторонники в Праге, в Чехии – несколько меньше, и совсем мало в Моравии и Словакии [...] В целом царит неприятие политиков периода 1918–1938 гг. [...] Больше слушают передачи из Москвы, чем из Лондона [...] Их нельзя упрекнуть в плохом отношении к словакам, даже за участие в войне, всем ясно, что у тех нет другого выхода [...] Панически боятся бомбардировок [...] Ситуация с продовольствием – одно слово: нищета» [89].

В отличие от Протектората режим генерала Милана Недича (1877–1946) в Сербии не имел никаких признаков государства. Немецкое военное командование отдавало распоряжения, которые администрация Недича должна была беспрекословно исполнять. Сербская судебная система была полностью дезавуирована немецкими арестами, задержаниями, военно-полевыми судами, процессами против сербского населения, принудительными работами и казнями. Долгое время у Недича не было даже доступа к командованию расквартированных на территории Сербии войск. Экономика и финансы находились под полным контролем немецких уполномоченных. Поскольку королевское правительство в изгнании с командиром четников генералом Дражей Михайловичем (1893–1946) на посту военного министра признавалось союзниками, режим Недича объявил кабинет вне закона [90; 91. S. 633–688].

Начиная с зимы 1941/1942 г. Тито одну за другой слал телеграммы в Москву с просьбой предоставления боеприпасов, автоматического оружия, взрывчатки и амуниции. Однако советская сторона ограничивалась сочувственными заявлениями и ссылалась на невозможность организовать их транспортировку. Сталин не хотел – игнорируя позицию западных союзников – оттолкнуть от себя югославское правительство в изгнании. Тито постоянно заострял внимание на коллаборационистской деятельности Михайловича, однако Димитров сделал ему самому строгое внушение, когда узнал, что тот в марте 1943 г. произвел обмен пленными с немецкой стороной. После прорыва в битве при Сутьеске (май–июнь 1943 г.) из Москвы, по словам болгарского коммуниста, прозвучали слова одобрения: «Молодцы, югославские герои!» [88. Р. 210–222, 239, 258–260, 267, 281].

Пер. с нем. О.В. Хавановой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Suppan A.* Hitler – Beneš – Tito. Konflikt, Krieg und Völkermord in Ostmittel- und Südosteuropa. Wien, 2014². 3 Bde.
2. *Kershaw I.* Hitler 1889–1936: Hubris. New York, 1999.
3. *Kershaw I.* Hitler 1936–1945: Nemesis. New York, 2000.
4. *Hitler und die Deutschen. Volksgemeinschaft und Verbrechen.* Dresden, 2010.

5. *Zeman Z.A.B.* Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 2002.
6. *Dejmek J.* Edvard Beneš. Politická biografie českého demokrata. Praha, 2006–2008. 2 Bde.
7. *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Zagreb, 1980–1981. 3 Bde.
8. *Pavlovitch S.K.* Tito – Yugoslavia's Great Dictator. London, 2006.
9. *Марына В.В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек: 1884–1948. М., 2013.
10. *Rumpler H.* Eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie. Wien, 1997.
11. *Hanák P.* Ungarn in der Donaumonarchie. Probleme der bürgerlichen Umgestaltung eines Vielvölkerstaates. Wien; München; Budapest, 1984.
12. *Clark Ch.* The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914. London, 2012.
13. *Rauchensteiner M.* Der Erste Weltkrieg und das Ende der Habsburgermonarchie 1914–1918. Wien; Köln; Weimar, 2013.
14. *Deak I.* Beyond Nationalism. A Social and Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918. New York, 1990.
15. *Šedivý I.* Češi, české země a velká válka 1914–1918. Praha, 2001.
16. Schicksalsjahre Österreichs. Die Erinnerungen und Tagebücher Josef Redlichs 1869–1936. Wien; Köln; Weimar, 2011. 3 Bde.
17. *Rahten A.* Ivan Šustersić, der ungekrönte Herzog von Krain. Wien, 2012.
18. *Plaschka R.G., Haselsteiner H., Suppan A.* Innere Front. Militärassistentz, Widerstand und Umsturz in der Donaumonarchie 1918. Wien, 1974. 2 Bde.
19. *Valiani L.* La dissoluzione dell' Austria-Ungheria. Milano, 1966.
20. *Kalvoda J.* The Genesis of Czechoslovakia. Boulder (Col.), 1986. 2 Bde.
21. Weg von Österreich! Das Weltkriegsexil von Masaryk und Beneš im Spiegel ihrer Briefe und Aufzeichnungen aus den Jahren 1914 bis 1918. Berlin, 1995.
22. *Mitrović A.* Serbia's Great War 1914–1918. London, 2007.
23. The Treaty of St. Germain. A Documentary History of Its Territorial and Political Causes. Stanford; London, 1935.
24. Die Tschechoslowakischen Denkschriften für die Friedenskonferenz von Paris, 1919–1920. Berlin, 1937.
25. *MacMillan M.* Paris 1919. Six Months that Changed the World. New York, 2002.
26. *Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 4: Vom Beginn des Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten 1914–1949. München, 2003.
27. *Haslinger P.* Nation und Territorium im tschechischen politischen Diskurs 1880 – 1938. München, 2010.
28. *Hertz F.* The Economic Problem of the Danubian States. A Study in Nationalism. London, 1947.
29. *Ormos M.* From Padua to the Trianon, 1918–1920. Boulder (Col.), 1990.
30. *Mitrović A.* Jugoslavija na konferenciji mira 1919–1920. Beograd, 1969.
31. *Hronský M.* The Struggle for Slovakia and the Treaty of Trianon, 1918–1920. Bratislava, 2001.
32. *Romsics I.* Der Friedensvertrag von Trianon. Herne, 2005.
33. *Cattaruzza M.* L'Italia e il confine orientale, 1866–2006. Bologna, 2007.
34. The Slovenes in the Eyes of the Empire. Handbooks of the British Diplomats attending the Paris Peace Conference of 1919. Ljubljana, 2007.
35. *Steiner Z.* The Lights That Failed. European International History 1919–1933. Oxford, 2005.
36. *Wiskemann E.* Czechs and Germans. A Study of the Struggle in the Historic Provinces of Bohemia and Moravia. London; New York, 1938.
37. *Kučera J.* Minderheit im Nationalstaat. Die Sprachenfrage in den tschechisch-deutschen Beziehungen 1918–1938. München, 1999.
38. *Banac I.* The National Question in Yugoslavia. Origins, History, Politics. Ithaca (NY), 1984.
39. *Janjetović Z.* Nemci u Vojvodini. Beograd, 2009.
40. *Štih P., Simoniti V., Vodopivec P.* Slowenische Geschichte. Gesellschaft–Politik–Kultur. Graz, 2008.
41. Außenpolitische Dokumente der Republik Österreich 1918–1938 (ADÖ). Wien, 2006. Bd. 7.
42. Slovenec (Ljubljana Dokument).
43. *Suppan A.* Jugoslawien und Österreich 1918–1938. Bilaterale Außenpolitik im europäischen Umfeld. Wien; München, 1996.
44. *Teichova A.* An Economic Background to Munich. International Business and Czechoslovakia. Cambridge, 1974.
45. *Boyer Ch.* Nationale Konkurrenten oder Partner? Studien zu den Beziehungen zwischen Tschechen und Deutschen in der Wirtschaft der ČSR 1918–1938. München, 1999.
46. *Sundhaussen H.* Geschichte Serbiens 19.–21. Jahrhundert. Wien; Köln; Weimar, 2007.
47. Arhiv Jugoslavije. Zbirka Stojadinovića. F-24. Protokolle Außenminister Neurath und Ministerpräsident Stojadinović. Berlin, 17 I 1938.
48. [*Beneš E.*] Germany and Czechoslovakia. By an active and responsible Czechoslovak Statesman. Prague, 1938.
49. *Seibt F.* Deutschland und die Tschechen. Geschichte einer Nachbarschaft in der Mitte Europas. München; Zürich, 1993.

50. *Biman S., Čilek R.* Der Fall Grün und das Münchner Abkommen. Berlin, o. J.
51. *Zücker M.* Zwischen Nationsidee und staatlicher Realität. Die tschechoslowakische Armee und ihre Nationalitätenpolitik 1918–1938. München, 2006.
52. *Brandes D.* Die Sudetendeutschen im Krisenjahr 1938. München, 2008.
53. *Steiner Z.* The Triumph of the Dark. European International History 1933–1939. Oxford, 2011.
54. *Allianz Hitler – Horthy – Mussolini.* Dokumente zur ungarischen Außenpolitik 1933–1944. Budapest, 1966
55. *Kenan G.F.* From Prague After Munich: Diplomatic Papers, 1938–1940. Princeton, 1971.
56. *Toma P.A., Kováč D.* Slovakia. From Samo to Dzurinda. Stanford, 2001.
57. «Tretia ríša» a vznik Slovenského štátu. Das «Dritte Reich» und die Entstehung des Slowakischen Staates. Dokumenty. I–II. Bratislava 2008–2010.
58. *Biber D.* Nacizem in Nemci v Jugoslaviji 1933–1941. Ljubljana, 1966.
59. *The Third Reich and Yugoslavia 1933–1945.* Belgrade, 1977.
60. *Wehler H.-U.* Nationalitätenpolitik in Jugoslawien. Die deutsche Minderheit 1918–1978. Göttingen, 1980.
61. *Brandes D.* Die Tschechen unter deutschem Protektorat: 2 Bde. München; Wien, 1969–1975.
62. *Küpper R.* Karl Hermann Frank (1896–1946). Politische Biographie eines sudetendeutschen Nationalsozialisten. München, 2010.
63. *Maršalek P.* Pod ochranou hákového kříže. Nacistický okupační režim v českých zemích 1939–1945. Praha, 2012.
64. *Ein General im Zwielicht.* Die Erinnerungen Edmund Glaises von Horstenau. Wien; Köln; Graz, 1988. Bd. 3: Deutscher Bevollmächtigter General in Kroatien und Zeuge des Untergangs des «Tausendjährigen Reiches».
65. *Goldstein I.* Croatia. A History. London, 1999.
66. *Burgwyn H.J.* Empire on the Adriatic: Mussolini's Conquest of Yugoslavia, 1941–1943. New York, 2005.
67. *Williams M.* Gau, Volk und Reich. Friedrich Rainer und der österreichische Nationalsozialismus. Klagenfurt, 2005.
68. *Rothkirchen L.* The Jews of Bohemia and Moravia Facing the Holocaust. Lincoln; Jerusalem, 2005.
69. *Brandmüller W.* Holocaust in der Slowakei und katholische Kirche. Neustadt an der Aisch, 2003.
70. *Goldstein S.* 1941: Godina koja se vraća. Zagreb, 2007.
71. *Rozett R., Spector S.* Encyclopedia of the Holocaust. Jerusalem, 2009.
72. *Bundesarchiv/Militärarchiv Freiburg im Breisgau.* Führerhauptquartier. Wehrmachtsführungsstab. Abt. L (IV/Qu.). Chef Oberkommando der Wehrmacht. RW 4/601a. 16.IX.1941.
73. *Mastný V.* The Czechs under Nazi Rule: The Failure of National Resistance, 1939–1942. New York, 1971.
74. *Deutsche Politik im «Protektorat Böhmen und Mähren» unter Reinhard Heydrich 1941–42.* Eine Dokumentation. Berlin, 1997.
75. *Demetz P.* Prague in Danger. Scenes from the Life of a European City. New York, 1997.
76. *Sayer D.* The Coasts of Bohemia. A Czech History. Princeton, 1998.
77. *Balcar J.* Panzer für Hitler – Traktoren für Stalin. Großunternehmen in Böhmen und Mähren 1938–1950. München, 2014.
78. *Petranović B.* Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945. Beograd, 1992
79. *Quellen zur nationalsozialistischen Entnationalisierungspolitik in Slowenien 1941–1945.* Viri o nacistični raznarodovalni politiki v Sloveniji 1941–1945. Maribor, 1980.
80. *Rodogno D.* Il nuovo ordine mediterraneo. Le politiche di occupazione dell'Italia fascista in Europa, 1940–1943. Torino, 2003.
81. *Griessler-Pečar T.* Das zerrissene Volk. Slowenien 1941–1946. Okkupation, Kollaboration, Bürgerkrieg, Widerstand. Wien; Köln; Graz, 2003.
82. *Djilas M.* Der Krieg der Partisanen. Memoiren 1941–1945. Wien, 1978.
83. *Tomasevich J.* War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945: Occupation and Collaboration. Stanford, 2001.
84. *Schmider K.* Der Partisanenkrieg in Jugoslawien 1941–1944. Hamburg; Berlin; Bonn, 2002.
85. *Casagrande T.* Die volksdeutsche SS-Division «Prinz Eugen». Die Banater Schwaben und die nationalsozialistischen Kriegsverbrechen. Frankfurt/Main, 2003.
86. *Korb A.* Im Schatten des Weltkriegs. Massengewalt der Ustaša gegen Serben, Juden und Roma in Kroatien 1941–1945. Hamburg, 2013.
87. *Bryant Ch.* Prague in Black. Nazi Rule and Czech Nationalism. Cambridge (Mass.); London, 2007.
88. *The Diary of Georgi Dimitrov 1933–1949.* New Haven; London, 2003.
89. *Archiv Ústavu T. G. Masaryka, Praha.* Fond Edvard Beneš II. 38-16-1. Zpráva 2, 8. srpna 1943.
90. *Tomasevich J.* War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945: The Chetniks. Stanford, 1975.
91. *Ristović M.* General M. Nedić – Diktatur, Kollaboration und patriarchalische Gesellschaft Serbiens 1941–1945 // Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa 1919–1944. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2001.

© 2016 г. К.Б. ЕГОРОВА

КОМУ ПРОЛЕТАРИАТ СТАВИТ ПАМЯТНИКИ: 125 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Т.Г. ШЕВЧЕНКО

Празднование 125-летия со дня рождения Т.Г. Шевченко, о котором пойдет речь в статье, позволяет еще раз обратиться к национальной и культурной политике И.В. Сталина, на обширном материале показать, как творилась литература, национальная по форме и советская по содержанию. В рамках статьи будет показано, что утверждение национальной литературы в 1930-е годы сопровождалось стиранием какой-либо национальной самобытности; оставалось лишь пустое номинативное указание на национальную принадлежность писателя, содержательная сторона творчества полностью узурпировалась советской идеологией.

The article deals with the problem of literature anniversaries of the 1930^s. Celebration of the 125th anniversary of Taras Shevchenko, similar to other literature anniversaries, refers to the national and cultural policy of Stalin. In the article, extensive material was used to demonstrate, how the Soviet national literature was created. National literature in the 1930^s had no national identity; there was only an empty nominative indication to the nationality of the writer, while the content was completely usurped by the Soviet ideology.

Ключевые слова: русская литература, украинская литература, литературные юбилеи, Т.Г. Шевченко.

Keywords: Russian literature, Ukrainian literature, literature anniversaries, T.G. Shevchenko.

В марте 1939 г. все трудящиеся Советского Союза отметили 125 лет со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко (1814–1861). Подготовка к этому событию началась за несколько месяцев до самого юбилея: уже в январе–феврале 1939 г. советские газеты («Правда», «Вечерний Тбилиси», «Ворошиловградская правда», «Советская Киргизия», «Советское искусство», «Казахстанская правда» и т.д.) напоминали читателям о готовящемся пышном торжестве в честь украинского поэта: «Весь советский народ готовится к празднованию 125-летия со дня рождения гениального украинского поэта-революционера» [1. 27 февраля 1939. С. 3]. Юбилей Шевченко являлся одним из многочисленных писательских юбилеев, отмеченных советским народом в конце 1930-х годов: 100-летие со дня смерти А. С. Пушкина, 750-летия со дня рождения Шота Руставели (примечательно, что в одних случаях торжества происходили в честь самого поэта, а в других – в честь 750-летия создания «Витязя в тигровой шкуре»), 75-летие творческой деятельности первого казахского поэта Джамбула, 1000-летний юбилей армянского эпоса «Давид Сасунский», 500-летний юбилей классика узбекской литературы Алишера Навои. Пышные празднования всех этих юбилеев стали отражением сталинской национальной

Егорова Ксения Борисовна – канд. филол. наук, ученый секретарь ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

и культурной политики. Воспевание национальной по форме литературы в лице главных ее представителей (Пушкина, Руставели, Шевченко и т.д.) фактически означало стирание национальной самобытности писателя за счет утверждения единого социалистического содержания, отразившегося в текстах классиков русской, грузинской, узбекской, армянской, казахской и украинской литератур.

Празднование 125-летия со дня рождения Шевченко позволяет обратиться к национальной и культурной политике Сталина, на обширном материале показать, как создавалась литература, национальная по форме и советская по содержанию.

В течение всего юбилейного шевченковского года многотысячными тиражами выходили сборники произведений поэта не только на украинском и русском языках, но и на всех языках народов СССР. Дореволюционные русские переводы поэзии украинского классика были пересмотрены и получили в изданиях 1939 г. обновленный комментарий, что привело к появлению советских интерпретаций творчества Шевченко, частично заменивших ранее существовавшие прочтения его поэзии и прозы.

Идейные установки для нового прочтения творчества Шевченко давались во вступительных статьях, предисловиях и комментариях ко всем изданным в 1939 г. сборникам поэзии и прозы украинского писателя. Так, в сборнике «Шевченко: избранные произведения», вышедшем в 1939 г. в серии «Школьная библиотека», дано необычное толкование украинского слова «москаль», встречающегося достаточно часто в поэме «Катерина». Составители сборника для школьного чтения пояснили, что «москаль» – это понятие, лишенное национальной принадлежности и обозначающее офицера или пана любой национальности. Таким образом, национально ориентированная освободительная борьба украинского народа против русских и польских господ становилась второстепенной для нового читателя, открывшего Шевченко в 1939 г.; она уступила место более важным, с точки зрения новой идеологии, установкам – мотиву борьбы простого народа со своими вековыми угнетателями всех национальностей. Подобный комментарий к поэме «Катерина» содержится и в мордовском юбилейном издании лирики Шевченко, где при первом упоминании офицера-москаля под строкой дается пояснение: «Москаль – это слово обозначало в украинском языке понятие видовое – не только солдат, но и вообще военный. Именно в последнем значении употребляет его Шевченко, называя далее своего героя офицером и паном» [2. С. 25]. Все эти комментарии направлены на реализацию одной из идеологических установок, связанных с празднованием шевченковского юбилея, – разрушить бытовавшее ранее представление о Шевченко как о певце украинского национализма.

Необходимость полного пересмотра существовавших до юбилейного года русских переводов лирики Шевченко обосновал К.И. Чуковский, выступивший с докладом на VI Пленуме правления Союза советских писателей СССР, который проходил в Киеве в мае 1939 г. Чуковский обратил внимание на несовершенство русских переложений песен великого kobzary: революционное содержание не было вскрыто в этих переводах со всей полнотой, присущей поэзии Шевченко, фольклорное и народное звучание украинской поэзии было искажено. По мнению Чуковского, только в новых советских переводах¹ оба

¹ Переводы Ф. Сологуба, созданные в 1920-е годы, но впервые появившиеся отдельным изданием только в 1934 г., критикуются Чуковским наравне с дореволюционными. Тем не менее, дневниковые записи Чуковского за конец октября 1923 г. показывают, что он отнесся к Сологубу, взявшемуся за перевод «Кобзаря» из-за крайней нужды, с пониманием и даже состраданием к творческой судьбе поэта: «В ужасном положении Сологуб. Встретил его во “Всемирной” внизу; надевает свою худую шубенку. Вышли на улицу. Он, оказывается, был у Розинера, как я ему советовал [...] Сологуб подробно рассказал о своем разговоре с Розинером. И потом: “Он дал мне хорошую идею: переводить Шевченко. Я готов. Затем и ходил во Всемирную – к Тихонову. Тихонов обещает хлопотать, чтоб разрешили” [...] Мне стало страшно жаль беспомощного, милого Федора Кузмича. Написал человек целый шкаф книг, известен и в Америке, и в Германии, а принужден переводить из куска хлеба Шевченко» [3. С. 292]. См. переводы Сологуба в [4]. Сборник был переиздан ленинградским Гослитиздатом в 1935 г.

элемента – революционность и народность – были сохранены, читатель наконец-то получил верное, не искаженное переводчиком, представление о характере поэзии украинского классика: «Первая особенность новых переводов “Кобзаря” – революционное содержание поэзии Шевченко вскрыто в них со всей полнотой [...] особенность советских переводов “Кобзаря” заключается в строгом соблюдении ее народного, демократического фольклорного стиля. Превышние переводчики, когда им нужно было переводить какую-нибудь народную песню Шевченко, придавали ей либо салонно-романсовый стиль, либо цыганский, либо, что еще хуже, суздальско-комаринский, залихватски сусальный» [5. С. 118–120].

Прежде всего, Чуковский говорил о достоинствах новых переводов, включенных им в сборник «Шевченко: избранные произведения» [6], к работе над которым он пригласил советских переводчиков: «Тогда – в 1938 и 1939-х годах – я принимал в новых переводах Шевченко живое участие, редактируя детгизовское собрание его стихотворений. К работе над этим изданием мною были привлечены Александр Твардовский, Михаил Исаковский, Борис Пастернак, Елена Благина, Петр Семьинин, и мне было радостно видеть, с каким искусством (и с каким вдохновением!) они воссоздавали подлинный облик украинского гения, тем самым в значительной мере отменяя всю столетнюю работу своих безнадежно устарелых предшественников» [7. С. 347].

Сборник под редакцией Чуковского был не единственным примером полного пересмотра ранее существовавших традиций перевода произведений Шевченко на русский язык². Наиболее вероятной причиной для появления новых русскоязычных переложений поэзии Шевченко стало резкое изменение внутренней национальной политики Сталина по отношению к УССР. Если дореволюционные переводы ни стилистически, ни идеологически не отвечали запросам новой советской действительности и трактовались как пример произвола царской цензуры, то переводчики начала 1930-х годов (например Ф. Сологуб или А. Колтоновский [10]) подвергались критике во многом из-за внешних политических факторов, главным из которых явилось завершение программы по коренизации населения советских республик³.

Проводимая партийной элитой во второй половине 1920-х годов коренизация на Украине привела, с одной стороны, к росту недовольства и протестных настроений среди русскоязычного населения республики, не желавшего подвергаться насильственной украинизации, а с другой – к появлению радикальных националистических течений (хвылевизм, шумкизм, дело Скрыпника и т.д.).

В 1939 г., спустя несколько лет после заявления Сталина в Отчетном докладе XVII съезду партии (26 января 1934 г.) о борьбе с национал-уклонистскими группировками, фактически означавшем конец украинизации и начало курса на советизацию УССР, отношение к творчеству Шевченко, а значит и подход к переводу его произведений на русский язык, было необходимо пересмотреть.

В УССР коренизация породила крайние формы национализма, выразившиеся, в частности, в знаменитом лозунге писателя Микола Хвильевого⁴ «Прочь от Москвы!». Лозунг выражал взгляды Хвильевого и близкого ему круга писателей на перспективы развития украинской послереволюционной литературы, которая должна была, по мнению Хвильевого, ориентироваться на «психологическую Ев-

² Новые переводы содержали и другие издания: [8; 9].

³ Коренизация (или украинизация) проводилась в УССР в 1923–1932 гг. Подробнее об этом см. [11].

⁴ Микола Хвильево́й (настоящее имя Николай Григорьевич Фитилев, 1893–1933) – украинский советский поэт, прозаик и публицист; активно поддерживал политику украинизации, которую проводил нарком просвещения УССР Н.А. Скрыпник (1877–1933). В 1933 г. покончил жизнь самоубийством.

ропу», искать революционные идеалы в европейском искусстве и самостоятельно прокладывать путь для новой коммунистической литературы, а не копировать русские образцы советской прозы и поэзии. Однако этот лозунг сразу после появления в конце 1920-х годов⁵ приобрел сугубо политическое звучание и был истолкован как проявление радикального украинского национализма. «Хвылевизм» был подвергнут критике в печально известном письме Сталина «Тов. Кагановичу и другим членам Политбюро ЦК КП(б)У» от 26 апреля 1926 г., означавшем скорый конец украинского национального ренессанса 1920-х годов: «В то время как западноевропейские пролетарии и их коммунистические партии полны симпатий к “Москве”, к этой цитадели международного революционного движения и ленинизма, в то время как западноевропейские пролетарии с восхищением смотрят на знамя, развевающееся в Москве, украинский коммунист Хвылевой не имеет сказать в пользу “Москвы” ничего другого, кроме как призвать украинских деятелей бежать от “Москвы” “как можно скорее”. И это называется интернационализмом! Что сказать о других украинских интеллигентах некоммунистического лагеря, если коммунисты начинают говорить, и не только говорить, но и писать в нашей советской печати языком тов. Хвылевого? [...] только в борьбе с такими крайностями можно превратить подымающуюся украинскую культуру и украинскую общественность в культуру и общественность *советскую*» [12. С. 209].

В 1934 г. национал-уклонизм был окончательно признан «вывихом», «перезжитком капитализма», с которым необходимо бороться. К моменту произнесения Сталиным речи на XVII съезде партии многих сторонников украинизации уже не было в живых (и Хвылевой, и Скрыпник покончили жизнь самоубийством в 1933 г.): «Я говорил о живучести пережитков капитализма. Следует заметить, что пережитки капитализма в сознании людей гораздо более живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области. Они более живучи, так как имеют возможность хорошо маскироваться в национальном костюме. Многие думают, что грехопадение Скрыпника есть единичный случай, исключение из правила. Это неверно. Грехопадение Скрыпника и его группы на Украине не есть исключение [...] Что значит уклон к национализму, – все равно, идет ли речь об уклоне к великорусскому национализму или об уклоне к местному национализму? Уклон к национализму есть приспособление интернационалистской политики рабочего класса к националистской политике буржуазии. Уклон к национализму отражает попытки “своей”, “национальной” буржуазии подорвать Советский строй и восстановить капитализм. Источник у обоих уклонов, как видите, – общий. Это – *отход* от ленинского интернационализма» [13. С. 377].

Сложившаяся к середине 1930-х годов политическая и культурная ситуация в СССР диктовала необходимость пересмотра отношения советского читателя к творчеству Шевченко, который не должен более ходить в «национальном костюме». В юбилейный год было необходимо создать интернационального Шевченко, превратить «украинскую культуру и украинскую общественность в культуру и общественность советскую» [12. С. 209]. В подобном контексте пересмотр всех существовавших ранее переводов поэзии Шевченко на русский язык представлялся продуманным действием, призванным стереть память о национальном поэте, дав ему советскую жизнь.

Эта установка на советизацию Шевченко и раскрытие интернациональных черт его литературного творчества принимала зачастую гротескную форму и в некоторых юбилейных изданиях доводилась до абсурда. Так, например, в предисловии к мордовскому юбилейному сборнику желание вывести Шевченко из круга украинских националистов, выполнив тем самым наказ партии, прозвучало несколько топорно: «Т.Г. Шевченко был чужд национализма. Его творчество глу-

⁵ Свою позицию Хвылевой выразил в серии памфлетов 1925–1927 гг., среди которых программные: «Психологическая Европа» и «Украина или Малороссия?».

боко интернационально. Он ненавидел царскую Россию, тюрьму народов, ненавидел эксплуататорские классы, но он горячо любил революционную Россию и ее героев» [2. С. 19].

Доклад К.И. Чуковского о достоинствах новых советских переводов Шевченко, произнесенный на юбилейном Пленуме в Киеве в 1939 г., с небольшими дополнениями и комментарием был включен автором в ставшую классической книгу «Высокое искусство» [14] под названием «Русские “Кобзари”: на путях к современному стилю». В этой работе Чуковский не отступился от своей критики поэтических переложений «Кобзаря», выполненных до 1939 г. Решение включить этот сугубо идеологический текст родом из довоенной сталинской эпохи в книгу, предназначенную для публикации в 1960-е годы, без пересмотра основных положений и сопутствующего комментария представляется решением, по меньшей мере, странным. Чуковский оставил без изменения и пассажи, отражающие юбилейные идеологические установки, среди которых, кроме подчеркнутого интернационализма Шевченко, разоблачение царских цензурных «подтасовок и вымыслов»: «Замечательно, что из русских поэтов в переводческую работу над “Кобзарем” включились почти все, за очень небольшим исключением. Поэты различных направлений, различных поэтических школ – все объединились в благоговейной любви к великому украинскому гению [...] В них уже нет и в помине тех вольных и невольных смягчений, подтасовок и вымыслов, которые фальсифицировали облик Шевченко [...] Ведь уже многие годы советские поэты, за двумя или тремя исключениями, переводили, соревнуясь друг с другом, армянских, грузинских, украинских, белорусских, азербайджанских, еврейских поэтов и перевели уже сотни тысяч стихов: и “Давида Сасунского”, и Шота Руставели, и Джамбула, и Павла Тычину, и Янку Купалу, служа своей повседневной работой братскому единению народов Союза, которое становится еще более тесным благодаря этому живому обмену национальными литературными ценностями» [7. С. 349].

Ориентация на «братское единение народов Союза» в политике, экономике, литературе и культуре, на котором настаивает Чуковский, исходило из работ Сталина по национальному вопросу. Знаменитый сталинский лозунг о культуре и литературе, национальной по форме и социалистической по содержанию, получил выражение, в частности, в докладе вождя «Об уклонах в области национального вопроса» на XVI съезде ВКП(б) 27 июня 1930 г.: «Что такое национальная культура при диктатуре пролетариата? Социалистическая по своему содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью воспитать массы в духе интернационализма и укрепить диктатуру пролетариата» [15. С. 215].

В конце 1930-х годов слова Сталина были применимы не только к советскому литературному процессу, с этой точки зрения рассматривались и произведения, созданные до революции; вся мировая литература так или иначе могла быть прочитана и истолкована при помощи нового идеологического трафарета. Сквозь призму сталинской национальной политики авторы «Литературной энциклопедии» в 1934 г. предлагают рассматривать термин «национальная литература»: «Социалистические национальные литературы на своей интернационалистической основе борются как с великодержавным шовинизмом, так и со всякого рода проявлениями местного национализма, и эта активная борьба разворачивается тем успешнее, чем более эта социалистическая по содержанию литература является национальной по форме [...]» [16. С. 641].

С подобной точки зрения, царской политике, буржуазной по своей сути, оставалось только культивировать национальную вражду, которую питал великодержавный шовинизм. Судьба творчества Шевченко в Российской империи играла на руку советской пропаганде. В 1914 г., в год празднования 100-летнего юбилея украинского поэта, царское правительство отменило все готовящиеся торжества, а также запретило служить панихиды в день смерти Шевченко.

Ход кампании против памяти Шевченко можно восстановить по материалам ежедневной московской газеты «Русское слово» (1895–1918). В конце января и в начале февраля 1914 г. на страницах газеты отмечалось, что «программа празднования юбилея Шевченко в Киеве значительно урезана» [17. 2 февраля 1914 г. С. 3], в Киеве «из намеченной программы празднования юбилея в театре вычеркнуты многие стихи, песни и слова Шевченко, как не разрешенные драматической цензурой» [17. 31 января 1914 г. С. 4]. Однако в начале февраля подготовка к торжествам в Киеве и других малороссийских городах еще велась, продолжался конкурс проектов на лучший памятник поэту; в Умани, по сообщениям «Русского слова», «городская дума постановила ознаменовать юбилей торжественным спектаклем в городском театре, переименовать Старую улицу в Шевченковскую, поставить в городском сквере бюст поэта и учредить стипендию его имени» [17. 31 января 1914 г. С. 4]. В феврале 1914 г. киевский городской голова И.Н. Дьяков (1865–1934) был вызван в столицу, «[...] в Петербурге было высказано, что шевченковские торжества превратятся в украинофильскую демонстрацию, поэтому лучше никаких торжеств не устраивать. Дьякову было указано в министерстве внутренних дел, что сама постановка памятника Шевченко в Киеве является нежелательной. Ввиду Высочайшего разрешения, постановка его, конечно, запрещена не будет. Но его открытие, возможно, будет отсрочено» [17. 3 февраля 1914 г. С. 4]. После распоряжения об отмене торжеств, данного из столицы, в течение нескольких дней все губернаторы и градоначальники получили циркуляр, в котором значилось, что «министерство рекомендует губернаторам и градоначальникам воспрещать публичные чествования “малороссийского писателя Шевченко”, не разрешать наименования его именем учебных заведений и улиц, учреждения стипендий, а также сборов пожертвований на образование фонда имени поэта, независимо от того, на какие надобности предназначаются собранные деньги. Кроме того, циркуляром предусматривается, что открытие памятников и бюстов не должно носить характера публичного торжества. В заключение министерство рекомендует всякие собрания, связанные с именем Шевченко, не разрешать» [17. 6 февраля 1914 г. С. 4].

Однако эти меры лишь привлекли внимание общества к юбилею Шевченко: на заседании Государственной думы в конце февраля 1914 г. звучали речи депутатов в защиту памяти украинского поэта (выступили основатель «Партии народной свободы» Ф.И. Родичев (1854–1933), член Государственной думы от Подольской губернии К.Н. Рудич (священник, 1875–после 1917), депутаты фракции социал-демократов.

В дни памяти Шевченко (25, 26 и 27 февраля 1914 г.) в Киеве начались демонстрации, манифестанты вышли на улицы города с требованием отслужить панихиду по Шевченко в Софийском соборе. В ответ так называемым мазепинцам (сепаратистам, украинофилам, желавшим чествовать Шевченко) киевская патриотическая черносотенная организация «Двуглавый Орел» (1907–1917) во главе с председателем общества студентом В.С. Голубевым (1891–1914) устроила марш по Крещатику, после чего на одной из центральных площадей Киева участниками контрдемонстрации был сожжен портрет Шевченко.

Об этих событиях высказался Ленин в статье «К вопросу о национальной политике», которая часто цитировалась в юбилейных изданиях 1939 г.: «Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации представить себе нельзя» (цит. по [9. С. 13]).

Слова Ленина послужили поводом для многочисленных спекуляций на тему царской национальной политики, великодержавной и шовинистической, которой противопоставлялось сталинское решение национального вопроса в СССР, отличное от национализма во всех его радикальных формах: в равной степени от сепаратистских требований «мазепинцев» и установок черносотенцев. На юби-

лейном шевченковском Пленуме правления Союза писателей звучали следующие слова академика А.Е. Корнейчука: «Только большевистская партия, возглавляемая великими гениями революции Лениным и Сталиным, защищала Шевченко от черносотенцев, националистов, от тех, кто старался сфальсифицировать и уничтожить поэтическое наследие великого кобзаря» [18. С. 34].

Намеренное искажение творчества Шевченко как стратегический маневр, которым пользовалась старая власть для порабощения братских народов, систематическая фальсификация знаний о жизненном пути великого кобзаря стали шаблонами в юбилейных изданиях 1939 г.; они легли в основу широкомасштабной государственной кампании по возвращению настоящего Шевченко советским народам. Авторы одной из работ, удостоенной звания лучшей биографии Т.Г. Шевченко по результатам закрытого конкурса, проведенного в юбилейный год Гослитиздатом УССР и редакцией «Литературной газеты», писали о спасении имени украинского поэта от клеветы со стороны врагов следующим образом: «Подлые враги народа, буржуазные националисты, троцкисты, бухаринцы и прочая шпионская мразь систематически фальсифицировали, искажали творчество Шевченко, стремились воздвигнуть стену между поэтом и советским народом. Но враги просчитались. Их предательский маневр не удался – имя Шевченко всегда было и останется дорогим народам Советского Союза» [19. С. 59].

Пышные юбилеи писателей, всесоюзное празднование которых началось с 1937 г., ознаменовавшегося 100-летием со дня смерти А.С. Пушкина, оказывались важным тактическим шагом для управления литературным процессом, фундаментом которого стала идея братства советских народов, что, в свою очередь, означало и идейное родство писателей, представлявших национальную литературу каждой из союзных республик.

Понимание советской литературы как особой писательской семьи, применение к ней «семейного словаря» – дети, внуки, братья объединило произведения, созданные в разное время на разных языках, в непрерывный литературный процесс, который оказался национальным, как это диктовал сталинский лозунг, лишь по своей форме (а точнее – языку), но социалистическим по содержанию.

Юбилейные торжества становились обязательными для принятия национального гения в советскую литературную семью. В 1937 г. состоялся не только Пушкин, но и грузинский поэт Шота Руставели; в 1938 г. состоялся юбилейный Пленум Союза писателей в честь 75-летия литературной деятельности казахского поэта Джамбула; 1939 г. ознаменовался 1000-летним юбилеем армянского эпоса «Давид Сасунский» и 125-летием со дня рождения Шевченко.

Постоянное повторение этой цепочки имен становилось особенным ритуалом в дни юбилейных торжеств, ее воспроизводили повсеместно: в газетных статьях, предисловиях к изданиям, памятках для учителей и библиотекарей. Например, текст предисловия к одному из юбилейных сборников стихотворений Шевченко повторяет эту ритуальную формулу: «Культурные ценности каждого народа становятся гордостью всех народов. Все трудящиеся нашей страны отметили юбилей гениального русского поэта А.С. Пушкина. Юбилей великого грузинского поэта Шота Руставели, написавшего 750 лет назад бессмертную поэму “Витязь в тигровой шкуре”, превратился в настоящий праздник советской культуры. Страна отметила юбилей Джамбула, любимого советского поэта. 9 марта 1939 г. трудящиеся СССР отмечают 125-летие со дня рождения Т.Г. Шевченко» [20. С. 6].

В таком контексте широкое празднование 125-й годовщины не кажется случайностью; эта символическая дата приобщала украинского национального гения к новому литературному братству и делала его творчество достоянием всех народов советских республик. Имя Шевченко с 1939 г. переставало быть синонимом украинского национализма, с которым оно ассоциировалось как в дореволюционной России, где празднования 100-летнего юбилея поэта были запрещены царским

правительством, так и в период коренизации-украинизации, предшествовавший эпохе литературных юбилеев.

Приметы того, что курс на советское литературное братство является единственно верным, читатель 1930-х годов искал не только в речах Сталина и партийной верхушки, но и в творчестве писателей, чьи юбилеи праздновались все-союзно. Идеология успешно внедрялась в произведения, написанные задолго до событий октября, прочитывалась между строк Пушкина, Руставели, Шевченко, лирика которого становилась прекрасным материалом для многочисленных спекуляций на тему реализации мечты поэта о счастливой жизни в новой братской семье, без панов и господ. Не случайно центральным стихотворением Шевченко в 1939 г. стало «Завещание» (1845 г., «Заповіт»), растрогарованное на страницах советских газет и журналов, в основном в переводе А.Т. Твардовского⁶. Сам текст «Завещания» легитимировал советскую идеологическую установку о великой семье братских писателей⁷:

И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте – помяните
Добрым, тихим словом [22. С. 345]

Это произведение делало Шевченко пророком, мечтавшим не только разорвать цепи рабства, но и войти в новую, великую и вольную семью народов, которую удалось создать советскому обществу во главе с товарищем Сталиным.

В юбилейных изданиях биографического характера текст знаменитого «Завещания» перефразировался советским идеологическим языком, что лишь подчеркивало его пророческое звучание: «В великой, новой, многонациональной семье, семье всех освобожденных братских народов нашей родины (И меня в семье великой / В семье вольной, новой [...]. – Е. К.) , мы вспоминаем поэта пламенным словом любви и уважения (Не забудьте – помяните / Добрым, тихим словом [...]. – Е. К.)» [23. С. 47].

Конструирование советского литературного процесса 1930-х годов делало возможным объединить разрозненные литературные факты прошлого в единый ход событий, имеющий начало и логический конец; советские лозунги находили отголоски в произведениях прошлого, и это постоянное «угадывание» идеологических установок в текстах классиков позволяло думать, что эволюция единого литературного процесса, движущегося к высшей точке своего развития – советской литературе, существует.

«Завещание» Шевченко само по себе, без идеологических поправок и цензурных ремарок, позволяло говорить о наличии досоветской литературы, выражавшей надежды и чаяния народа на освобождение от гнета, и литературы нового советского общества, созданного благодарными и счастливыми потомками Пушкина, Руставели, Шевченко и т.д. Эта идея о свободном и счастливом будущем, в котором слово поэта непременно вспомнят, прослеживается в самых разных текстах, написанных к 125-й годовщине со дня рождения Шевченко: поэтических посвящениях, эссе, биографических статьях. Установка на преемственность

⁶ Перевод Твардовского был впервые опубликован в газете «Красный флот» (1939. 6 марта. С. 1) и журнале «Молодая гвардия» (1939. № 1. С. 115). В 1939 г. было создано более десяти переложений «Завещания» на русский язык: А. Безыменский («Молодая гвардия. 1939. № 1. С. 112), В. Клоева («Молодая гвардия». 1939. № 1. С. 113), В. Россельс («Молодая гвардия». 1939. № 1. С. 114), Н. Тихонов («Молодая гвардия». 1939. № 1. С. 116; «Дружба народов». 1939. Кн. 1. С. 11–12; «Комсомольская правда». 1939. 17 февраля. № 39; «Известия». 1939. 6 марта. № 53; «30 дней». 1939. № 3. С. 70), Я. Хелемский («Пионер Донбасса». 1939. 8 марта), А. Рывина («Костер». 1939. № 3. С. 39), Т. Щепкина-Куперник («Звезда». 1939. № 3. С. 9), Б. Коковкин («Краснофлотец». 1939. № 4. С. 8), А. Гарнакерян (*Шевченко Т.Г.* Кобзарь. Избранные стихотворения. Ростов-на-Дону, 1939. С. 100–101), Н. Алексеев [7. С. 63–64].

⁷ Апофеозом любви именно к этому произведению Шевченко стала книга [21]. В ней собраны все существующие переложения «Завещания» на более чем сотню языков.

революционных идеалов, прочтение стихотворений как пророчеств о светлом советском будущем выражена в телеграмме, посланной членами юбилейного Пленума Союза советских писателей Н.С. Хрущеву: «Он, вещий баян XIX в., смело заглянул в светлое будущее, о котором веками мечтали не только крепостные на обоих берегах ревущего Днепра, но и на берегах широкой Волги, в горных долинах Кавказа, в жгучих пустынях Средней Азии, в лесных топях Белоруссии. Все народы Социалистических Республик послали нас, писателей, в цветущую Украину возложить венок на высокую могилу Тараса, венок кристально чистых и радостных песен» [24. С. 51].

Тексты этих «радостных песен», написанных советскими писателями в знак благодарности Шевченко к его 125-летию, имели, как правило, схожую структуру: начиналось такое стихотворное подношение описанием тяжелого жизненного пути Тараса, на котором к нему присоединяется один из ныне живущих или давно почивших писателей союзных республик. Завершается поэтическое шествие описанием картин светлого будущего освобожденных народов, где потомки Шевченко свободно поют его песни и «поминают добрым, тихим словом». Таковы, например, два стихотворения, напечатанные к юбилею украинского гения в советских газетах 9 марта 1939 г. Первое принадлежит перу киргизского поэта Кубанычбека Маликова, второе – казахскому поэту Джамбулу.

**Кубанычбек Маликов
«Разговор с Тарасом Шевченко»**

Джамбул «Тарасу»

Там, где шел ты, Шевченко, в путь,
Вдалеке от станиц и сел,

По кровавым твоим следам
Токдогул с Алатоо шел.
Может быть, там, где ты лежал,
Ночью он примыкал к земле,
Может быть, что твоя звезда
Освещала его во мгле,
Он, наверное, воду пил
Ту, что ты на ладони брал...
Пусть по-разному пели вы, –
Пели вы об одной борьбе.

Может быть, потому теперь
Для счастливых его внучат
Гордо песни твои в горах,
Как любимый напев, звучат
[25. 9 марта 1939. С. 3]⁸.

Вместе с тобою, товарищ желанный,
С песнею острой, как меч восьмигранный,
Старый Джамбул по степям проходил,
Старый Джамбул свою месть пронесил,
Старый Джамбул, не пугаясь, разил
Баев и ханов, князей и царей –
Наших, Тарас, вековых палачей.
Шел я с тобою дорогой одной,
Шел я с тобой. Мы друг друга узнали.
Шли мы – два брата – и молча слагали
Песню свою на родных языках.

Все, что лелеял ты, все, что искал,
Я на любимой земле увидал.
Солнце в лазури. Счастливый народ.
Землю, что стала как пышный снот
[26. 9 марта 1939. С. 2]⁹.

Путь Тараса, общий для всех

Песни об одном,
но на разных языках

Счастливое будущее, ставшее настоящим

Разительное сходство двух юбилейных посвящений Шевченко, появившихся на страницах газет в один день, предлагает задуматься об их авторстве. Во вступительной статье к сборнику «Джамбул Джабаев: Приключения казахского акына в советской стране» К.А. Богданов предположил, что автором русскоязычных текстов Джамбула был не кто иной как переводчик первого поэта Казахстана Павел Кузнецов, которому принадлежит и переложение юбилейного подношения Джамбула украинскому классику – стихотворение «Тарасу»: «Вопрос о том, в какой степени русскоязычные тексты Джамбула соответствуют их оригиналам – за подавляющим отсутствием аутентичных записей устных импровизаций акына, – остается открытым, но в целом русскоязычные “переводы” из Джамбула правильнее считать авторскими творениями его переводчиков» [27. С. 11].

⁸ Перевод с киргизского В. Винникова.

⁹ Перевод с казахского Павла Кузнецова.

Вероятнее всего, оба литературных посвящения Тарасу Шевченко от лица поэтов братских республик являлись мистификацией, которая работала на укрепление идеи братства писателей, ставших достоянием всего советского общества.

Стихотворение «Завещание» настолько хорошо вписывалось в советскую юбилейную риторiku, что в 1939 г. на его тему было написано несколько музыкальных произведений: симфоническая поэма Рейнгольда Глиера «Заповит» (памяти Т.Г. Шевченко, 1939–1941), 3 сцена IV акта оперы «Семен Котко» С.С. Прокофьева (написана в 1939 г., первая постановка – 1940 г.).

Одна из основных черт новой братской семьи писателей, сложившейся в конце 1930-х годов, – это ориентация на русское национальное гения А.С. Пушкина, чествование которого открыло юбилейную эпоху. Попытка сделать Шевченко равноправным русскому поэту, доказать, что в советской стране нет привилегированных национальных литератур и народов, проявляется, прежде всего, в настойчивом упоминании имени Пушкина рядом с именем украинского поэта, что заметно не только в печатных текстах, но и в других видах художественного творчества. Имена двух поэтов поставлены рядом, в частности, в монологе героя из киноленты «Щорс» (1939 г., реж. А.П. Довженко), умирающего после кровопролитного боя: «Прощай Росіє і Україно! Як умру, то поховайте мене коло Пушкіна. Кажут, великий поет був, коли його пам'ятника у Житомирі на бульварі. Чуєте? Чуємо! Заспівайте над могилою Заповіт Шевченка. Теж великий поет був. Слухайте Миколу Щорса!».

Я привожу здесь текст на языке оригинала для того, чтобы подчеркнуть художественный прием, связавший имена Пушкина и Шевченко. Стихотворение «Заповіт» (знаменитое «Завещание»), начинается строкой: «Як умру, то поховайте...». В предсмертном монологе герой просит словами Шевченко похоронить его рядом с Пушкиным. Слова эти, безусловно, имеют мало общего с реальностью (сложно предположить, что одного из товарищей Щорса похоронили бы на центральной площади Житомира), но выражают более важную для культуры 1930-х годов реальность – идеологическую: знакомые начальные строки «Завещания» прочитываются как желание самого Шевченко быть погребенным рядом с Пушкиным.

В. Суходольский, автор пьесы «Юность Тараса» [28], которая предназначалась для постановки в юбилейный год, вложил в уста Тараса стихотворение Пушкина «Пророк». По сюжету пьесы на одном из благородных собраний в Петербурге украинского поэта просят прочитать новые стихотворения, и Шевченко начал свое импровизированное выступление чтением «Пророка», при этом мало кто из гостей заметил подмену. Все эти примеры показывают, насколько важной была демонстрация связи украинского поэта с Пушкиным, вместе с которой утверждалось единство советского литературного процесса.

Празднование 125-летнего юбилея Шевченко в советской стране являлось примером воплощения в жизнь сталинской национальной политики, которая сама по себе содержала немало странностей и противоречий. Утверждение национальной литературы в 1930-е годы сопровождалось стиранием какой-либо национальной самобытности; оставалось лишь пустое номинативное указание на национальную принадлежность писателя (Шевченко – украинский гений, Пушкин – русский гений, Руставели – грузинский и т.д.), содержательная сторона творчества полностью узурпировалась советской идеологией. Не являясь более достоянием одного народа, национальные писатели вливались в общий поток советской литературы, который не имел более ни временной, ни территориальной соотнесенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вечерний Тбилиси.
2. Кобзарь. Избранные произведения: 1838–1861. Саранск, 1939.
3. Чуковский К. Дневник: 1901–1969. М., 2003. Т. 1.

4. Шевченко Т. Кобзарь. Л., 1934.
5. Доклад Корнея Чуковского // VI Пленум правления Союза советских писателей СССР, посвященный 125-летию со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко. Киев, 1939. Бюллетень 3.
6. Шевченко: избранные произведения / Под. ред. К. И. Чуковского. М.; Л., 1939.
7. Чуковский К.И. Собрание сочинений: в 15-и т. М., 2001. Т. 3: Высокое искусство.
8. Шевченко Т.Г. Стихотворения: В переводах русских поэтов. Л., 1939.
9. Шевченко Т.Г. Стихи: В переводах сибирских поэтов. Новосибирск, 1939.
10. Шевченко Т.Г. Кобзарь: Избр. Стихотворения / Пер. А.П. Колтоновского. Л., М., 1933.
11. Борисенко Е.Ю. Феномен советской украинизации: 1920–1930-е гг. М., 2006.
12. Сталин И.В. Статьи и речи об Украине. Киев, 1936.
13. Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду партии «О работе ЦК ВКП(Б)» 26 января 1934 г. // Сталин И.В. Сочинения: в 13-и т. М., 1951. Т. 13.
14. Чуковский К.И. Высокое искусство. М., 1964.
15. XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1930 г.
16. Нусинов И. Национальная литература // Литературная энциклопедия: В 11-и т. М., 1929–1939. М., 1934. Т. 7.
17. Русское слово.
18. Корнейчук А.Е. Доклад на VI Пленуме правления Союза советских писателей // VI Пленум правления Союза советских писателей СССР, посвященный 125-летию со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко. Киев, 1939. Бюллетень 1.
19. Времева Т., Иоффе Е. Тарас Шевченко: Биографический очерк. Киев, 1939.
20. Т.Г. Шевченко (к 125-летию со дня рождения). Биографический очерк, избранные стихи / Предисл. Н.И. Альтман. Петрозаводск, 1939.
21. Шевченко Т. «Заповіт» мовами народів світу / Упоряд. Б.В. Хоменко; Вступ. ст. Б.В. Хоменка; ред. тому А.О. Білецький. Київ, 1989.
22. Твардовский А.Т. Собрание сочинений: В 6-и т. М., 1976. Т. 1.
23. Альтман П. Т.Г. Шевченко: Биографический очерк. Сыктывкар, 1939.
24. Телеграмма Н.С. Хрущеву // VI Пленум правления Союза советских писателей СССР, посвященный 125-летию со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко. Киев, 1939. Бюллетень 1.
25. Советская Киргизия.
26. Казахстанская правда.
27. Богданов К.А. Джамбул и литературные юбиляры 30-х годов: Эпическая история // Джамбул Джабаев: Приключения казахского акына в советской стране. М., 2013.
28. Суходольский В. Юность Тараса. М., 1939.

© 2016 г. Г.Я. ИЛЬИНА

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СОВРЕМЕННОЙ ХОРВАТСКОЙ ПРОЗЕ (ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ТЕМЫ)

Начиная с момента своего возникновения в годы сопротивления фашистской агрессии, на протяжении второй половины XX и пятнадцати лет XXI в. тема Второй мировой войны в хорватской прозе прошла существенную эволюцию. От жесткой идеологизации и мифологизации, от черно-белой техники изображения она пришла к эстетическому многообразию, отказу от революционной шкалы оценок, от абстрактного гуманизма к истинному его пониманию как первостепенной ценности человеческой жизни, а общей истории как суммы многочисленных человеческих судеб.

Since its inception in the period of the Nazi aggression's Resistance, during the second half of the 20th and fifteen years of the 21th century the theme of the Second World War in the Croatian prose has passed a significant evolution. It has rejected the rigid ideologization and mythologization, the black-and-white images, and moved towards the aesthetic diversity, towards the true understanding of the humanism as recognition of the primary value of the human life, and the history as a sum of many human fates.

Ключевые слова: военная тема, революционная этика, нравственный выбор, гуманизм, культурная память.

Keywords: theme of war, revolutionary ethics, moral choice, humanism, cultural memory.

Тема Второй мировой войны возникла в хорватской прозе (как, впрочем, и в других югославских литературах) в годы войны в лагере Сопротивления фашистской агрессии. Шла непримиримая война с оккупантами и их приспешниками, жестокая гражданская война. Важным обстоятельством было и то, что уже в ходе народно-освободительной борьбы, возглавившая ее коммунистическая партия Югославии, придерживаясь советской модели, начала решительное воплощение социальной революции. Возникавшая в партизанских отрядах и на освобожденной территории литература сознавала себя участницей антифашистской борьбы и социальной революции и видела свою основную миссию в поднятии боевого духа, в идейном воспитании будущих преобразователей мира. Этим прежде всего определялась ее содержательная направленность и художественная специфика. Хотя среди писателей-партизан оказались люди разных мировоззрений (коммунисты, либералы, христианские демократы, сторонники крестьянской партии) и представители разных эстетических школ (импрессионисты, сюрреалисты, социальные писатели, реалисты), они добровольно подчинились строгим требованиям военного времени. Резкое выделение идеологических оценок, установка на массово-

Ильина Галина Яковлевна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

го читателя и слушателя рождали ясность и простоту изложения, сознательный отказ от метафорической усложненности, программное использование знакомых фольклорных и литературных образов, а стремление зафиксировать то, чему писатели оказались свидетелями, обусловило два основных ее качества: опору на факт, событие и одновременно открытое выражение авторских чувств. В результате возникал сплав внешней суровости, аскетизма изобразительных средств с романтической экспрессивностью и идеализацией. В преобладавших в прозе малых жанрах – очерке, рассказе, репортаже превалировала событийность, герой ставился в предопределенную ситуацию, а его поведение подтверждало сложившиеся представления о социальном и политическом типе данного персонажа: герою-партизану противостоит враг в лице немца, усташа, четника, строгому, но справедливому командиру-коммунисту – трус – городской интеллигент. Получает распространение и традиция фольклорного эпического сказительства, очень ярко проявившаяся, например, в рассказах Ивана Дончевича, объединенных им в сборнике «Безымянные» (1945), или в рассказах и очерках Владимира Назора («Илья Муромец приходит», 1944, «Подземная Босния», фрагмент дневника «С партизанами 1943–1945», 1945). В произведениях последнего особенно ярко проявились «легендаризация» положительных героев, придание исторического масштаба даже самым рядовым событиям, преобладание мифических и притчевых мотивов, возрождавших стиль, свойственный раннему творчеству писателя.

Та же линия была продолжена в первые послевоенные годы, время господства социальной литературы, подкрепленной советской концепцией социалистического реализма. Основной в творчестве писателей, преимущественно участников партизанской борьбы, оставалась тема народно-освободительного движения, его идеологизация и мифологизация, сохранялась и черно-белая техника изображения. Таковыми, кроме упомянутого сборника И. Дончевича, были первые увидевшие свет в новой Югославии рассказы Й. Барковича «За первой линией», Й. Хорвата «За победу», В. Калеба «Бригада» и А. Стипетича «На границе». Сходны были общий идеологический и эмоциональный настрой произведений. В них присутствовала та же четкая биполярность персонажей: «свой» – «чужой», их прямолинейная социально-дидактическая оценка и морализаторское заключение. Изображаемый характер, при всей его реальности, а иногда документальности, нередко превращался в характер-символ, в романтическую метафору. Однако уже с 1950-х, а в наибольшей степени с 1960-х годов, в освещении этой темы намечаются существенные изменения, связанные с эстетической перестройкой, начавшейся в стране после разрыва в 1948–1949 гг. отношений Югославии с СССР. За официальным отказом от социалистического реализма как единственно возможного метода художественного творчества и открытием границ культурного общения с зарубежными странами следует постепенное расширение эстетического (но не идеологического) поля, реабилитация еще недавно запрещенного собственного художественного наследия (модернизма и авангардизма), а также подвергшихся репрессиям писателей. Все это не могло не привести к эстетическому плюрализму. Пожалуй, медленней всего эстетические изменения проникали в произведения с военной тематикой, в которых высокие идеалы борьбы оставались для писателей точкой отсчета, но и в них становится глубже взгляд, шире подход, многомернее видение. Чувствуется стремление отойти от узости аксеологической модели социального реализма и расширить границы реалистического искусства. Все больше внимание обращается на сложности внутри самого освободительного движения, на проблемы не только в сфере классовых, социальных, политических, но и личностных отношений, на психологическую мотивированность поведения персонажей. В произведениях, например, Ю. Франичевича-Плочара, Й. Барковича и В. Калеба раскрывается не только величие антифашистского сопротивления, но и трагедия войны, авторы опираются на гуманистические ценности, хотя пока они и связываются прежде всего с идеями революции. В них, как

отмечает хорватский литературовед К. Немец, «уже присутствует драматизация человеческой судьбы» [1. С. 63]. Реалистическое письмо этих писателей обогащается новыми художественными ракурсами, становится убедительнее изображение неоднородности характеров героев.

Переломным о Второй мировой войне стал небольшой по объему роман В. Калеба «Прелесть пыли» (1954). Писатель видит проявление героизма не в одномоментном подвиге, а в осознанном выборе, в силе воли и мужестве преодоления трудностей во имя поставленной цели. Конкретное передвижение двух партизан, невзирая на голод, холод, предательство, идущих с боями на соединение со своими товарищами, автор превращает в экзистенциальную максиму вечного и всеобщего движения: «Идут люди по всему свету, по морям, по горам, по пустыням, родившись затем, чтобы идти к далекой высокой цели, которая ждет, ждет...» [2. С. 385–386]. Так в освещение и военной темы проникает влияние европейского литературного экзистенциализма, которое было уже ощутимо в других тематических сферах хорватской прозы.

Намеченная Калебом линия в изображении Второй мировой войны получила дальнейшее развитие в 1960–1970-е годы в творчестве тех же Ю. Франичевича-Плочара («Мир», 1971), М. Божича («Колоннелло», 1975, «Бомба», 1976). Эти писатели существенно меняют ракурс рассмотрения остающейся для них основной темы антифашистской борьбы. Конфликт, построенный на типичном для этой темы противостоянии двух враждебных идеологий, победа одной из которых была запрограммирована идейными установками авторов, дополняется экзистенциальными проблемами выбора и личной ответственности человека перед самим собой. Теперь революционная этика сближается с эстетикой, она соотносится с общечеловеческими нормами, акцент переносится на морально-психологическую доминанту, что, в свою очередь, ведет к трансформации столь важного понятия, как героизм, который в произведениях этих писателей, как и у Калеба, предстает как повседневное, мужественное преодоление самого себя в тяжелейших условиях партизанского быта. Сюжеты своих произведений писатели конструируют таким образом, чтобы донести до читателя этический императив антифашистской борьбы. Например, в небольшом романе М. Божича «Колоннелло» разыгрывается такая коллизия: в качестве выкупа за взятого в плен партизаном итальянского полковника, к тому же друга Муссолини, партизанам отправлены пять грузовиков с продовольствием и снаряжением. Но по дороге к месту встречи партизаны потеряли полковника, и тогда командир отряда принимает решение отказаться от присланного груза. Его поступок продиктован не только стремлением сдержать данное даже врагу слово, сколько ради самих себя, ибо «сегодня за мешок люди назовут тебя богом. А завтра грабителем! Сегодня будут кричать: “Да здравствует!”, а завтра: “Распни его!” Пусть сегодня кричат: “Распни его!”, а завтра: “Да здравствует!”, потому что победа нужна завтра». Понимая, что подобный эпизод «это чудесная волшебная сказка», писатель рассказывает о нем, чтобы напомнить об утрачиваемых его современниками нравственных идеалах антифашистской борьбы. Будучи убежденными коммунистами, названные авторы стремились в своих произведениях отстоять «чистый социализм», за который они и их товарищи боролись в годы войны, возродить, хотя бы в памяти, душевную красоту и бескорыстие этих людей. Безусловно оставаясь одним из важных документов политической борьбы своего времени, такая литература из-за своей идеологической заданности была однако не способна раскрыть всю правду о войне, ее сложностях, о межнациональных и межрегиональных конфликтах, о хорватском профашистском государстве и гражданской войне, что шла и на территории Хорватии и оставила ей тяжелое наследство, которое не раз давало о себе знать в послевоенные годы. В силу внелитературных факторов эти аспекты военной темы долго были под запретом, поэтому, не находя в хорватской литера-

туре прямого выражения, уходили в ретроспекцию или в подтекст, составляя при этом очень важную часть внутренней жизни героев.

После возникновения в 1991 г. Независимой Хорватской Республики в условиях разразившейся войны 1991–1995 гг., породившей обострение националистических взглядов и подчиненную злобе дню переоценку отечественной политической и культурной истории XX в., трудно было говорить об объективности взглядов на Вторую мировую войну и социалистический период. Ситуация несколько начала меняться во второй половине 1990-х годов и в большей степени в 2000-е. Возникновение новых государственных, политических и социальных основ в хорватском государстве привели к существенной трансформации не только идеологических оценок, но и изменению парадигмы художественной системы. Происходит тематическое переструктурирование прозы, ее поворот к социальному миметизму, документализму и автобиографическому свидетельствованию. Со второй половины 1990-х годов при сохранении постмодернизма все более важные позиции завоевывают реалистически-натуралистические традиции, и на их основе возникает так называемая проза действительности или «реальная проза». В 2000-е годы постепенно набирает силу переживший в конце прошлого века кризис роман. Именно в этом жанре раздвигаются проблемно-тематические и художественные границы литературы XXI в. Проза обращается к острейшим общественным вопросам, охватывая многие периоды хорватской истории на протяжении всего прошлого века, в том числе и время Второй мировой войны, хотя как самостоятельная тема она выступает редко. Чаще всего она является звеном, но решающим звеном, в цепи исторических событий от Балканских войн, двух мировых войн и социалистического строительства вплоть до войны 1990-х годов, названной в Хорватии Отечественной, и постсоциалистической действительности. Существенно то, что радикально меняется само освещение этой темы. В центре внимания авторов оказывается не противостояние идеологий (хотя и оно присутствует), а многообразие частных человеческих судеб в исторически переломные эпохи. Находившаяся раньше на периферии сфера повседневного быта обыкновенного человека выходит из тени, интерес переключается на жизнь во всех ее проявлениях, на то, как существовали люди разных взглядов и верований на оккупированных территориях и в Независимом Хорватском государстве, где работали, как вели себя в экстремальных и нейтральных ситуациях, каковы были взаимоотношения в семье и с окружающим миром. А через все это высвечивалась эпоха в целом. Большинство населения придерживалось нейтральных позиций по отношению к существующему режиму, оно просто выживало, не зная, или делая вид, что не знает, о том, что творится вокруг: почему исчезают соседи евреи или сербы, или те, кто что-то не то сказал. Но наряду с нейтралами далеко не редкостью было появление даже в одной семье антифашистов-подпольщиков, сочувствующих им и полицаев или усташей. Поэтому часто основу сюжета составляла мозаика множества микроисторий, биографий отдельных людей, будь то палачи или их жертвы, герои или подлецы, активные борцы или нейтралы. С разной степенью подробности освещалось их прошлое, родовые корни семей, социальная и национальная принадлежность и поведение в военное время и в настоящем. А из этих частных историй слагалась всеобщая история, вырисовывалось многовекторное ее движения. Проиллюстрирую это тремя романами, написанными уже в XXI в. значительными писателями разных литературных поколений и получившими признание у себя на родине и за ее пределами.

Жанр романа Даши Дрндич «Sonnenschein» («Солнечный свет»), в переводах на другие языки получил название «Триест», по месту действия (произведения) самим автором определен как документальный. Это беспощадная книга о Холокосте, на, казалось бы, ограниченной территории итало-словенской границы между Триестом, Горизией и Ново-Горицей, содержит глубокий обобщенный смысл. Не случайно вышедшая в Загребе в 2007 г. она в том же году получила

две национальные премии, а, переведенная на многие языки, в 2013 г. была отмечена международной наградой за лучшее, по мнению читателей, иностранное беллетристическое произведение («Индепендент»). Суть романа прекрасно выражает предпосланный ему эпитафия из Л.Х. Борхеса: «Довольно одного мгновения, чтобы раскрыть тайну жизни, но ключ всех тайн лежит лишь в Истории, в том вечном и превосходном повторении того, что называется ужас» [3. S. 5]. С этим суждением Борхеса перекликаются размышления героини романа: «Моя история, – думает она, – всего лишь небольшой рассказ, маленькая частица бесчисленного числа рассказов о встречах, о сохранившихся следах человеческих отношений»; она знает это, как знает она и то, что «пока все подобные рассказы мира не сложатся в огромный космический пэчворк, который опояшет Землю, чтобы Земля могла уснуть, история, этот призрак действительности, и дальше будет распарывать стежки, крошить Вселенную на кусочки, красть их и вшивать в собственный саван» [3. S. 8]. Писательница в своем романе создает коллаж из многочисленных микроисторий жертв и палачей, а также тех, чья жизнь прошла в незнании, ошибочном знании или позднем знании происходящего вокруг, как это случилось с героиней романа Хайей Тедешы. Еврейка католического вероисповедания, поэтому избежавшая трагедии, постигшей других представителей ее народа, она влюбляется в эсесовского офицера Франца Курта и безмятежно проводит с ним время. Только в 1970-е годы она узнает, что ее возлюбленный был комендантом концентрационного лагеря в Треблинке и до закрытия лагеря «убивал время, убивая людей» (на его совести 139 лагерников и не менее 300 тысяч евреев), затем с 1943 г., переведенный в Триест, он продолжает и там убивать партизан и евреев. За свои преступления он был осужден на пожизненное заключение, но в 1993 г. был выпущен по болезни и в 1998 г. умер в доме для престарелых. Родившегося у героини в 1944 г. сына крадут и, как и других детей, рожденных от немецких офицеров и неарийских матерей, отправляют в созданные по проекту Гимлера детские дома, названные им Lebensborn (в переводе: источник жизни). Путем германизации таких детей автор проекта намеривался решить усугубившиеся в военное время демографические проблемы. Среди них, по его словам, могли быть и «расово качественные», их-то и предстояло «изыять из своей среды, если надо, то и силой и кражей, чтобы присвоить себе хорошую кровь [...] или эту кровь уничтожить» [3. S. 434]. Прошедших тщательную антропологическую проверку детей отдавали на усыновление в немецкие семьи. Так, Антонио Тедешы получил имя Ханс Траубе. Тайну усыновления хранили нацистские власти, после войны власти ГДР и Международный Красный крест в Швейцарии, и лишь в 2000-е годы, когда стали открываться архивы, обнажился масштаб преступления: пропавших детей из Польши, Украины, Словении, Италии и других стран было более 250 тыс., а нашедших свои семьи только 50 тыс. Все это время – 62 года – Хайя Тедешы ищет своего украденного сына, а только в 1998 г., после того, как, умирая, приемная мать мальчика открывает ему, что он не родной ее сын, к поискам своей семьи подключается и он. Они приводят его в 2006 г. в Горицу. Во время восьмилетних поисков Ханс Траубе знакомится с многими историями похищенных, усыновленных или оставшихся в детских домах детей. На этом фоне его собственная история выглядит относительно благополучной, так как его усыновители были добрыми и нежными родителями. После войны они отказались от симпатий к нацизму, с пониманием отнеслись к его антифашистским взглядам (он фотокорреспондент в левых изданиях) и женитьбе на еврейке. Он их любит и не собирается от них отказываться. Но когда, признается герой, в его жизнь вошли эсесовец-отец и еврейка-мать, которая развлекалась с ним, когда из ее города увозили в лагеря ее соседей, он «пережил огромное потрясение и боль» [3. S. 443]. Уже будучи 62-летним человеком, он хочет восстановить свою биографию, каковой бы она ни оказалась, и рассказать своим детям и внукам, что в их

генах есть гены эсесовца, военного преступника и гены еврейки, «он должен им это рассказать и пусть разберутся с этим сами» [3. S. 431].

Создавая свою книгу об «истории всеобщего бесчестья» [3. S. 476], Дрндич смело соединяет вымышленное реалистическое повествование с постмодернистским нанизыванием различных историй и с основательным документальным их подтверждением. Она приводит данные о деяниях отдельных персонажей, об их сотрудничестве с нацистским режимом, которое они хотели бы предать забвению, рассказывает о том, что в лагеря смерти до февраля 1945 г. из Триеста через Горицу в Аушвиц и Дахау было отправлено 40 тыс. итальянцев: 10 тыс. евреев, 30 тыс. партизан, антифашистов и схваченных после забастовок рабочих в 1944 г. Приводит свидетельства детей, продолжающих искать своих родителей. Самым потрясающим документом стал опубликованный в книге и занявший в ней почти 100 страниц список из 9 тыс. имен евреев, депортированных или убитых в Италии и на оккупированных ею землях с 1943 по 1945 г. Озаглавившая его фраза: «За каждым именем скрывается своя история», рефреном звучит на протяжении всей книги.

Роман Миленко Ерговича «Род» (2013)¹ построен как обширная семейная сага. Он охватывает более века (весь XX и начало XXI в.) и четыре поколения рода, ведущего начало от прадеда – немца Карла Штублера, выходца из Баната, переселившегося в Боснию, когда она стала территорией Австро-Венгрии, – а также его детей и внуков, вступавших в браки с хорватами и словенцами, друживших с сербами, боснийцами, евреями, немцами, чехами, русскими эмигрантами, до его правнука – автора книги. Этической основой этого многонационального дома, в котором до 1950-х гг. говорили на немецком языке (автор родился в 1966 г. и немецкого уже не знал), вне дома – на сербскохорватском, была этническая и религиозная толерантность.

Повествование Ерговича близко к нескончаемому боснийскому сказительству (а он прекрасный рассказчик), когда один сюжет перетекает в другой, не обязательно согласующийся с предыдущим хронологически или сюжетно. Сам Ергович поясняет: «Повествование о Штублерах я начал как роман, который можно было прервать в любой момент. То, что начато в одной главе, может никогда не быть продолжено. Но рассказанное имеет свой смысл и свой намеченный конец» [4. S. 276]. В охваченном в романе времени Вторая мировая война – важнейшая часть, будь то биография конкретного человека, социальной группы или описание пространства: города, улицы, здания. Чаще всего это его родной город – Сараево, который оживает в личных воспоминаниях писателя и его героев. Он стал для него во многом городом из сна, в нем продолжают жить уже ушедшие люди, старые дома (например оперный театр), а в названиях улиц – старых и новых – запечатлены имена не только известных архитекторов, писателей и общественных деятелей, но и «славных партизанских бойцов и командиров». При этом концентрическими кругами возвращаясь к исторически важным событиям или к ключевым моментам семейной саги, писатель заостряет внимание на определенных аспектах. Он рассказывает (или передает рассказы своей умирающей матери) о множестве людей в разное время так или иначе связанных с членами его семьи, близких или не очень, а то и совсем далеких или даже лично не знакомых, но живших в соответствующую эпоху и важных для ее понимания. «Когда писатель пишет об одних людях и их судьбе, – отмечает автор, – он связывает их с другими людьми, которых не знал и никогда не встречал, но они существуют в его произведении» [4. S. 99]. Таким ключевым был, например, эпизод, связанный с его прадедом в годы Второй мировой войны, когда он, используя свое положение фольксдойче, во время усташских погромов неоднократно спасал в своем доме

¹ В 2015 г. этот роман был удостоен международной премии Негоша, присуждаемой в Цетине авторам, пишущим на одном из южнославянских языков.

сербов, а они в 1945 г. в социалистической Югославии спасли его от депортации в Германию, в буквальном смысле слова вытащив из вагона. Не менее важны эпизоды военных лет из жизни его детей и внуков. Зять Карла, дед автора, словенец, оказывал помощь итальянским и словенским антифашистам, а его сын (дядя автора) по настоянию бабушки был отправлен в немецкую армию, где, как она считала, он был в большей безопасности, чем у партизан и усташей. Там он и погиб. Его боевые товарищи, как и он, начав войну в немецкой армии, закончили ее в партизанах, о чем мечтал и погибший дядя писателя. Другой его дядя, младший брат его матери, стал солдатом домобранской армии в Независимом государстве Хорватия, но и он, и отец автора, после освобождения Сараева народно-освободительной армией были призваны в нее и оканчивали гимназию уже как демобилизованные партизаны. Еще один член семьи, начав летчиком в усташской авиации, перелетел к англичанам, а затем сражался в партизанской армии. В то же время мать и сестра отца писателя были активистками усташского движения в Сараеве и после войны понесли наказание. И это все члены только одной семьи. Писатель не скрывает «темные пятна» в биографиях персонажей, не скрывает и того, что в социалистические времена все они тщательно прятались в семейных тайниках.

Для Ерговича, родившегося в многонациональном Сараеве и в многонациональной семье, в годы войны переехавшего из осажденного города в Загреб, не случайной была проблема национальной идентификации, положения народа и человека в инонациональной среде, ощущение оказавшегося в ней эмигранта. Приведу одну очень характерную цитату: «Эту книгу, – пишет автор от себя, – я воспринимаю как часть собственной идентификации, хотя я никогда не ощущал немства своего прадеда Карла, как и словенства своего деда Франи». Его собственная идентификация была сложнее и определялась, замечает он, «в большей степени тем, кем я не был. Может быть, даже больше чем тем, кем я был» [4. S. 13]. Поэтому он, боснийский хорват, в чье хорватство включались словенство, немство, итальянство и еще какие-то нации бывшей монархии, чувствует себя в Загребе чужим, «так как его родины больше нет, а может быть, и никогда не было, и каждая пядь земли была для нас чужой» [4. S. 21].

Отличие от двух предыдущих произведений роман Слободана Шнайдера «Медный век» (2015), близкий им по тематике и мотивам, иной по художественному подходу. Он также может быть назван семейным, но его сюжет строится не на истории множества персонажей, а концентрируется на судьбе двух главных героев, прототипами которых послужили родители автора², действующие под вымышленными именами – Георга Кемпфа и Веры, но, как и персонажи Дрндич и Ерговича, включенные в определенный исторический контекст. Видимо, пришло время, когда возникли возможности попробовать разобраться в сложном и неоднозначном переплетении общей и частных историй, в мало освещенных, а то и совсем не затронутых до сих пор вопросах, ответы на которые хранились в семейных архивах и долгое время тщательно скрывались. Прежде всего они касались Второй мировой войны и послевоенных лет. Это время автор и назвал «медным веком», отталкиваясь от библейской легенды о медном змее, выплавленном Моисеем по велению бога и водруженным им в пустыне на Т-образном шесте, взглянув на который люди спасались от смерти и, что еще важнее, освобождались от малодушия и сомнений. Шнайдер соотносит с ней возникающие в XX в. под разными именами и насильственно насаждаемые разрушительные идеологии, сами возвышающие на пьедестал себя в качестве кумира. «В “медный век”, – пишет автор-повествователь, – во имя идеи начались непостижимые ужасы. Самыми страшными были те, когда заставляли приносить жертвы, а еще

² Отец писателя Джуро Шнайдер (1919–1993) – известный хорватский поэт и литературный критик.

страшнее, когда жертвы приносились по своей воле и самостоятельному решению» [5. S. 168]. Всем строем своего романа и в прямых высказываниях писатель восстает против власти подобных идеологий над судьбой народов и отдельного человека. В доме Кемпфов стоял портрет Гитлера (вместо портрета югославского короля), и он, по признанию героя, как бы призывал: «смотри на меня и ты будешь избавлен от всех сомнений» [5. S. 58]. Медных кумиров чтит и создатель войск «Ваффен-СС»³, прославившийся своей особой жестокостью рейхсфюрер Гиммлер, освободивший подведомственную ему армию «от старинных представлений прусской военной чести, налагавших хоть какие-то ограничения» [5. S. 129]. «Медный век», по мнению писателя, сохранился и в послевоенную эпоху: люди, проходящие под возводимыми для парадов трибунами, должны были знать «чего они стоят в сравнении с теми, кто стоит там, наверху. Осознание этого являлось прекрасным средством против зараженных сомнениями; в не меньшей мере и хорошим лекарством против собственных сомнений» [5. S. 277–278].

Героям Шнайдера пришлось жить в «медные времена». Судьба свела двух во всем диаметрально противоположных людей, родившихся и выросших в социально несопоставимых семьях, получивших разное воспитание и образование. Происхождение, как и сформировавшиеся характеры и взгляды на жизнь, определили их пути в военные и послевоенные годы. Георг Кемпф родился в семье богатого торговца, потомка немецких переселенцев в Славонию в 70-е годы XVIII в. В 1930-е годы за пределами Рейха этнические немцы стали называться фольксдойче, возникают их объединения, все чаще появляются эмиссары из Германии и все чаще звучат слова: «немцы не делают того или этого; мы – немцы!». Но Георг был далек от этого, он любил книги (правда, среди них не было произведений авторов левых убеждений), изучал в Белграде медицину. Он считал для себя зазорным заниматься политикой и не хотел воевать. Однако война не оставила ему выбора. Как фольксдойче он был призван в войска «Ваффен-СС» (таких, как он, именовали «добровольцами-силовольцами» [5. S. 54]) и отправлен в Польшу. Его «маленькой польской войне», как он ее потом называл, посвящена основная военная часть романа. Из всех «военных» эпизодов как наиболее характерный для понимания внутренней позиции героя выделен случай его отказа (якобы по причине отравления) участвовать в расстреле польских заложников. Но этим, хотя и единичным случаем, объяснялось решение Георга дезертировать из армии и стать гражданским лицом, что он и сделал, оказавшись после ранения в госпитале, при помощи медсестры, польской патриотки Анны Садовской. Проплутав по разоренной, полной вражды, зараженной антисемитизмом Польше, он волей случая (опять не добровольно), скрыв свое пребывание в армии СС, попал в польско-советский партизанский отряд, в котором, участвуя в диверсионных операциях и разгроме Армии Крайовой, провоевал до конца войны. На родину Кемпф вернулся с «бумажкой» за подписью комиссара отряда, подтверждавшей его пребывание в этом подразделении. Она спасла его от югославской службы безопасности, спасла от депортации в Германию, которой подверглось немецкое население в том числе и Югославии. Но она не спасала героя от косых взглядов сограждан, от постоянного страха разоблачения и чувства вины от вынужденного притворства. Отвечая на вопросы или заполнял анкеты, Георг старался не врать, но не говорил и всей правды. Не был свободен он даже в своей поэзии. Не случайно, когда пришли времена, «не спутанные веригами диалектического материализма, и поэты почувствовали себя свободнее» [5. S. 309], Кемпф, правда не без страха, признался себе, что «из товарища с мягким правым уклоном стал, по сути, врагом коммунизма» [5. S. 300]. Тогда он вычеркнул из списка своих произведений первый поэтический сборник «Пот за сталь», посвященный строителям

³ Ваффен-СС – военные формирования СС. В 1946 г. в Нюрнберге были признаны преступной организацией.

молодежных строек. «Кемпф, – заключает повествователь, – не преуспел ни в чем, кроме того, что так и остался чужаком» [5. S. 373].

Партизанская связная Вера встретилась с Георгом, который стал ее мужем, сразу после победы, для нее он был соратником Красной Армии. Встретиться они раньше, говорит автор, они оба без сомнения выстрелили бы друг в друга, так как находились тогда по разные стороны баррикад. Хорватка, католичка, Вера родилась в семье железнодорожника и с юных лет вместе с братом «возлагала свои мечты на советскую звезду» [5. S. 36]. Ей пришлось пройти через подполье, после провала год провести в женском лагере в Старой Градишке (филиал концентрационного лагеря в Ясеновце), откуда ее путем обмена удалось вытащить партизанам, с ними она встретила победу. Она, бесспорно, принадлежала к победителям и оставалась верна собственному выбору и убеждениям до конца своих дней. Как говорится в романе, Вера «была субъектом революции», в отличие от Георга, который был «только объектом многих революций от Муссолини и Гитлера до Ленина, Сталина и Тито. В этом и заключалось несходство между теми, кого как щепку несло ветром, и теми, кто управлял своей волей, даже в лагере» [5. S. 315]. Такая семья, в которой составившие ее люди столь резко расходились во взглядах и в которой, кроме взаимного узнавания, оставалось многое, что скрывалось, особенно мужем, просуществовать долго не могла и распалась вскоре после рождения сына. По признанию повествователя, «он редко виделся с отцом, чаще они беседовали как два интеллектуала и очень редко как отец и сын» [5. S. 355]. В одном из интервью по выходе романа Шнайдер сказал: «Я не хотел быть судьей, но считал необходимым обозначить черту и защищать ее как линию фронта между тем, кто без вины стал объектом истории и той, которая в ней сознательно активно участвовала. А я – и то и другое» [6].

В рассмотренных романах последнего десятилетия, в которых в той или иной степени герои проходят через опыт Второй мировой войны, можно увидеть немало общего. Являясь отправной точкой семейного повествования, частная жизнь людей в те времена, когда они не только воевали, но и просто жили, любили, рожали детей, дружили и ненавидели, становится индикатором общих процессов, о которых еще недавно невозможно было говорить и писать. Это и Холокост и проблемы фольксдойче в годы войны и их депортации после ее окончания, сербские погромы в Независимом государстве Хорватия и антисемитизм, межнациональные отношения и идентификация, вообще – проблемы идеологического и физического насилия, свободного выбора и принудительного подчинения воле других, личной и коллективной ответственности. В освещении всех этих проблем теперь главенствует не революционный или абстрактный гуманизм, а понимание гуманизма в его истинном значении как первостепенной ценности человеческой жизни. Все названные авторы абсолютно неприемлют любые формы тоталитаризма, национализма и других идеологий, устанавливающих власть над обществом и человеком. Этика и эстетика выступают в полном согласии. Опыт Второй мировой войны, как пишет Шнайдер, учит, что «война разносит людей как щепки во все стороны: они как семена одуванчика разлетаются по ее воле. Многие только сейчас начинают понимать, что жизнь – это единственное счастье: посеяв труп, не получишь плода» [5. S 265].

Своими произведениями, опираясь на две основные традиции – реалистическую и постмодернистскую, эти писатели возвращают в хорватскую прозу широкоформатный общественный роман эпического звучания, охватывающий огромные временные пласты, жизнь разных социальных и национальных групп. Этим они напоминают романы первых послевоенных лет, но в них теперь иная общественно-этическая доминанта и другой художественный инструментарий. Придерживаясь реальных событий, которые, по их мнению, бывают неожиданней и причудливей любого вымысла, они перерабатывают их в художественное повествование. Так, героиня романа Дрндич знает, что «важен прежде всего не случай;

важен не пресловутый падающий на голову кирпич, а связи и самоопределение, о которых мы не подозреваем, но которые ищем» [3. S. 8]. «Всякая написанная история, – говорит Ергович, – переселяясь в легенду и фантазию, перестает быть реальностью, даже если она вся списана с действительности. Не существуют рассказы, которые обрабатывают так называемые настоящие события, и рассказы, сочиненные писателем. Есть только правдивые и ложные рассказы, истинные и надуманные» [4. S. 264]. А Шнайдер на вопрос, является ли его роман вымыслом или исключительно документальным, отвечает: «Это вымысел, но хорошо организованный вымысел. “Медный век” – это художественное произведение, что, однако, не освобождает меня от обязательств перед действительностью» [7]

Свободно вводя в текст документальный материал – автобиографический, биографический, воспоминания и письма, свидетельства разного рода из семейных и государственных архивов, из средств массовой информации, писатели придают художественному повествованию новое качество. Его усиливает и активное введение голоса автора и голосов персонажей, поясняющих или уточняющих происходящее, переносящих действие из одного времени в другое, в том числе и настоящее. Например, Шнайдер вводит голос неродившегося ребенка, который от имени неродившихся детей выражает беспокойство о своих потенциальных родителях: «среди душ неродившихся, – читаем мы в графически выделенном тексте, – не было ни одной, которая бы не окаменела при упоминании Сталинграда. Мы проводили сотни тысяч неродившихся немцев и русских, так как те, кто должны были стать их родителями, пали под тем злополучным городом» [5. S. 59].

Возрождая литературу, не боящуюся своей миссии хранительницы человеческой памяти, они создают произведения, взывающие к необходимости напоминать о «времени всеобщего бесчестья» (Дрндич), чтобы оно больше не повторилось. «Невозможно отбросить последствия событий прошлых лет, но можно ясно сказать о том, кто есть кто в эти страшные времена», говорит Шнайдер. Заключить можно словами Ерговича: «Против забвения существует только рассказ, который должен стать рассказом хотя бы за мгновение до того, как все будет забыто. Тогда, перед окончательным забвением, он окончательно и созреет. Мир спасет только рассказ» [4. S. 234].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Nemes K.* Povijest hrvatskog romana od 1945 do 2000 godine. Zagreb, 2003.
2. *Калев В.* Прелесть пыли. М., 1972.
3. *Drndić D.* Sonnenschein. Zagreb, 2007.
4. *Jergović M.* Rod, Zagreb, 2013.
5. *Šnajder S.* Doba mjedi. Zagreb, 2015.
6. *Šnajder S.* Zavičaj je bolno mjesto. // Политика Onlin. 13 X 2015. www.politika/rs/sr/clanak/3406886/specijalni-dodaci/zavicaj-je-bolno-mjesto
7. *Šnajder S.* O autobiografskom romanu «Doba mjedi» // Večerni list. 9 XI 2015.

© 2016 г. Л.Е. ГОРИЗОНТОВ

ПОДНЕПРОВЬЕ И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В МНОГОТОМНЫХ ОПИСАНИЯХ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ:
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

В статье рассматривается этногеографическая терминология, использовавшаяся в Российской империи на рубеже XIX–XX веков для обозначения земель и населения, которые впоследствии оказались в орбите украинской государственности. Центральное место в исследовании занимают термины Малороссия, Украина, Новороссия, малороссы, украинцы, их соотношение между собой, пространственные проекции, этимология, административно-территориальная привязка и аксиологические коннотации.

The article explores ethnic and geographical terminology used in the Russian Empire at the turn of the nineteenth and twentieth centuries for defining the lands and population which later found themselves in the orbit of the Ukrainian statehood. The focal point of the article are the terms of Little Russia, Ukraine, New Russia, Little Russians, Ukrainians, their correlation, spatial projections, etymology, administrative equivalents and axiological connotations.

Ключевые слова: Малороссия, Украина, Новороссия, малороссы, украинцы, поздняя Российская империя, терминология, экспертное знание.

Keywords: Little Russia, Ukraine, New Russia, Little Russians, Ukrainians, late Russian Empire, terminology, expert knowledge.

К рубежу XIX–XX вв. в Российской империи украинский вопрос достиг большой остроты, вследствие чего этнографические термины стали индикаторами той или иной национально-политической преференции. Малорусские (малороссийские) маркеры указывали на приверженность концепции восточнославянского триединства, тогда как украинские свидетельствовали об ориентации на разрушавший эту общность проект нацистроительства [1].

В настоящей статье для анализа выбраны такие репрезентативные многотомные отечествоведческие издания, как «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» (НИУ ВШЭ) в 2015–2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Горизонтов Леонид Ефремович – д-р ист. наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

* Статья подготовлена в ходе проведения работы по проекту № 15-01-0046 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015–2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

незавершенным). Авторы очерков должны были облечь большую историческую, этнокультурную, экономическую и географическую информацию в популярную форму, способную обеспечить масштабным издательским проектам широкую читательскую аудиторию и коммерческий успех. В настоящее время рассматриваемые издания продолжают функционировать в информационном пространстве. С начала 1990-х годов репринты отдельных томов публиковались в России, Белоруссии, Украине, Казахстане (особенно это касается второго издательского проекта). Доступны многотомники и в Интернет-версии.

Авторы очерков в двух изданиях разные, но главный редактор у них общий – П.П. Семенов-Тянь-Шанский (1827–1914). Патриарх отечественной географической науки уделял большое внимание районированию России. Опыт подготовки фундаментальных россиеведческих изданий он получил, готовя «Географическо-статистический словарь Российской империи», первый том которого увидел свет еще в 1863 г.

«Малороссия, – указывалось в словаре, – название, приписываемое трем приднепровским губерниям, Киевской, Черниговской и Полтавской, составляющим центральное и коренное местожительство малорусского или южнорусского племени русского народа». Малорусы (малороссияне, южнорусы) характеризовались как «одно из главных племенных видоизменений русского народа». Отмечалось, что они составляют немногим более 20% всего населения Европейской России. В Новороссийский край включались Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губернии, а также Бессарабия [2. С. 152, 155–156, 535–536].

Предложенная Семеновым позднее сетка регионов Европейской России [3] долгое время оставалась наиболее авторитетной. В числе выделяемых им двенадцати областей были малороссийские (Полтавская, Черниговская, Харьковская), юго-западные (Киевская, Подольская, Волынская) и новороссийские (Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, Бессарабская) губернии.

В «России» ключевую роль играл уже сын главного редактора В.П. Семенов-Тянь-Шанский (1870–1942), представлявший новую исследовательскую генерацию. Краткие концептуальные предисловия Семенова-младшего к каждому из томов заслуживают особого внимания. Несмотря на наличие редактора, большое число авторов, участвовавших в обоих издательских проектах, способствовало разнообразию используемой этногеографической терминологии.

В разработанной Семеновым-старшим программе «Живописной России» планировался том под названием «Малороссия по правую и левую сторону Днепра и Новороссия». Однако поскольку в процессе реализации издание существенно разрослось, пятый том было решено разделить на две части, которые вышли в свет отдельными книгами в 1897–1898 г. В них появилось разночтение в названии тома: в первом случае он имеет заглавие «Малороссия, Подолия и Волынь», во втором – «Малороссия и Новороссия».

Первая часть в пространственном отношении охватывает Полтавскую, Черниговскую, Харьковскую, Киевскую, Подольскую и Волынскую губернии. Следовательно, Малороссия мыслилась в границах Левобережной Украины с включением Слобожанщины, что не предусматривалось «Географическо-статистическим словарем», и Киевщины, что не предполагала позднейшая региональная сетка П.П. Семенова. Подолию и Волынь было принято выделять в польской традиции, за зависимость от которой «Живописная Россия» подверглась жесткой критике в середине 1880-х годов в связи с выходом из печати тома, посвященного литовско-белорусским землям [4. С. 11–16].

В числе авторов первой части тома «Живописной России» такие известные люди, как Д.Л. Мордовцев, П.А. Кулиш, Е.П. Карнович, Я.В. Абрамов. Особо стоит сказать о первых двух. Д.Л. Мордовцев (1830–1905) и П.А. Кулиш (1819–1897) имели украинские корни, являясь, соответственно, уроженцами Земли Войска Донского и Черниговской губернии. Свои художественные произведения и исследования на исторические темы оба писали как по-русски, так и по-украински,

войдя в историю украинофильского течения. В начале 1880-х годов расхождения во взглядах вылились в публичную критику Кулиша Мордовцевым [5]. Во время написания текстов для «Живописной России» Кулиш обосновался на родной Черниговщине. Мордовцев же, прочно интегрированный в русские научные и общественно-культурные круги, до конца жизни не покидал северной столицы. В текстах «Живописной России» он апеллировал к детским воспоминаниям [6. С. 14]. Еще в более ранних публикациях Мордовцев позиционировал себя сторонником «централитов», делавших ставку на центростремительные силы в империи.

«Под именем Малороссии, – писал Мордовцев, – в настоящее время понимается известная группа южнорусских губерний, хотя, в сущности, само понятие “Малороссия” не вполне уловимо, так как в государственном смысле оно выражает собою нечто неполное, неопределенное, а в смысле этнографическом оно осложняется тем, что малорусами признают себя и те этнографические разветвления малорусского племени, которые территориально почти не связаны с Малороссиєю, как, напр[имер], малорусы черноморские, донские и даже – турецкие (в Добрудже)» [6. С. 4]. Итак, Малороссия мыслилась Мордовцевым как основная территория компактного проживания малорусов.

Мордовцев очерчивал обширный ареал расселения малорусов, отмечая образуемый ими «восточный клин» и то обстоятельство, что в Таврической губернии они проживают лишь в материковой ее части, до Перекопского перешейка. В ряде мест малорусы синонимичны украинцам и хохлам [6. С. 13, 16, 19]. Кроме того, согласно Мордовцеву, «и “казак”, и “чумак”, и “запорожец” – это были почти синонимы для украинца» [6. С. 44]. Малороссия и Украина, малорусский народ и украинский народ у Мордовцева в абсолютном большинстве случаев выступают как взаимозаменяемые понятия. Описываемые им люди владеют «малорусскою или южнорусскою речью». При этом «южнорусское племя» видится составной частью русских [6. С. 4–5]. Наряду с «московским влиянием» встречается формула «обрусение в самых основах жизни» [6. С. 42].

Характеристика малорусов строится на их сравнении с великорусами. Это разные культурные типы, которые «взаимно восполняют друг друга», следовательно, отличия их не только заслуживают признания, но и полезны. Мордовцев цитирует известного этнографа П.П. Чубинского (1839–1884): «Малорус был русским и будет им. Если он так себя не называет там, где он встречается с великорусом, то там, где он встретится с поляком, молдаванином и венгром, твердо знает, что он русин». Таким образом, это «две русские народности», у которых «больше общности, чем различия» [6. С. 19–20].

Отмечая высокую степень однородности малорусов, Мордовцев все же выделяет три «этнографических типа», созданные природой и историей: украинский, полешский и подольско-галицкий. В контексте данной типологии украинец становится разновидностью малоруса, причем наиболее привлекательной: «украинец – это главный кочегар, который заправлял всем процессом исторического горенья южнорусской земли». И здесь отсутствует этнополитическая оппозиция «малорус – украинец». Мордовцев стоит на почве общерусского единства, но вслед за Чубинским считает ошибочным искоренение культурных особенностей малорусов [6. С. 20].

В историческом очерке П.А. Кулиш писал: «Южные области русской земли назывались Малороссиєю еще во времена варяжские; имя Украина дано некоторым из них поляками, подобно тому, как москвитяне называли украинцами оконечности своего государства у литовского и татарского рубежа. Но со второй половины XVII столетия под именем Украины стали у нас разуметь земли, по которым селились отпавшие от Польши малорусские казаки. Так как распространение известного языка и обычая составляет самый выразительный памятник былого, то имя Малороссии, в историческом смысле, должно простираться на всю территорию, в которой малорусский элемент не подчинился ни ее политическому, ни

административному делению» [6. С. 121]. Таким образом, этимологию Украины Кулиш связывал с ее окраинным положением в прошлом, тогда как Малороссия рассматривалась им в качестве территории расселения этноса.

В «Живописной России» Украина присутствует в сочетаниях «Слободская Украина», «Левобережная Украина», «Заднепровская Украина». По поводу последнего обозначения, обнаруживающего взгляд с востока, делается пояснение, что это старое название [6. С. 270]. Достаточно редко, но все же встречаются украинцы [6. С. 152]. Князь Олег Святославич (Гориславич «Слова о полку Игореве») назван «украинцем древнерусской земли», поскольку он действовал на окраинах Руси [6. С. 109]. На одной из иллюстраций представлены «типы украинцев и малороссов» [6. С. 187]. Встречается и «южнорусский народ» [6. С. 122]. В исторической части, доводящей изложение до царствования Екатерины II, упоминаются черкасы и используется понятие «Киево-Днепровская Русь». В этой связи следует отметить, что именно в конце XIX в. в исторической науке появляются термины Киевская Русь и Украина-Русь.

Во второй части пятого тома «Живописной России», где среди прочих опубликован очерк С.В. Максимова, речь идет о новороссийских губерниях – Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Бессарабской. Немногочисленные упоминания о Малороссии характеризуют ее как регион, отличный от Новороссии. В названиях очерков фигурирует юг России, а в их текстах говорится о южном крае и Черноморье. Более трети объема книги посвящено Крыму, причем подчеркивается его непохожесть на остальную Новороссию. Специально рассматривается «воссоединенная Бессарабия» – южная ее часть, временно утраченная Россией после поражения в Крымской войне. Представлено описание Приазовья, в частности, городов Таганрог и Ростов-на-Дону. В историческом экскурсе встречается «польская Украина» [7. С. 172]. Один и тот же автор (С. Давидович) пишет о малороссиянах и великороссах, малороссах и русских, имея в виду узкое значение этого этнонима [7. С. 179–180].

Если между выходом в свет «украинских» томов двух изданий очень незначительный промежуток времени, то «новороссийские» тома разделяет в два раза больший интервал, включающий революцию 1905–1907 гг. Правда, следует учитывать, что интересующие нас книги «Живописной России» опубликованы спустя два десятилетия после начала проекта, и ряд очерков написан задолго до издания. Полное обновление авторского коллектива в томах «России» сопровождалось отказом от ставки на именитых авторов и носителей региональной идентичности в пользу более узких специалистов в определенных областях знания, способных писать о разных регионах. Заметно изменился и характер изложения, в котором существенно выросла справочная составляющая благодаря привлечению большого массива статистического материала и стремлению пунктуально описывать все, с чем может встретиться путешественник.

В рамках издательского проекта «Россия. Полное географическое описание нашего отечества...» опубликован том «Малороссия» (1903), в котором собран материал по Черниговской, Полтавской и Харьковской губерниям. Планировавшийся том «Заднепровье, Волынь и Подолия» издан не был. Таким образом, в новом многотомнике за границу между регионами принят днепровский рубеж. В предисловии к «Малороссии» В.П. Семенов писал о «Левобережной (по отношению к Днепру) Украине». Подобное деление соответствовало политико-административной практике конца XVIII – начала XX в., связанной с локализацией острейших вопросов империи – польского и еврейского. Редактор характеризует Малороссию посредством сравнения с соседней Центральной черноземной областью. В числе регионообразующих детерминант называются преобладание «малорусского населения» и тяготение к «киевскому центру» [8. С. III–V].

«Малороссия» в томе встречается гораздо чаще «Украины», которая в ряде случаев фигурирует в цитатах или тождественна окраине (например, «южнорус-

ская Украина» [8. С. 220]). Говорится в основном о малорусах, иногда о малороссах или малороссиянах – следовательно, употребление этнонима по-прежнему не вполне устойчиво. Украинцев же в тексте нет вовсе. Как отмечалось вскоре после революции, «слово “украинец” хотя и существовало (кажется, с прошлого века), но произносилось так редко, что, когда в 1917 году его ввели в употребление, мы, русские (в том числе и малороссы), спрашивали друг друга, где в нем ставить ударение» [9. С. 38].

В аннотации к репринту «Малороссии», изданному в 2009 г. в Харькове, отмечается: «Издание обнаруживает взгляды ученых из метрополии на Украину как провинцию империи, что повлекло за собой ряд ошибок [...] Бесспорно, такие ошибки можно было бы избежать при условии привлечения к участию в подготовке издания местных ученых». При этом делается ссылка на критику тома профессором Харьковского университета Н.Ф. Сумцовым, который сразу после его выхода в свет указал на ряд «географических ересей» и «смехотворных ошибок», допущенных в описании Харькова петербургскими авторами. Заметка Сумцова начиналась выпадам против «Живописной России» [10].

В объявлении об издании «Живописной России» (1878) читателям обещалось «все то, что дорого и свято сердцу каждого русского или, вернее, каждого обитателя нашего разноплеменного отечества» [11. С. 300]. Многотомная «Россия» уже без оговорок названа «книгой для русских людей». В качестве эпиграфов к очеркам «Живописной России» преимущественно использовались фрагменты произведений русских поэтов (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.В. Кольцов, А.С. Хомяков, И.С. Никитин, А.А. Фет, А.К. Толстой, Д.Д. Минаев, некоторые из них связаны с русско-украинским пограничьем). Те же самые строки из стихотворения Толстого «Ты знаешь край, где все обильем дышит» цитирует в предисловии к тому «Малороссия» В.П. Семенов.

Еще один том «России» вышел под заглавием «Новороссия и Крым» (1910). Помимо Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Бессарабской губерний в Новороссию включались Область Войска Донского и Ставропольская губерния, то есть регион максимально расширился на восток. В этой связи оказалось востребованным обозначение «восточная часть Новороссии», к которой был отнесен и Донбасс. Выход за рамки сугубо административного понимания Новороссии (как существовавшего до 1874 г. Новороссийского генерал-губернаторства) не составлял особой новации: гораздо раньше к нему прибегал участник «литературной экспедиции» второй половины 1850-х годов Г.П. Данилевский [12]. В предисловии к тому В.П. Семенов-Тянь-Шанский пишет о Новороссии как «южной окраине Европейской России» и пользуется понятием «северное Черноморье». Чересполосное великорусско-малорусское расселение редактор сравнивает с «поперечными железными скрепами в каменной стене», придающими «только большую прочность колонизации южнорусских степей» [13. С. IV].

Новороссия сопоставляется с Украиной, жители «коренной Малороссии» с «новороссийскими малорусами». Авторы занимают вопрос о взаимодействии малороссов и великороссов, отмечается «обрусение» первых из них [13. С. 184–186]. Помимо постоянных жителей региона большое значение для его хозяйства имеет многонациональный контингент сезонных рабочих. Фиксируется апелляция к старому административному делению («Юго-Западная и Малорусская области» [13. С. 327, 336, 340]). В описании Бессарабии фигурируют «русняки (червонорусы)», которые «в наших переводах с немецкого (Ruthenen) – русины». Эти выходцы из Галиции, «галициане», также являются малорусами [13. С. 186]. Показательна ремарка об «украинском говоре, как известно, сделавшимся литературным языком» [13. С. 186]. Такая оценка отразила новые веяния, обозначившиеся в российской академической науке в начале XX в.: в «Живописной России» говорилось о «южнорусской речи».

Входивший в состав Таврической губернии Крым рассматривался как часть Новороссии, однако, опять-таки весьма специфическая. Это «вполне самостоятельный, ни на что не похожий край, имеющий [...] свои достопримечательности такого характера, о котором не знает ни остальная Новороссия, ни остальная Россия» [13. С. 187].

Итак, на закате Российской империи этногеографическая терминология, использовавшаяся для описания Поднепровья и Северного Причерноморья, отличалась значительной неустойчивостью и вариативностью. Мейнстримом оставалось бытование терминов «Малороссия» и «малорусы». Если сопоставимого по частоте употребления эквивалента этнониму «малорусы» не существовало (особенно безальтернативна более поздняя многоотная «Россия»), то для обозначения региона была востребована не только Малороссия, но и Украина. В ходу также более широкий термин «Южная Россия» и производные от него. Издания содержат сведения об этимологии и истории этногеографической номинации, проявляя, в частности, определенный интерес к польской традиции. Налицо, однако, явный дефицит комментариев по поводу соотношения конкурирующих понятий. Весьма примечателен отказ от обсуждения этнополитических коннотаций терминологии.

Существенное значение для выявления специфики этносов и регионов имели разного рода сопоставления: межэтнические (сравнение малорусов и великорусов у Д.Л. Мордовцева) и межрегиональные (сравнение Малороссии с Центральной черноземной областью у В.П. Семенова). Сведения о соотношении Малороссии и Новороссии подаются как в компаративной плоскости, так и посредством показа взаимодействия соседних регионов. При определении границ регионов авторы очерков оперируют в основном актуальным административно-территориальным делением, хотя порой ими отмечается несовершенство этих ориентиров для локализации исторических регионов и ареала расселения этноса. Важная роль в системе координат принадлежала Днепру, Черному и Азовскому морям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кантелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: Украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997; *Горизонтов Л.Е.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001; Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005; «Иородческий казус» 1910 года как проявление конфликта идентичностей в политической жизни Российской империи // Сценарии конфликтов на рубеже XIX–XX веков: политические – социальные – культурные. Австро-Венгерская и Российская империи. Wien, 2011.
2. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1867. Т. III.
3. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб., 1880–1886. Вып. 1–8.
4. *Коялович М.* Любопытная история // Русь. 1884. № 13.
5. *Сліпченко-Мордовець Д.* За крашанку – писанка П.Ол. Кулішеві. СПб., 1882.
6. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб., 1897. Т. 5: Малороссия, Подолия и Вольнь: Полтавская, Черниговская, Волынская, Подольская, Харьковская и Киевская губернии. Ч.1.
7. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб., 1898. Т. 5: Малороссия и Новороссия. Ч.2: Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии.
8. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. СПб., 1903. Т. 7: Малороссия.
9. *Волконский А.М.* Историческая правда и украинофильская пропаганда // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998.
10. *Сумцов Н.Ф.* Географические неудачи города Харькова // Южный край. 1903, 10 мая.
11. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб., 1901. Т. 8. Ч. 2.
12. *Горизонтов Л.Е.* Новые земли империи в зеркале культурных традиций: Новороссия Г.П. Данилевского // Ландшафты культуры. Славянский мир. М., 2007.
13. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. СПб., 1910. Т. 14: Новороссия и Крым.

© 2016 г. Б. ИРОУШЕК

ЧЕШСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА МЕЖДУ ДВУМЯ СЪЕЗДАМИ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ИСТОРИКОВ (1937–1947)

Статья посвящена чешской исторической науке, роли личностей, профессиональных группировок и национальных съездов в ее становлении и состоянии до и после возникновения независимой Чехословакии (1918), в мирный межвоенный период, в годы фашистской агрессии, расчленившей страну на Словакию и Протекторат Чехии и Моравии. Особое внимание уделяется переменам в чешской исторической науке после 1945 и февраля 1948 г. Работа основана на архивных материалах, публикациях в чешской научной периодике разных лет, монографиях и коллективных трудах современных специалистов.

The article deals with the Czech historical science, the role of individuals, professional groups and national congresses in its development before and after the making of the independent Czechoslovakia (1918), in the interwar period and during the Nazi aggression, when the country was divided into Slovakia and the Protectorate of Bohemia and Moravia. A special attention is paid to changes in historical science, which followed after 1945 and February 1948. The article is based on archival materials, publications in the Czech scholarly periodicals, monographs and collective works of contemporary scholars.

Ключевые слова: Чехословацкое историческое общество, съезды историков, Йозеф Пекарж, Карел Стлоукал, Ярослав Верштадт, Ярослав Харват.

Keywords: Czech Historical Society, congresses of historians, Josef Pekař, Karel Stloukal, Jaroslav Ferstadt, Jaroslav Harvat.

Чешская историография долгое время отличалась от историографии соседних стран хотя бы потому, что до 1918 г. существовал всего один чешский университет, а в исторической науке вместо разных течений действовал круг университетских историков, прежде всего так называемой школы Голла, который выделялся своей экстравагантностью. Чешские историки гораздо дольше, чем другие европейские народы и государства, откладывали организацию своих национальных съездов. Правда, в начале XX столетия некоторые из них (например Йозеф Витезслав Шимак или Франтишек Каменичек) предлагали провести подобный съезд, хотя бы по примеру соседей, польских историков, которые такие съезды устраивали, несмотря на то, что были разделены между тремя государствами (Германией, Россией, Австро-Венгрией), но до дела не дошло. Особо рьяным противником проведения национальных исторических съездов был в ту пору один из самых влиятельных историков – Ярослав Голл (1846–1929), считавший съезды излишними, хотя его соратники уже имели опыт участия в международных исторических и археологических конгрессах [1. S. 90; 2. S. 67; 3. S. 15–18].

Ироушек Богумил – чешский историк, профессор, заместитель декана философского факультета Южночешского университета (г. Ческе-Будеёвице).

Вряд ли стоит спекулировать по поводу позиции этого ученого. Свою роль могло сыграть и то, что ряд моравских архивариусов еще до 1918 г. получили образование в Венском университете, который географически был моравянам ближе, чем Прага. По этой причине объединение чешских историков могло выглядеть не столь солидным, как хотелось бы Голлу, причем не только в период Австро-Венгрии, но и после возникновения Чехословацкой республики, когда университетская историческая наука безоговорочно посвятила себя служению новому государству (помимо всего прочего, она поддерживала идею чехословакизма, особенно в стенах только что основанного Университета имени Коменского в Братиславе). Профессор Пражского университета историк Йозеф Пекарж (1870–1937), староста Исторического клуба, считая его проходящей платформой для дискуссий между коллегами, выступал, как и Голл, против проведения национальных съездов историков, может быть, опасаясь, что они вызвят формирующуюся лично против него оппозицию в виде ранних марксистских течений вокруг Яна Славика, а затем Ярослава Харвата и Вацлава Гусы [4. S. 101–116]. Однако в 1930-е годы становилось все очевиднее, что продолжаться так больше не может и дело непременно дойдет до проведения съезда – форума чешского (чехословацкого) сообщества историков, до дифференциации его на течения и дискуссий между ними. В 1933 г. в Варшаве на международном конгрессе исторических наук поляки выступили с инициативой основать совместное польско-чехословацкое историческое общество, что нашло поддержку в Праге (особенно в кругу профессора восточно-европейской истории Ярослава Бидла) [5. S. 557–559]. Однако для презентации на международной арене – в Международном комитете исторических наук (CISH) и на международных конгрессах – необходимо было иметь свою собственную национальную организацию. 21 марта 1935 г. на философском факультете Карлова университета в Праге состоялась совещание, посвященное «основанию Национальной организации историков».

Специалист по общей истории Карел Стлоукал (1887–1957), главный из выступавших на этом собрании, подчеркнул, что идея создать новую организацию – Чехословацкое историческое общество исходит от чехословацких участников международного конгресса в Варшаве, которые осознают необходимость такой организации для сотрудничества от имени Чехословацкой республики с CISH; однако он не умолчал и о том, что к основанию такой организации его призвал профессор Мишель Леритье из Парижа, которому нужен был партнер в CISH от чехословацкой стороны. В качестве второй причины К. Стлоукал назвал необходимость созыва съезда чехословацких историков. В начавшейся дискуссии прозвучали и голоса противников нового объединения – что вполне достаточно существующих, что есть Исторический клуб (это особенно подчеркивал его председатель Йозеф Пекарж). Тем не менее другим участникам дискуссии, в том числе известному историку, полномочному послу и будущему министру иностранных дел Камилу Крофту (1876–1945), которого Й. Пекарж весьма уважал, удалось Пекаржа переубедить.

В результате был избран подготовительный комитет, а 23 ноября 1935 г. и официальный комитет Чехословацкого исторического общества. Его первым председателем стал Йозеф Шуста (1874–1945), в комитет также вошел К. Стлоукал [6. S. 130–132], который в декабре 1937 г. – после отставки Й. Шусты – стал новым председателем общества. Это произошло уже после I съезда чехословацких историков, который состоялся в Праге 3–8 мая того же года [7]. При том что официальным организатором съезда было Чехословацкое историческое общество во главе со своим председателем, его подготовку взял на себя школьный учитель истории и член Исторического клуба Йозеф Клик (1896–1965), единственный из историков, кто обладал большим опытом проведения подобных акций, в частности съезда чехословацких школьных учителей литературы, языка и истории в 1929 г. Подготовка I съезда чехословацких историков была позитивно восприня-

та исторической общественностью. Историк Ян Славик (1885–1978), директор так называемого русского эмигрантского архива при Министерстве иностранных дел, который не слишком-то общался с университетскими деятелями, но был личностью, весьма искушенной в области методологии, с большим опережением приветствовал проведение съезда, написав: «Вижу в этом неотвратимый шаг к демократизации исторической науки, чьими судьбами десятилетиями и безоговорочно распоряжалось несколько одиночек». Уже в 1935 г. Я. Славик наметил основные вопросы, которые мог обсудить съезд. По его мнению, необходимо было развернуть дискуссию о воспитании (образовании) молодых историков и архивариусов, о взаимоотношениях истории и теории познания, о методологических аспектах науки (см. [8]). (Я. Славик имел в виду в первую очередь участие здесь Я. Голла, а также Й. Пекаржа и Й. Шусты [9. S. 42–43]).

По поводу программы будущего съезда на собрании Чехословацкого исторического общества весной 1936 г. высказались директор архива Министерства внутренних дел, университетский профессор Ярослав Прокеш, подчеркнувший необходимость знакомства с методологией мировой историографии, и К. Стлоукал, который выступал за ревизию состояния и ориентации чехословацкой историографии, полагая, что съезд имеет для этого все возможности, поскольку в нем примут участие сразу три поколения историков. Ожидалась и выработка отношений «к историкам национальных меньшинств в ЧСР, прежде всего к немецким историкам», а также «создание новой, благоприятной атмосферы для сотрудничества между нашими учеными» [10. S. 12–17; 11. S. 86–30].

Само течение съезда, даже одна его подготовка показали, что планы и возможности их реализации лимитированы тем, кто и как отслеживает методологию мировой, или хотя бы европейской историографии, к стати и потому, что критику научных трудов тогда воспринимали как проявление не объективных мнений, а неприязни. Кроме того, еще не сложилась традиция включать чешскую историографию в контекст европейской. После торжественного открытия съезда председателем Чехословацкого исторического общества Й. Шустой, прозвучало выступление уже многократно упоминавшегося К. Стлоукала. Свой доклад он назвал «Главные направления в современной историографии» [12]. Однако его доклад задумывался как вступительный, и дискуссия в связи с ним не планировалась. Только с послеобеденного заседания 3 мая и в последующие дни съезд пошел своим чередом. Доклады носили в основном ретроспективно-итоговый характер, касались организации архивов и музеев, охраны памятников, проблем археологии, издательского дела, исследований словацкой истории (поскольку современная словацкая историческая наука делала только первые шаги), положения немецкой историографии в Чехословакии и т.д. Особое внимание уделялось преподаванию истории в высших учебных заведениях в связи с недостатками в обучении будущих учителей средней школы, чему было посвящено несколько докладов и содокладов. Наиболее удачными можно признать выступление на съезде двух участников. Одним из них был Ярослав Верштадт, посвятивший выступление спорам о философии чешской истории, а именно спорам о концепции истории в понимании философа (и недавнего президента) Т.Г. Масарика и скончавшегося незадолго до съезда Й. Пекаржа. Другим был Я. Славик, рассуждавший о толкованиях революций в современной историографии.

Хотелось бы остановиться на докладе К. Стлоукала, который воспринимался съездом как методологический, однако показывал, что сам докладчик будто бродил в потемках, пытаясь разобраться в методологических проблемах историографии. В том же состоянии пребывало и большинство тогдашних историков.

Вначале К. Стлоукал обратил внимание на изменения, которые произошли в европейском и чехословацком обществе со времен Первой мировой войны. Историческая наука, связанная, по его мнению, «с политической и культурной жизнью эпохи», оказалась после войны в состоянии «революционного брожения»,

она пытается выявить «современное отношение к прошлому» и прежде всего с точки зрения идейных основ в ситуации круговерти разных идеологических направлений и течений. Стлоукал осознавал, что «реалистическое» (обозначаемое на чешской почве как «позитивистское») течение историографии с его задачами детальной проработки предмета исследований сам он уже пережил. Вопреки выдающимся результатам, именно это течение исторической науки чаще всего подвергается критике в противовес требованию синтезированного подхода к историческому процессу: в Германии якобы история, которая не умеет предсказывать будущее, вызывает недовольство. В течениях европейской историографии Стлоукал выделил два направления – натуралистско-позитивистское и эмпирико-реалистическое. В то время как первое ищет закономерности исторического развития, второе осмысляет отличия истории от естественных (и других) наук с точки зрения их методологии и логики. Сам он стоит на позициях неокантианской баденской школы, однозначно постулируя отличия («разлуку») истории и социологии. Чешскую (чехословацкую) историографию он включил в эмпирико-реалистическое направление, хотя был готов допустить, что и оно нуждается в определенных дополнениях, прежде всего за счет «исторической психологии» (из «методов психологического анализа»).

В заключение Стлоукал сказал, что «историческую науку необходимо приблизить к требованиям эпохи и, не боюсь этих слов, к нуждам нации и государства». Основывая эти требования на знаниях истории культуры, философии исторического процесса, отдельных тенденциях марксизма и немецкой историографии, он в то же время остро чувствовал необходимость защищать чехословацкое государство от нацизма. «Для всех для нас наш народ и народность всегда были, есть и будут исторической ценностью и основным предметом наших исследований и интересов, однако это не должно стать фетишем, ради которого мы бы забыли про общечеловеческие ценности и идеалы, именно в силу того, что нам введомы суть национального. Давайте, наконец, осознаем, что только в здоровом скрещивании телесных и духовных начал – гарантия прогресса, которому европейская образованность благодарна за свою продвинутость, и что каждый народ сможет добиться успехов лишь в ходе плодотворного сотрудничества и состязания с другими народами. Свобода научных исследований и взглядов является для нас не только необходимой, но и весьма желанной предпосылкой познания истины, и давайте же будем уважать себя и других. В наплыве новых направлений стоит учитывать уроки истории, что в пору, когда все подвергается сомнению, самый верный путь – это придерживаться традиций и не терять связей с теми ценностями, которые достались нам в наследство» [13. S. 16–19].

Из доклада Стлоукала вытекает, что методология еще не относилась к первостепенным проблемам чехословацкой исторической науки, что съезд был прежде всего обзором того, что было сделано и что еще сделать необходимо. О позитивном восприятии съезда свидетельствовали отклики в прессе, подробная информация о каждом его дне. Мелкие придирки исходили лишь от левоориентированной Исторической группы, которая подчеркивала свою методологическую зрелость: «Именно доклад Стлоукала об идейных течениях современной историографии, не сопровождавшийся дискуссией, поскольку был задуман как торжественное введение, вызвал много возражений и против общего определения характера истории как науки, и против скороспелых суждений о некоторых направлениях современного историковеда» (см. [14]) (редакционный текст без подписи. В докладе К. Стлоукала особые возражения участников Исторической группы вызывала его резкая критика марксистской историографии).

При обсуждении в 1937 г. вопроса об интервалах между съездами, было решено проводить съезды чехословацких историков каждые пять лет. Однако политическая реальность вскоре изменилась: осенью 1938 г. Чехословакия лишилась своих пограничных территорий, в марте 1939 г. от нее отделилась Словакия (Под-

карпатская Русь отошла к Венгрии), а чешская часть республики в качестве Протектората Чехии и Моравии вошла в состав Третьего рейха. После этого – особенно после начала Второй мировой войны – о съездах историков на несколько лет забыли, прежде всего потому, что никто из ведущих ученых не хотел компрометировать себя сотрудничеством с немцами. Главой Чехословацкого (впоследствии, в годы войны, Чешского) исторического общества стал с осени 1937 г. Стлоукал. Он занимал этот пост до февраля 1948 г., пока не был отозван Оргкомитетом Народного фронта, т.е. историками-марксистами во главе с Ярославом Харватом, к которым перешла власть как в других объединениях, так и во всем государстве [15. S. 129].

Политические перемены, равно как и постепенный уход из жизни самых крупных чешских историков, что вело к постепенной смене поколений в руководстве исторической наукой, стало сказываться в деятельности Исторического клуба и Чехословацкого исторического общества уже с осени 1938 г., когда разные научные группировки пытались объединить усилия в защиту осажденной Чехословацкой республики и пережить войну.

После пассивности чешских историков в 1939–1945 гг., особенно после 1941 г., когда они стремились избежать сотрудничества с нацистами¹, новые попытки провести ревизию состояния исторической науки возникают с освобождением Чехословакии в мае 1945 г. и длятся до общественных перемен в феврале 1948 г. Предпринимаются усилия издать работы, писавшиеся во время войны с перспективой послевоенной публикации. Удалось опубликовать лишь их часть (в том числе и из-за нехватки бумаги), однако в дальнейшем, как правило, они уже не издавались. Мироззрение их авторов расходилось с марксизмом-ленинизмом, они придерживались иных идеологических традиций.

Ситуация в исторической науке начала меняться уже в мае 1945 г., и прежде всего по национальному вопросу, поскольку словацкие историки успели привыкнуть за годы войны к своей независимости от чехов. Чешские историки, не слишком-то понимая их позицию, хотели хотя бы формально восстановить довоенное положение. Однако словаки создают собственное Словацкое историческое общество (1946). Подобная асимметрия, когда одновременно существуют Чехословацкое и Словацкое исторические общества без наличия Чешского, была долгое время источником противоречий между чехами и словаками. В политической сфере они проявлялись с большей очевидностью. Чешская часть государства исходила (фактически до федерализации 1968 г.) из межвоенных представлений о едином чехословацком народе, тогда как словаки однозначно подчеркивали свое национальное своеобразие, свою словацкую идентичность.

К. Стлоукал как председатель Чехословацкого исторического общества и Я. Верштадт, новый староста Исторического клуба, начали после окончания войны готовить Второй съезд чехословацких историков, причем, памятуя прежнее решение устраивать съезды раз в пять лет, было решено провести его в 1947 г. – в десятую годовщину первого съезда. Организовать новый съезд вне Праги, как было обещано в 1937 г., для поддержки университетских центров (предлагались Брно или Братислава) [10. S. 57], они не смогли.

Оргкомитет, включая Й. Клику, который, как указывалось выше, обладал большим опытом проведения подобных научных акций, помещался в Праге, готовить съезд в Брно оказалось затруднительным, тем более, что тогдашние брненские

¹ В начале войны историки пытались издавать сочинения Франтишека Палацкого, подчеркивать чешскость исторических личностей, но очень скоро стали избегать издательской деятельности и публичных выступлений. Никто из них так и не осудил книгу историка и бывшего министра иностранных дел Камилы Крофты «Бессмертный народ» (1940), которая взбесила нацистское руководство протектората. Однако нашлись журналисты, стремившиеся к коллаборации и фальсификации чешской истории, как это произошло в книге Эмануэля Вайтауэра «Чешский миф» (1943) [16. S. 48–60].

историки не были к этому готовы, словацкая Братислава в связи с возникшими противоречиями между чешскими и словацкими историками вовсе не принималась во внимание.

Идеологическую комиссию, которая решала проблематику съезда, возглавил Я. Верштадт, историк, который в третьей Чехословацкой республике (1945–1948-е годы) обладал исключительным кредитом доверия, данным ему не только из-за близости его взглядов к взглядам Масарика межвоенного периода, но и потому, что исключалась любая возможность его коллаборации с немцами во время Второй мировой войны – в 1939–1945 гг. он был узником Бухенвальда.

Второй съезд чехословацких историков отличался гораздо большей продуманностью, чем первый, что было предопределено не только личностью Я. Верштадта, занимавшегося философией исторического процесса, но, в первую очередь, послевоенными общественно-политическими переменами, на которые надо было реагировать, а также недостаточным интересом к съезду со стороны словаков. Оглядки некоторых историков и политиков на советскую науку надо было учитывать уже весной 1947 г., в начальный период подготовки съезда. Проявилось это, к примеру, в том, что Я. Славик, еще с довоенного периода критически относившийся к В.И. Ленину и И.В. Сталину, не смог прочесть свой доклад на тему «Русская революция и славянство», поскольку историки-марксисты предложили «лучшего», чем он, докладчика – Зденека Неедлы, в то время уже министра чехословацкого правительства, который всю войну прожил в Москве и мог трактовать историю, не раздражая просоветскую среду, обязанную уважать позицию И.В. Сталина [10. S. 57–73]. Историки-коммунисты из окружения Я. Харвата и В. Гусы смогли добиться своей секции, посвященной диалектическому материализму. С основным докладом на ней выступил Я. Харват, который раскритиковал доклад Стлоукала на Первом съезде чехословацких историков в 1937 г. за то, что тот рассматривал диалектический материализм как идеологическую, конфессиональную разновидность историографии, в то время как Харват подчеркивал его актуальность, как инструмента познания истории, «приближенного к жизни» [15. S. 125].

Заседания съезда 5–11 октября 1947 г. открыл К. Стлоукал как председатель общества учредителей совместно с министром образования и просвещения Ярославом Странским. Приветствуя участников съезда, Стлоукал напомнил о погибших во время Второй мировой войны историках и зачитал поздравительные телеграммы президенту республики и председателю правительства [10. S. 194–195]. После выступления Странского К. Стлоукал наметил задачи Второго съезда, подчеркнув широту его проблематики по сравнению с предыдущим съездом.

Второй съезд частично придерживался ретроспективного угла зрения, о чем свидетельствует хотя бы посещение в Лобковицах могилы ученого и политика XIX в. Франтишека Палацкого, при этом в докладах представителей старшего поколения проявлялся интерес к соблюдению нравственных норм как неперемennomu условию работы и поведения историка. Большая, по сравнению с прошлым форумом, злободневность нового съезда определялась постановкой методологических проблем (в том числе в докладах Я. Славика и Франтишка Кутнара об исторической терминологии), обсуждением чешско-словацких отношений, созданием истории Моравии и Силезии, попытками разрешить вопросы о завершающемся нахождении чехов и немцев в рамках одного государства. Нельзя не упомянуть и блок докладов на тему, которой придавалось особое значение: «Наша страна между Востоком и Западом». В нем отражалось положение Чехословакии, все еще опасавшейся Германии и стремившейся стать мостом между западными и восточными союзниками. Подводя итоги работы съезда, Стлоукал, помимо всевозможных благодарностей, вновь подчеркнул «сближение науки с жизнью», которое, однако, не должно происходить за счет потери объективности исторической науки [10. S. 209–212, 274].

Часть историков, связанных с «Социалистической академией» и профсоюзным движением, где верх взяли коммунисты, уже и не стремилась к объективности исторических исследований. Журналист Сава Рацек, активный участник съезда, раскритиковал в печати взгляды ведущих историков К. Стлоукала и В. Халоупецкого, в то время формальных и неформальных руководителей чешской исторической науки: «В ответах докладчиков прозвучал такой пассаж, который стоило бы назвать так: “может ли школьный учитель учить тому, что противоречит кошицкой правительственной программе?”. Профессор Стлоукал на вопрос, что делать школьному учителю, который только что прослушал “доклад профессора Халоупецкого о взаимоотношениях чехов и словаков, отвергающего известные положения кошицкой правительственной программы”²? – ответил, вызвав бурные аплодисменты присутствующих: “Наука делает другие выводы, чем политика. Мы не собираемся протестовать против программы правительства, но права на критику нас не может лишить никакая кошицкая программа”. Никто не собирается ограничивать свободу научных исследований. Но стоило бы задуматься, если бы практикующие школьные учителя сделали из встреченного бурными аплодисментами изречения вузовского профессора вывод, что в средних или даже начальных школах можно учить, пренебрегая основами» (недатированная газетная вырезка «Sáva Racek. Jak vychovávat historika – badatele, jak učitele dějepisu» («Как воспитывать историка-исследователя, а как учителя истории»)) находится в архиве Национального музея в Праге [17]).

Давление историков-марксистов, довольных хотя бы тем, чего им удалось добиться на съезде, возрастало. В ноябре 1947 г. произошло их публичное дистанцирование от съезда, поскольку свободу исследований нельзя трактовать «как произвол в научной работе и злоупотреблять ею для проявления вражды к сегодняшнему народно-демократическому строю» [10. S. 277; 15. S. 126]. Вскоре стало ясно, что многократно упоминавшийся в данной статье Карел Стлоукал – и далеко не только он, но и ряд других историков будут иметь проблемы с коммунистическим режимом, установившимся в феврале 1948 г. Отозванный из руководства Чехословацкого исторического общества Стлоукал, как и Халоупецкий станут редакторами центрального периодического издания – «Český časopis historický», который через несколько лет прекратит свое существование [18. S. 119–147; 19. S. 379–396]. Своеобразным эпилогом Второго съезда чехословацких историков могло бы стать своевременное издание его материалов. Сборник этот издан не был, хотя сделать это еще в 1949 г. пытался Й. Клик. Надеялись, что участие в качестве издателя историка-марксиста Ольдржиха Ржиги увенчается успехом, но этого не произошло [6. S. 197]. Съездовские документы вышли только после падения коммунистического режима.

Перевод Л.Н. Будаговой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Jiroušek B.* Jaroslav Goll. Role historika v české společnosti. České Budějovice, 2006.
2. *Kábová H.* Jozef Vítězslav Šimák. Jeho život a dílo se zvláštním zřetelom k historickej vlastivěde. České Budějovice; Pelhřimov, 2013.
3. *Blůmlová D.* Mezinárodní setkání historiků před první světovou válkou (zejména kongresy v Berlíně a v Londýně). Čeští historici na (ale více o) kongresech historiků // Česká a slovenská účast na mezinárodních kongresech historických věd. České Budějovice, 2006.
4. *Jiroušek B.* The Journals of the Historikal Grup. Prager wirtschafts und socialhistorische Mitteilungen // Prague Economic and Social history Papers. 2010. № 12.
5. *Stloukal K.* VII. Mezinárodní kongres historických věd ve Varšavě/ Český časopis historický. 1933. № 39.

² В. Халоупецкий в докладе показал, что чехословакизм как государственная идеология (единый народ) в Словакии не действует, что словаки к единению с чехами стремились лишь в начале XIX в., потом это прошло, и они осознают себя самостоятельным народом [10. S. 257].

6. *Jiroušek B.* Karel Stloukal – profesor obecných dějin. České Budějovice, 2014.
7. *Stloukal K.* Mezinárodní styky čsl. historiků (Proč byla založena Čsl. společnost historická ?) // *Vědecký svět.* 1936. 15 IV.
8. *Slavík J.* Vznikla celostátní organizace čs. historiků // *Národní osvobození.* 1935. 26.11.
9. *Jiroušek B.* Josef Klik. Historik ve stínu Josefa Pekaře. České Budějovice, 2011.
10. *Kostlán A.* Druhý sjezd československých historiků (5.–11. října 1947) a jeho místo ve vývoji českého dějepisectví v letech 1935–1948. Praha, 1993.
11. *Stloukal K.* Zum I. Kongress der tschechoslovakischen Historiker. Prager Presse 1.5.1937. Co očekáváme od 1. sjezdu čsl. historiků v Praze. *Dějiny a přítomnost.* 1937. № 1.
12. Archiv Národního muzea v Praze. Fond Karel Stloukal. Karton 94. Program I. sjezdu československých historiků.
13. *Stloukal K.* Hlavní proudy v současné historiografii // *První sjezd československých historiků.* Praha, 1938.
14. Po prvním sjezdu československých historiků / *Dějiny a přítomnost* 1, 1937. S. 211–212.
15. *Jiroušek B.* Historik Jaroslav Charvát v systému vědy a moci. Praha, 2011.
16. *Jiroušek B.* Wajtauertův Český mythus jako paradigmatický text české kolaborační historiografie // *Kolaborace. Kolaborace? Kolaborace!* České Budějovice, 2007.
17. Archiv Národního muzea v Praze. Fond Karel Stloukal. Karton 94. Složka II. Sjezd čsl. historiků.
18. *Jiroušek B.* Zánik Českého časopisu historického po únoru 1948 ve světle dobových dokumentů // *Český časopis historický.* 2009. № 107.
19. *Jiroušek B.* Časopis «Sovětská věda – Historie» jako «vzor» historikovy práce a nástroj ideologizace vědy // *Soudobé dějiny.* 2013. № 20.

G. LAMI. L'Europe Centrale et Orientale au XIXe siècle d'après les voyages du romancier et journaliste suisse Victor Tissot. Paris, 2013. 213 p. Index des noms.

Д. ЛАМИ. Центральная и Восточная Европа XIX в. в произведениях путешественника, романиста и журналиста Виктора Тиссо

Джулия Лами, профессор Миланского университета, известная исследовательница истории России и Восточной Европы написала книгу, которую можно было бы очень коротко назвать эссе об очередном аспекте «ориентализма». Это эссе продолжает тему изучения конструирования искусственного образа европейского Востока. Фактически это книга о глубокой культурной пропасти, лежавшей в XIX в. между западом Европы и странами, которые описывались рядом клише, закреплявших традицию ментального и психологического отчуждения между образованным обществом «латинской» Европы и всем остальным миром.

Виктор Тиссо (1844–1917) – швейцарец, выходец из семьи нотариуса, проделал типичную для его среды образовательную траекторию: коллеж и лицей в Швейцарии, факультеты права в университетах немецкого Фрайбурга, Тюбингена и Вены. Однако он не стал юристом, так как уже в молодости пристрастился к литературному творчеству, сочиняя патриотические стихи, поэмы, новеллы и сборники сказок. Переехав в Париж, он стал журналистом, очень переживал поражение Франции в войне 1870–1871 гг. В 1875 г., совершив долгое путешествие по Германии, он опубликовал книгу, принесшую ему широкую известность и первые крупные доходы профессионального литератора. Это «Путешествие в страну миллиардов» (намек на громадные французские репарации в пользу Германии), проникнутую настроением острой националистической вражды

к немцам. За несколько месяцев было продано 100 тыс. экземпляров этого сочинения, а в 1875–1895 гг. вышло еще 20 (!) изданий книги. После первого успеха Тиссо написал одну за одной еще серию книг на ту же тему и с тем же острым антигерманским содержанием, а за год до смерти, в 1916 г., возобновил расширенное издание «Путешествия...», сопроводив его новыми материалами.

Параллельно с сочинениями на немецкую тему он написал многочисленные репортажи о своих подлинных и вымышленных путешествиях по Венгрии, дунайскому бассейну, немецкой части Габсбургской империи, России, компилировал сведения других авторов о разных странах и народах Европы и мира, любовные и «авантюрные» романы, имевшие большой успех, несмотря на их литературную посредственность. Самым доходным из этих романов стала «Жизнь в Сибири, или приключения трех беглецов» (1881 г. и многочисленные переиздания под модифицированными названиями). Ряд опубликованных им книг написаны по мотивам или являлись переводами произведений других авторов, в том числе Э. Ожешковой, Л.Н. Толстого и А. Шопенгауэра. Наконец, он руководил литературным приложением к «Le Figaro», книжными сериями «Ашетт», создал ряд журналов таблоидного типа, адресованных публике попроще... Разбогатев, Тиссо приобрел дорожную недвижимость и выступил в новом амплуа – девелопера. Иными словами, Д. Лами имела дело с едва

ли не архетипическим случаем коммерческой журналистики. И именно в этом качестве и личность В. Тиссо, и подписанный его именем огромный поток литературной и околотитулярной продукции (на с. 136 Д. Лами делает убедительное предположение, что на Тиссо работал ряд «литературных негров») интересен историку.

Одна из глав книги посвящена биографии Тиссо, а четыре других (последовательно) его сочинения о Германии, Австро-Венгрии, России и Швейцарии. Глава о России имеет подзаголовок «вымысел и репортаж», но такой же подзаголовок был бы уместен и в других главах (кроме, может быть, родной Тиссо Швейцарии).

Без сколько-нибудь заметных угрызений совести он продавал читателям смесь личных наблюдений, того, что ему «кажется» и привиделось, того, что он услышал и того, что он судя по всему, просто выдумал как романист и пропагандист, на основе отложившихся в сознании, начиная с детства, образов. Все это, однако, подавалось как сведения о существующих «на самом деле» людях, культурах, народах. При этом чаще всего речь идет не о мистификациях, а о лихо и беззастенчиво воздаваемых и воспроизводимых стереотипах. Из них в «общественном мнении» и Западной Европы, и других регионов (в том числе и тех, что описаны самим Тиссо) возникает подчиненный логике «ориентализма» набор представлений об «Европе» и «не-Европе», мире цивилизованном, не вполне цивилизованном и вполне не-цивилизованном.

Победившие Францию немцы предстают людьми, проникнутыми агрессивным тевтонским духом, любящими дисциплину, прусский милитаризм, строгую иерархию, несущими в генах антропофагию времен Тридцатилетней войны (см., напр., с. 31), привыкшими жить нечистоплотно среди очень грязных улиц, не знающими теплых чувств в семейных отношениях и т.д. Берлин для Тиссо – олицетворение скучного и отталкивающего, бездушного и не-элегантного *Ordnung*. Тиссо, якобы, смог проникнуть даже в частные апартаменты самого Бисмарка (с. 46–47), и они произвели на него гнетущее впечатление, передававшее отвратительный характер их хозяина. Оппоненты Бисмарка, Бебель и Либкнехт, с которыми Тиссо, может быть, в самом деле познакомился, хороши только тем, что очень не любят Бисмарка и созданный им порядок. Немецкая же социал-демократия в целом привлекала автора

тем, что она несла гибель ненавистной Германской империи. Франция и французы оказались, соответственно, невинными жертвами бездушной прусской военной машины. Единственной привлекательной чертой немцев Тиссо находит их преданность своей *Vaterland* (с. 65).

Но вот Вена, по словам Тиссо, – это «германская Япония»; она – совсем не немецкий город. Тиссо писал: «Я прибавляю с удовольствием, что все немецкое здесь ненавидят» (с. 87). Поездка в Вену дает, с другой стороны, возможность поразить читателя макабрическим описанием того, как в 1848 г. здесь был повешен повстанцами военный министр граф Лятур, а потом еще и малоправдоподобными, выдержанными в стилистике фильмов ужаса деталями визита в венскую тюрьму, который завершается подробным описанием казни преступника четырьмя палачами, следить за всеми действиями которых французскому журналисту, якобы, разрешили...

Продолжая передавать свои впечатления, Тиссо легко переключался на описаниях прелестей венских девушек и венгерских цыганок, чередуя их с напоминаниями о зверствах, которые в этих краях в прошлом творили варвары-турки. Венгрия в его репортажах – страна ярких и экзотических этнографических типов, очаровательных пейзажей, лесных разбойников, зажигательного чардаша и соблазнительных юных крестьянок, рядом с которыми он не забывал упомянуть, к вящему удовольствию парижской читающей публики, и новые сведения о том, каким именно образом в Венгрии осуществлялись и осуществляются повешения преступников.

В аналогичных ключе и стилистике представлена и Россия в двух романах, которые Тиссо быстро написал вместе с К. Амеро еще до того, как ему довелось посетить описываемую страну, интересную ему как арена борьбы террористов и самодержавной власти. Эти книги рассказывают о «нигилистах» из благополучной помещичьей среды, которые камуфлируют дебошами свою революционную активность, сводящуюся, главным образом, к подготовке убийств и убийству их противников. От таких сюжетов В. Тиссо и его соавтору было легко перейти к описанию страданий депортированных революционеров и польских патриотов в страшных рудниках Сибири, и посвященный этому роман имел, как сказано, успех, обеспечивший ряд переизданий.

Собираясь поехать в Россию, Тиссо написал и книгу под названием «Русские и немцы» под впечатлением царевубийства 1 марта 1881 г. В ней высказано желание дать «научное» («scientifique») представление о том, как подрывная деятельность русских революционеров-террористов связана с тем, что российские правящие круги состояли сплошь из... немцев. При этом в основу книги, как показывает Д. Лами, легли сведения, заимствованные у германских авторов (Ю. фон Экардта и Ф. фон Лёера). У книги есть политико-идеологическое мотто: после Берлинского конгресса «союз трех императоров» невозможен, а перспектива сближения России с Францией и Англией становится реалистической. Антигерманские настроения внутри России, эксплуатируемые ненавидящими немецко-русскую бюрократию революционерами, выльются в славяно-германский антагонизм, в котором, может быть, могучей, но пока еще варварско-дикой стране удастся сокрушить выросшую из другого, древнего варварства прусскую военную силу.

Создав эту концепцию на основе прочитанной литературы, Тиссо отправился в путешествие по Российской империи, начав с австро-русской границы и Львова, который показался ему городом вполне «гостеприимным и очаровательным» (с. 150). Во время поездки по украинским землям его внимание привлекали преимущественно евреи и православные священники; и те, и другие представлены автором в очень негативном свете; очень плохо зная Украину и Россию, Тиссо тем не менее с легкостью, как пронизательно заметила Д. Лами (с. 158) приписал «руководящим классам» империи Романовых сложившийся в средневековой католической Европе взгляд на евреев и иудаизм. Описывая различия между Украиной и Великой Россией, Тиссо с благодарностью и часто опирается на Гоголя; а его впечатления от теплого приема в дворянских усадьбах (в которых Тиссо, может быть, и не был) полны реминисценциями, идущими от Тургенева. В других случаях сильно влияние Толстого и Достоевского. Кроме того, Д. Лами показывает, насколько сильно на путешественника Тиссо воздействовало не столько то, что он увидел, сколько то, что он прочитал об Украине и России у А. Лёруа-Больё, А. Рамбо, Э. Дюрана, Э.-М. де Воюэ и других французских авторов. При этом Тиссо утверждал, будто видел своими глазами все им описанное (с. 167). Д. Лами и мы вслед за ней имеем

все основания не доверять в этом французскому журналисту. Киев и Москва ассоциировались у него с роскошью и изобилием «Востока», как и вся православная культура; «воображение малороссов совершенно южное; доверчивые, как дети, они любят фантастические истории о чудесах; они верят в существование духов, фей, русалок и колдунов» (с. 167; влияние Гоголя тут почти очевидно). Тиссо утверждал, что один из киевских студентов любезно и быстро, при первом же знакомстве, согласился познакомить его с университетом, а в стенах университета Тиссо столь же быстро составил представление о том, что киевские студенты своим грустным видом выдают, насколько они отличны от студентов Франции. Россию от Европы резко отличает граничащее с обожествлением отношение к царям; русские мужики – совершенно иной тип людей, чем те, кого вы встретите в Петербурге; «душа России», конечно же, там, в деревне, среди «мужиков»; душа эта, конечно же, – «православная»; об этом можно догадаться и посетив Кремль, столь отличный, как и Москва в целом, от достопримечательностей Петербурга, который больше «немецкий», чем славянский город; вместе с тем в Москве ясно видно, насколько Россия породнена с Азией. И снова Тиссо оказался на экскурсии в тюрьме, и снова подробно рассказал о некоем палаче Иване Фролове, с которым француз был, якобы, без затруднений сведен московскими жандармами. Жесткие тюремные порядки, российское пьянство, переполненные трактиры рядом с французскими ресторанами, суровая зима, цыганки в Стрельне под Петербургом, тройка, уносящая в снега его новых друзей в темную даль – все это не может не завершиться банальным и привычным профетическим восклицанием о «стране чудес, полной загадок и контрастов» (с. 190).

Д. Лами написала очень полезную и яркую книгу, которая снова убедительно напомнила нам, насколько ненадежны описания подлинных и мнимых путешествий по Восточной Европе и славянскому миру, особенно в том случае, если мы имеем дело с коммерческой журналистикой. С другой стороны, рецензируемая книга – прекрасный пример описания механизмов, которые создавали и создают ложные образы или «Востока», или «нации-врага» в исторической памяти европейских обществ.

А.Ю. БАЖЕНОВА. Историки Императорского Варшавского университета 1869–1915: просвещение, наука, политика. Люблин, 2014. 408 с.

История российских университетов – одно из активно развивающихся направлений в отечественной исторической науке. За несколько последних лет появилось немало исследований, анализирующих те или иные стороны жизни дореволюционной высшей школы России [1; 2]. Особый интерес в этой связи представляет история Императорского Варшавского университета (ИВУ). «В отечественной науке до сих пор нет общей истории Варшавского университета», – писал автор этих строк еще 15 лет назад [3. С. 3]. С сожалением нужно констатировать, что ситуация изменилась мало – полной истории университета на русском языке до сих пор не создано. По-прежнему востребованным исследованием остается первая часть книги С.Е. Белозерова [4], а также посвященные университету статьи А.Е. Иванова, анализирующие отдельные страницы истории университета [5; 6]. Существует описание истории Варшавского университета польских авторов; основное внимание, они уделяют периодам его существования как польского высшего учебного заведения (1815–1869 и с 1915 г.) [7; 8]. Следует отметить, что слабая изученность истории университета вызывала озабоченность у польских историков науки еще в 1980-е годы – уже тогда предпринимались попытки включить историю русского Варшавского университета в общую историю польского высшего образования и науки [9. S. 192–198].

Российскими историками после 2000 г. опубликован ряд сочинений по истории гуманитарных факультетов ИВУ – юридического и историко-филологического [10; 3; 11]. Поэтому вышедшая недавно книга научного сотрудника Института Центрально-Восточной Европы в Люблине А.Ю. Баженовой «Историки Императорского Варшавского университета 1869–1915: просвещение, наука, политика» может рассматриваться как итоговая работа.

Достоинством книги является scrupulousность и внимание к деталям. Книга состоит из трех глав. В первой даются общие сведения об университете, вновь подчер-

кивается противоречивое положение этого высшего учебного заведения, призванного проводить политику русификации на польской по языку и культуре территории. Здесь же информация об эволюции структуры историко-филологического факультета, которая за время его существования не оставалась неизменной. Так, в частности под воздействием революционных событий в 1908 г. была открыта кафедра польского языка и польской литературы, которую занял профессор Ф.Ф. Вержбовский.

Действительно новаторской по отношению к тематике книги является вторая ее глава, в частности первый параграф, в котором автор делает попытку создать просопографический портрет историков университета. Автор, справедливо отмечая, что историей в ИВУ занимались многие представители неисторических кафедр (филологи, юристы), для анализа выбирает исключительно преподавателей, работавших на чисто исторических кафедрах русской и всеобщей истории. В книге тщательно классифицируются профессора и преподаватели по возрасту, стажу работы в университете, месту рождения, наградам и т.п. Перечисляются университеты, в которых они обучались и где позже защищали магистерские и докторские диссертации. Автор присоединяется к точке зрения о том, что отсутствие магистров и докторов истории (добавим от себя – и почти полное отсутствие лиц со степенями по иным отраслям наук), полученных в ИВУ, в начале XX в. объяснялось непрестижностью «варшавских» степеней. Сведения, собранные автором в этом параграфе, весьма любопытны сами по себе, но ценности им прибавили бы некие общие выводы, будь они сформулированы.

Специальное внимание Баженова уделила преподавательской деятельности историков университета. Следует подчеркнуть, что наряду с широким известными мемуарами Н.И. Кареева и не столь известными, но упоминавшимися уже историками ИВУ воспоминаниями юриста К.Н. Тура,

ею использованы воспоминания польских авторов, а также многочисленные письма бывших студентов и преподавателей ИВУ, хранящиеся в архивах России, Украины и Польши. Это позволило значительно дополнить и расширить существующее в историографии представление о профессиональной деятельности многих ученых-историков и не только, поскольку в этом параграфе автор, опираясь на упомянутые мемуары Тура, приводит сведения и о преподавании исторических дисциплин на юридическом факультете.

В третьей главе книги Баженова характеризует научные достижения историков ИВУ. Следует подчеркнуть, что в этом разделе она также не ограничивается сочинениями ученых, занимавших исторические кафедры, но исходит из наличия у того или иного автора исторических работ. Поэтому в параграфе «История России в работах варшавских ученых» ею последовательно характеризуются сочинения, написанные не только сменявшими друг друга во главе кафедры русской истории Н.Я. Аристовым, А.Ф. Копыловым, А.И. Никитским, Н.П. Барсовым, Д.В. Цветаевым, И.П. Филевичем, И.П. Козловским, Г.Г. Писаревским, но и преподававшими на юридическом факультете Ф.И. Леонтовичем и Д.Я. Самоквасовым. Затем она обращается к изучению в Варшавском университете всеобщей истории (специальным образом выделяя историю Польши). Здесь также ее внимание привлекли сочинения как чистых историков О.М. Ковалевского, А. Павинского, Н.И. Кареева, Д.М. Петрушевского, Н.Н. Любовича, Л.Н. Беркута, так и филологов-славистов П.А. Кулаковского, К.Я. Грота, И.И. Первольфа, В.А. Макушева, А.Л. Погодина, филологов-классиков Н.Я. Благовещенского, С.И. Вехова, а также преподававших на юридическом факультете В.А. Александренко и Ф.Ф. Зигеля. Столь всеобъемлющий подход позволил Баженовой показать широкую палитру исторических исследований в Варшавском университете за все время его существования. Вероятно, это и является главным достоинством третьей главы – сведения воедино ранее в совокупности не рассматривавшихся ученых-историков (притом что абсолютному большинству из них посвящены специальные историографические работы). Специально рассмотрев имеющиеся в историографии характеристики научных школ, автор склоняется к справедливому выводу о невозможности сформулировать признаки

варшавской школы в исторической науке (в отличие от существовавших московской, петербургской, киевской школ) и, как следствие, об отсутствии таковой (параграф первый третьей главы).

Наряду с перечисленными серьезными достоинствами книги она не свободна от некоторых недостатков. Поскольку книга написана на основе докторской (по польской классификации) диссертации, защищенной в Люблинском Католическом университете им. Иоанна-Павла II, то имеет традиционную для диссертаций, но не безусловно необходимую для научных книг структуру. Так, при наличии подробных примечаний в ней имеется обширный список источников и литературы (с. 353–407), но нет никаких указателей (в первую очередь, нужен, конечно, именной). Это затрудняет ее использование как справочника, а между тем в этом качестве она могла бы быть, безусловно, полезна.

Диссертационный характер текста, к тому же изначально рассчитанный на польского читателя, как представляется, обуславливает и еще одно излишество – наряду с многими интересными новаторскими моментами книга не свободна от длиннот, включающих общеизвестные факты (например, в том же первом параграфе третьей главы, озаглавленном «Расцвет русской историографии во второй половине XIX века»).

В целом же следует заключить, что А. Баженовой написана полезная книга, подводящая определенный итог изучению истории гуманитарной составляющей Варшавского университета. Тем значимее становится создание общей его истории, или, во всяком случае, исследование естественных факультетов, которое пока не сделано в отечественной науке.

© 2016 г. С.И. Михальченко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишленкова Е., Гацуллина Р., Ильина К. Русские профессора: Университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012.
2. Университет и город в России (начало XX века). М., 2009.
3. Михальченко С.И. Юридический факультет Варшавского университета. Краткий исторический очерк. 1869–1917. Брянск, 2000.
4. Белозеров С.Е. Очерки истории Ростовского университета. Ростов-на-Дону, 1959.
5. Иванов А.Е. Варшавский университет в конце XIX – начале XX века // Польские про-

- фессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.). Варшава, 1995.
6. *Иванов А.Е.* Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект // Отечественная история. 1997. № 6.
 7. *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego. 1815–1915.* Warszawa, 1979.
 8. *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego. 1915–1939.* Warszawa, 1982.
 9. *Historia państwa i prawa Polski.* Warszawa, 1982. Т. IV.
 10. *Краковский К.П.* Нить времени: История юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского университета. Ростов-на-Дону, 2003–2005. Т. 1–2.
 11. *Михальченко С.И.* Историко-филологический факультет Варшавского университета. 1869–1917: Очерк истории кафедр. Брянск, 2005.

Славяноведение, № 3

Л.С. ЛЫКОШИНА. Польско-польская война. Политическая жизнь современной Польши. М., 2015. 257 с.

На политической сцене современной Польши сложилась несколько парадоксальная ситуация: при доминировании во власти двух правых партий между ними идет столь яростная борьба, что перед ней временами меркнут даже баталии правых с посткоммунистами. При внешней схожести программ и концепций две эти партии воплощают в себе два разных подхода к основополагающим вопросам жизни страны. Влияние, которое приобрела Польша в Европе, не позволяет с пренебрежением отмахнуться от этой борьбы, списав все на «бурю в стакане воды». Наоборот, дабы понимать мотивы поведения польских политиков, необходимо учитывать факт глубокого водораздела, пролеглий между вчерашними единомышленниками.

Состояние «польско-польской войны», однако, не является отличительной чертой лишь последних десяти лет (именно столько продолжается соперничество двух правых партий – Гражданской Платформы и Права и Справедливости). Напротив, глубокая конфликтность во все времена характеризовала польский парламентаризм (за исключением, пожалуй, периода ПНР, когда фактически была однопартийная диктатура). Однако, если предыдущие периоды этой «войны» в большей или меньшей степени описаны в науке и публицистике, то современная ее версия не успела найти обобщающего анализа. Книга Л.С. Лыкошиной является в этом смысле неочинным пособием для всех, кто хочет разобраться в происходящем сегодня в Польше.

Монография необычна тем, что главное внимание она сосредотачивает на личностях – прежде всего, братьях Качиньских и Д. Туске. Такой подход весьма облегчает понимание, делая книгу доступной неспециалисту, но и вредит ей, так как за перипетиями биографий не всегда видны концептуальные различия между двумя противоборствующими силами. А неожиданные и остроумные наблюдения автора (вроде того, что у более правой партии Качиньских более левый электорат) лишь сильнее запутывают дело.

Л.С. Лыкошина – одна из крупнейших российских специалистов по новейшей истории Польши. Но именно эта глубокая вовлеченность в тему иногда играет с автором злую шутку. На страницах монографии мелькает масса фамилий, которым не дается никаких пояснений, словно речь идет о чем-то общеизвестном. Используются и чисто польские выражения, вроде «санация государства» или «контрактный сейм»: полякам они ясны, а вот россиянам – далеко не всегда.

Встречаются в книге также досадные ошибки, вкравшиеся явно по недосмотру автора. Так, если верить книге, Я. Качиньский называл правительство Д. Туска «польско-российским кондоминиумом», тогда как на самом деле – «немецко-российским». А, к примеру, на с. 213 в ссылке указаны одинаковые годы жизни эмигрантских публицистов Е. Гедройца и Ю. Мерошевского (1906–2000), хотя Мерошевский скончался еще в 1976 г.

И все же, данные промахи выглядят не столь уж существенными на фоне куда более впечатляющих достоинств книги. В-первых, монография дает исчерпывающее представление о жизненном пути, психологии и мировоззрении ключевых фигур политической жизни современной Польши – Д. Туска и Я. Качиньского. При этом книга избегает эмоциональных оценок, что особенно важно ввиду «восточной политики» Польши, где ее интересы сплошь и рядом пересекаются с интересами России. Сблзны показать того или иного героя книги как «русофоба» или «русофила» действительно велик, однако, мы не найдем подобного рода характеристик на страницах книги. «Польско-польская война» – не идеологическое пособие для выяснения вопроса, кто из поляков нам друг, а кто – враг. Эта книга предназначена для тех, кто хочет понять Польшу, а не для тех, кто ищет очередной «ответ Чемберлену».

Во-вторых (и, пожалуй, впервые), в монографии описывается роль католической церкви в современной Польше. Общеευропейский процесс секуляризации не миновал родину Иоанна Павла II, что оказывает воздействие на традиционно активную роль костела в политике. В этом вопросе автор также следует своему принципу показывать картину во всей полноте, описывая как изменение отношения к церковной иерархии со стороны политических ли-

деров (в монографии не раз подчеркивается демонстративный антиклерикализм Д. Туска), так и внутренние размежевания в самой иерархии и среди духовенства. Католическая церковь предстает в книге не грозным монолитом, вроде КПСС, а живым организмом, в котором даже находится место для критики церковного руководства.

Наконец, в-третьих, книга оказывается неожиданно животрепещущей для России, так как описывает по сути тот же раскол общества на «либералов» и «патриотов», который характеризует и состояние политической активной части российского народа в наши дни. Подобный параллелизм, весьма неожиданный для столь разных стран, невольно наводит на мысль об определенной схожести путей развития двух народов после крушения советского блока. При этом данная дилемма в Польше решается по-своему – путем периодической смены двух партий у власти и колебаний симпатий избирателей (в зависимости от приоритета задач, стоящих перед государством). Сколько еще продлится доминирование правых, можно только гадать. Пока же общество все так же расколото, а «польско-польская» война продолжается. А значит, монография Л.С. Лыкошиной еще долго будет сохранять актуальность.

© 2016 г. В. Волобуев

Славяноведение, № 3

Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей. СПб., 2014. 142 с.

Вышедший в 2014 г. в издательстве Санкт-Петербургского университета коллективный труд «Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей» создавался, преимущественно, сотрудниками кафедры славянской филологии филологического факультета СПбГУ, работающими по направлению славяно-германской компаративистики. Инициатором и главным разработчиком концепции этой новой учебной и научной специализации, на сегодняшний день уже ставшей своеобразным брэндом факультета, является д-р филол. наук М.Ю. Котова. Она выступила ответственным ре-

дактором труда, автором введения и двух статей – о творчестве Й. Шкворецкого и М. Левицкой. Авторами прочих разделов стали молодые сотрудники кафедры: В.С. Князькова (статья о Л. Мнячко), О.В. Раина (о Дж. Конраде), А.Г. Бодрова (о И. Цанкаре, И. Секулич и А. Карлин), а также привлеченный «внешний» автор – профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета д-р филол. наук Е.Е. Бразговская (статья о Ч. Милоше). Как указывается во введении, появление данной книги связано общей концепцией с изданными ранее, в 2010–2011 гг., сборниками научных

статей «Славяне в неславянских странах» (отв. редактор – М.Ю. Котова), в которых, помимо обоснования актуальности славяно-германской компаративистики, также уже делались попытки описать «сегменты идентичности» отдельных славянских писателей. В настоящей же работе данная проблематика выходит на первый план.

Авторский коллектив поставил перед собой задачу найти в текстах выбранных писателей славянского происхождения доказательства их собственной самоидентификации и идентификации их героев, используя различные филологические методики, часто на грани литературоведения и лингвистики. Одним из интересных аспектов, на котором сосредоточивают свое внимание авторы труда, является вопрос о том, какие биографические, психологические, культурно-исторические, политические и прочие факторы определяют национальную идентичность того или иного автора.

Так, в произведениях известного писателя польского происхождения Джозефа Конрада (1857–1924), писавшего исключительно на английском языке, присутствуют многочисленные общие составляющие польской культуры, тематические, художественные мотивы произведений польской литературы. Наряду с частыми упреками в адрес Дж. Конрада по поводу активного употребления им полонизмов, ошибок при использовании английских времен, причудливой пунктуации, британские исследователи не могли не отметить необычную ритмику его прозы, образность и музыкальность и признавали заслугу писателя в привнесении в английскую прозу «новой мелодики». Все вышеперечисленные черты писательского стиля Дж. Конрада зачастую определяются западными литературоведами именно как отражение его славянской души.

Формирование национальной и культурной идентичности другого значительного славянского писателя словенца Ивана Цанкара (1876–1918) базировалось на противоречиях: долго живя вдали от своего народа, он то воспевал его, то обрушивался с критикой, при этом в его произведениях родина нередко соотносилась с матерью, но с матерью умершей. С одной стороны, в сочинениях И. Цанкара присутствуют признаки европейского модерна, с другой стороны, автор во многом оставался в рамках традиций национальной литературы. В конечном итоге, делает вывод автор статьи о творчестве писателя А.Г. Бодрова, разнонаправленные импульсы в его произведениях и создавали то напряжение,

которое привело к культурному взрыву, к перекодировке словенской национальной идентичности и обновлению словенской литературы в целом.

Диалектически проблема национального и наднационального решается и в произведениях сербской писательницы Исидоры Секулич (1877–1958). Уважительно относясь к культурному и историческому наследию сербского народа и мысля себя его неотъемлемой частью, она стремится сделать свою национальную культуру полноправной участницей цивилизационного культурного диалога с другими странами. Именно этот синтез национального своеобразия и восприятия опыта других народов определяет, по мнению писательницы, плодотворное развитие любой национальной культуры. Емкой метафорой культурных взаимосвязей между различными регионами мира является созданное И. Секулич понятие литературных изохимен – линий, соединяющих пространственно удаленные, но художественно близкие феномены. Особенно явственно принцип литературных изохимен проявился в ее травелоге «Письма из Норвегии», где он предстает как инструмент диалога культур, норвежской и словенской, оказывающихся, в сущности, совсем не такими далекими, как могло показаться на первый взгляд.

Рассматривая биографию и творчество Альмы М. Карлин (1889–1950), А.Г. Бодрова приходит к выводу, что они вовсе не укладываются в определенные национальные рамки. Словенка по происхождению, А. Карлин родилась в Австро-Венгрии, впоследствии являлась гражданкой Югославии, а писала по-немецки. Из-за такой «пограничной» биографической ситуации все творчество писательницы фактически демонстрирует условность категории нации и подтверждает перспективность изучения феномена национальности как конструкта.

Совсем иначе решается вопрос национальной самоидентификации словацким писателем Ладиславом Мнячко (1919–1994), чья судьба, творчество и взгляды полны не меньших противоречий и загадок. Родившийся в Моравии, воспитанный в рабочей среде словацкого города Мартина, работавший в Праге и Братиславе, эмигрировавший сначала в Израиль, затем в Австрию, и, в конце концов, снова вернувшийся на родину, Л. Мнячко сам мучительно искал ответ на вопрос о своей национальной принадлежности. Его формирование как личности происходило в годы первой Чехословацкой Республики и зарождавшегося в Европе фашизма, что сильнее всего повлияло на его жизненную

позицию: до последних дней он оставался приверженцем чехословакизма и питал отвращение к любому проявлению нацизма и фашизма. Именно поэтому в качестве основы самоидентификации Л. Мнячко избирает для себя концепцию чехословакизма, которая на всю жизнь становится для него стержнем, настоящей опорой в вихре его меняющегося мировоззрения.

Автор главы о польском поэте и философе Чеславе Милоше (1911–2004) Е.Е. Бразговская заостряет свое внимание на процессе и формах самопознания и самоидентификации в творчестве писателя. Одним из любимых жанров Ч. Милоша, демонстрирующим непрерывную авторскую рефлексию, являются маргиналии – различные комментарии, толкования текстов, мысли «на полях». Таковы, к примеру, его книги «Сад наук» и «Выписки из необходимых и полезных книг», в которых через комментирование чужих текстов он открывает себя и обозначает глубокую духовную связь, единение с другими авторами. Еще одним инструментом самопознания и самоидентификации Ч. Милоша становятся многочисленные комментарии к собственным текстам, автопереводы и комментарии к ним. В совокупности с оригинальными текстами произведений они создают так называемый метатекст, в котором значительно расширяется поле интерпретации и нередко высвечивается то, что в основном тексте содержится лишь в зародыше. Рассматривая вопрос о поисках автором аутентичности, Е.Е. Бразговская рассуждает о тех глобальных дискурсах человеческого существования, которые определяют наше видение мира и то, что и как мы пишем. Это, в первую очередь, язык и культура. Кроме того, гипертекстовая природа нашего мышления часто не позволяет очертить определенные границы своего *я*, и милошевские маргиналии – одно из проявлений «власти культуры» над субъектом. Таким образом, делает вывод автор статьи, по-видимому, следует допустить, что аутентичность – это категория подвижная и границы *я* тоже подвижны. В заключение она приводит слова самого Милоша: «Мое *я* подобно инварианту, к которому бесконечно стремлюсь, который пытаюсь открыть, обнаружить, облечь в слова. Но инвариант ускользает, поскольку *я* сам постоянно “доставляю”, обновляюсь и существую в зоне интерференции – на границе между *я* и *не-я*» (с. 87–88).

Знаковая фигура чешской эмигрантской литературы, чьи произведения во многом посвящены теме самоидентификации и са-

моощущения эмигранта, – Йозеф Шкворецкий (1924–2012). Его чешскоязычная проза адресована, в первую очередь, собственным соотечественникам, оказавшимся, как и он, в Канаде, и, вероятно, только ими и может быть понята до конца. Причина этого кроется и в многочисленных англоязычных вкраплениях в тексты, часть из которых уже обрела «чешское» звучание, и в особом ассоциативно-скачкообразном стиле повествования, насыщенном многочисленными сопоставлениями прошлого на родине и настоящего в эмиграции, своего и чужого, личного и общего. В случае с Й. Шкворецким, заключает автор очерка о нем М.Ю. Котова, постановка проблемы идентичности значительно актуализировалась на фоне чужого, в условиях эмиграции, как это не раз бывало на жизненном и творческом пути многих других деятелей культуры.

Наконец, последняя статья книги посвящена анализу творчества Марины Левицкой (род. 1946), совмещающей в себе два культурных потенциала – английский и украинский. Романы писательницы, происходящей из украинской семьи, а выросшей и прожившей всю жизнь в Великобритании, рассказывают о судьбах украинских, польских и русских мигрантов в Соединенном Королевстве, и все они объединяются общей проблематикой самоидентификации личности в контексте двойственного сознания в условиях «переходной ситуации», в которой находятся мигранты. Герои Левицкой идут по пути самопознания через осознание своей идентичности, не только национальной, но и профессиональной, социальной и семейной. Британская критика единодушно расхваливает комизм ее произведений, однако, задается вопросом М.Ю. Котова, в чем состоит природа этого комизма? И одинаково ли смеются над бесцеллерами М. Левицкой украинцы, русские, поляки и англичане? Она рассуждает о лингвистической природе комического в прозе Левицкой, перечисляя различные используемые ею комические приемы. Одним из них, к примеру, является создание речевых портретов мигрантов, изъясняющихся по-английски с ошибками, как случайными, так и типологическими, касающимися словоупотребления и грамматики.

Известно, что понятия самоидентификации и идентичности выходят на первый план и получают наиболее активную разработку в так называемых «постколониальных исследованиях» Э. Саида, Г. Спивак и других литературоведов, которые начиная с 1980-х годов занимаются анализом самопознания личности в процессе столкно-

вения двух культур – бывшей колонии и бывшей метрополии. На эти труды ссылается М.Ю. Котова и в статье о творчестве М. Левицкой, и в заключении к коллективному труду, отмечая, что в последние годы данная проблематика становится все более актуальной при изучении зарубежных славянских литератур. Действительно, с недавнего времени рассмотрение творчества тех или иных писателей с точки зрения их национальной идентификации, поисков идентичности все чаще является темой исследований литературоведов-славистов (многие из таких работ можно найти в библиографии, приведенной в конце книги). Однако подобный труд, в котором были бы собраны очерки о целом ряде славянских писателей, принадлежащих разным эпохам и происходящих из разных стран, издается впервые, и потому по-своему уникален.

Особое внимание обращает на себя круг писателей, чье творчество анализируется в книге. Здесь как писатели-эмигранты, всю или большую часть жизни прожившие вдали от своей родины – в Великобритании, США, Канаде (Дж. Конрад, Ч. Милош, Й. Шкворецкий, М. Левицкая), так и авторы, родившиеся и творившие в многонациональных государствах: Австро-Венгрии, Югославии, Чехословакии (И. Цанкар, И. Секулич, А. Карлин, Л. Мнячко). Если в первом случае рассматривается ситуация существования художника в чужеродной среде, в условиях оторванности от родного народа и столкновения двух культур, что влечет за собой в той или иной степени этническую и культурную ассимиляцию, то во втором случае речь идет о различных способах проявления своей идентичности и поисках национальной принадлежности писателями, творившими свои произведения, не

отрываясь от своих корней, в мультинациональной и мультиязычной среде. Творчество последних, на наш взгляд, порождает ничуть не меньше интереснейших вопросов для размышления о поисках идентичности, чем довольно часто анализируемая эмигрантская литература, и думается, что эта тема в будущем могла бы стать предметом особого исследования литературоведов.

Подкрепляя рассуждения многочисленными цитатами из художественных текстов, авторы статей рецензируемой книги, многие из которых являются по своей специальности лингвистами, демонстрируют высокий уровень литературоведческого анализа. При этом, имея дело с явлениями, часто выступающими предметом рассмотрения других гуманитарных дисциплин, они активно пользуются теоретической базой социологии, психологии, философии, а также включают в свой исследовательский арсенал инструменты и методы лингвокультурологии, стилистики, семиотики. При всем при том концепция данной работы, состоящей из отдельных очерков-медальонов, посвященных творчеству славянских писателей, не предполагала включения обобщающего исследования, в котором бы проводилось сопоставление путей поисков идентичности у разных авторов и выявлялись бы общие особенности процессов самоидентификации. Надеемся, что в последующих публикациях будет проведен подобный сопоставительный анализ, а уже изданная книга станет значительным импульсом для дальнейших исследований на эту интереснейшую тему; вошедшие же в нее очерки послужат основой для еще более подробного рассмотрения этих актуальных вопросов.

© 2016 г. А.Ю. Пескова

Славяноведение, № 3

И. ТОДЕВ. Човекът е историческо животно. Рефлексии и саморефлексии. София, 2015. 311 с.

И. ТОДЕВ. Человек суть историческое животное. Рефлексии и саморефлексии

Название книги отсылает к фразе Аристотеля, что человек суть «политическое животное». Соответственно его можно с полным правом определить и как животное историческое, связанное с эволюцией

и революционными болезнями – этими катализаторами эволюционного процесса, в котором мы все существуем, пока.

Каждый историк стремится объяснить мир, исходя из «своей» суммы информа-

ции о нем. Именно субъективность плюс сомнение делают историю живой, вечно меняющуюся в своих проявлениях. И, пожалуй, девизом для пишущих историю могли бы стать слова из «Фауста»: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой». Именно «в бою» с самим собой, со временем, с коллегами и формируется историческое знание. Но, тут же припомню высказывание, которое тоже может служить девизом, а именно, «tempora mutantur et nos mutamur in illis», иными словами, история суть трубадур власти, а проще, «чего изволите?». Есть и «третий путь»: что хочу, то и пишу. Но самые опасные это «правдолюб», которые в силу своей «другой умственной ориентации» суть самые настоящие вредители в деле порчи истории.

Вот отсюда и «рефлексии» и «саморефлексии», и помещение на обложку фотографии известного памятника Стефану Стамболову, вокруг личности которого уже сломано немало копий.

Впрочем, провокация как прием встречает реакцию у читателя, что, грубо говоря, является главной целью пишущего историю. И когда о «венце творенья» говорят как о «животном историческом», это может вызвать или простор мысли или «крик».

Но автором книги является директор Института исторических исследований БАН (ранее просто Институт истории, но время и власти потребовали сменить «вывеску») профессор, доктор исторических наук Илия Тодев, мой давнишний друг и коллега, много раз оказывавший мне помощь в моих болгарских разысканиях. Поэтому для меня помещенные к книге разнообразные тексты по форме и содержанию представляют поле для раздумья. Не останавливаясь на форме, от статьи до дневника, подчеркну, вслед за автором, что содержание связано с депрофессионализацией, вызванной огромным объемом накопленной информации и легким к ней доступом, и «деидеологизацией», т.е. той же идеологизацией, но только противной официальной. Можно сказать и по-иному: содержание книги, как подчеркивает автор, есть «поиск гармонии между проверкой существующего и создания, распространения нового исторического знания, с одной стороны, между наукой, искусством и идеологией, с другой, между профессионализмом и свободой, с третьей стороны». Время действия истории, мысли, поиска – Болгарское возрождение.

Здесь и размышления о заслугах и заветах Марина Дринова, прежде всего о воспитательной роли исторического познания, и постановке вопроса и поиске и нахождении ответа, почему в конце XX ст. в болгарском обществе наблюдается расширение национального нигилизма и низкое национальное самосознание. Сам автор причину этого печального явления связывает с «буржуазным глобализмом», с обвинениями отечественной истории в националистическом мифотворчестве, в присвоение чужих мифов, в отрицании некоторыми «менторами» собственно «болгарской науки» и пр. В итоге «просвещенный тоталитаризм», когда интересы государства и собственно национальной истории совпадали, ушел в прошлое заодно с национальной идеей.

«Сладкими воспоминаниями» и «горькими плодами» пронизан текст об исторической школе в Приморско, где была свобода настоящей истории с дебатами, «еретическими высказываниями», смелостью мысли, без какого-либо табуирования любых острых тем. В отличие от недавнего прошлого, когда национальная история признавалась важнейшим компонентом просвещения нации, воспитания молодежи, нынешняя ситуация, по мнению автора, может быть охарактеризована как «агрессивный антиисторизм». И все же надежда на возрождение исторической науки, связанная с восстановлением деятельности школы в Приморско не пропадает.

Свое место в текстах автора отведено и Болгарской академии наук (БАН), ее почти полуторавековой истории и современности. Причем первейшей задачей, по мысли автора, является превращение БАН в духовный центр, говоря проще, обращение к корням, в гуманитарную сферу, точнее к болгаристике, чтобы преодолеть «национальный нигилизм» и «примитивный глобализм». В тексте подчеркивается, что БАН должна стать достойной альтернативой всевозможным think tank (мозговым центрам), которых развелось великое множество. В то же время, хотел бы отметить, определенную политизацию БАН, что скажется на ее роли в обществе и в науке. Впрочем, это тот же «национальный нигилизм».

Тексты автора, обращенные к минувшему, напоминающими о себе в настоящем, интересны не только размышлениями о судьбах Болгарии, но и самим прочтением ее истории, связанной с Россией, с церковным вопросом, будоражившим долгое

время болгарские земли, с Македонией, в такими деятелями болгарской истории, как Стоян Чомаков, Стефан Стамболов, Любен Каравелов. Для российского читателя наиболее известен Л. Каравелов, несравненно меньше – фигура эволюциониста Ст. Чомакова. Его роль в истории Болгарии весьма значима, но он не революционер и уже по этой причине не пользовался особым вниманием историков в НРБ. Хотя мог бы, учитывая его позицию в «македонском дележе». Тут же замечу, что Илия Тодев в недавнее время издал двухтомник, посвященный Ст. Чомакову. Самой провокационной для историков фигурой является, как я уже говорил, Ст. Стамболов. И здесь, И. Тодев, при обрисовке портретов этих двух русофилов/руссофобов находит иные краски, которые позволяют усложнить о них представления. По мнению автора, о том же Ст. Чомакове лучше говорить не как о туркофиле, русофиле или руссофобе, но как «защитнике славянства и православия». Разумеется, их деятельность в текстах автора связана с Болгарией, ее судьбой, путями ее свободы и Македонией.

Используя прием сопоставления, автор дает любопытную картину из истории Болгарского возрождения, связанную с именами Л. Каравелова и Ст. Чомакова и отношениями между ними. Самое важное для автора, что воля к единому действию и у революционеров, и у эволюционистов в Болгарском национальном движении была сильнее их разногласий.

Небольшой текст посвящен позитивной роли Ст. Чомакова в деле Соединения 1885 г., исправившего «ошибку» Европы и вошедшего навечно в историю Болгарии. Добавлю, что его имя «мелькает» и в других текстах как интеллектуала и политика.

Безусловный интерес представляют размышления автора о «сателлитном синдроме» и его ответы на вопросы интервьюера, в частности, что такое национальный идеал, который должен объединять страну, стали ли болгары меньшими патриотами, нежели 30–40 лет назад, и какие лидеры нужны Болгарии? Ответ на первый вопрос сводится к формуле – «научиться уважать себя» и сделать так, чтобы и «другие нас уважали». Второй – «к сожалению, да». Третий – «больше всего те, которые могут давать личный пример эффективной служ-

бы на пользу обществу и государству». В этих словах можно увидеть суть и проблематику минувшего и настоящего Болгарии, ее народа.

В книге представлен и небольшой сюжет, посвященный болгарской идентичности, рассматриваемой через историю страны, где был и лозунг «Тырново – третий Рим!» и дуалистические проекты, типа болгаро-турецкого дуализма. Строки о последних преобладают в тексте.

Не забыта И. Тодевым и такая острая тема, как «беспамятство», когда «забывается» такой праздник, как 3 марта, когда Россия/СССР трактуется как оккупант, и прочие «мелочи» исторической жизни. Одна из причин происходящего, лежит, по мнению автора, в том, что «мы привыкли думать, что в истории нет истины и что всякие мнения одинаково хороши», – так зачеркивается профессионализм, уступая место «хаосу, агрессивному невежеству и беспринципной демагогии».

Особенно ярко эта тема раскрывается в строках о Шипке, на которой «все неспокойно». Автор весьма доказательно пишет о «чудесах», когда в некоторых «писаниях», «белое» превращается в «черное» и наоборот, когда факты подменяются «анекдотом» и инсинуациями. Не забыта автором и трагедия Батака, объявляемая мифом. Для И. Тодева все это обусловило появление в его тексте следующих строк: «Таким образом, война 1877–1878 гг. продолжается. Война между русским царем и турецким султаном, между славистикой и османистикой, между славяноправославизмом и неоосманизмом. И пусть никто не заблуждается. Это не битва за прошлое, это битва за сегодняшний день».

Пожалуй, на этом я и хочу остановить поток своих впечатлений о книге моего болгарского коллеги И. Тодева. Конечно, меня можно спросить, а где критика, и вообще, в чем новизна и актуальность, где вклад? Отвечаю по очереди: «критика», т.е. вдумчивое, профессиональное прочтение самой истории страны, суть сама книга; «новизна» и «актуальность» обусловлены самим содержанием труда, где прошлое, настоящее и будущее сплетены между собою; «вклад» в том, что в книге больше мыслей, чем слов.

© 2016 г. В.И. Косик

«ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В СТРАНАХ ЦЮОВЕ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД» МАТЕРИАЛЫ «КРУГЛОГО СТОЛА» В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

29 октября 2015 г. Отдел истории Восточной Европы после Второй мировой войны в рамках работы над проектом «Национальные меньшинства в ЦЮОВЕ как фактор политического и социокультурного развития» провел «круглый стол» на тему: «Проблемы национальных меньшинств в ЦЮОВЕ в межвоенный период» (модератор Лыкошина Л.С.). В работе «круглого стола» приняли участие, как сотрудники Института, так и специалисты из других научно-исследовательских и образовательных учреждений.

Заседание открыл профессор *Г.Ф. Матвеев*, выступивший с докладом «Роль института международной защиты прав национальных меньшинств в дестабилизации славянских государств в межвоенный период».

Как отметил докладчик, одним из следствий Первой мировой войны было создание двух взаимосвязанных между собой международных институтов, в задачу которых входило способствование поддержанию всеобщего мира, правда, в различных масштабах. Если Лига Наций должна была решать ее во всем мире, то в обязанности института международной защиты национальных меньшинств входило предотвращение межнациональных конфликтов только «во вновь образованных и расширивших свою территорию» государствах Прибалтики, Центральной и Юго-Восточной Европы.

«Довоенный мир и международное право, – подчеркнул Г.Ф. Матвеев, – знали лишь институт защиты прав религиозных меньшинств, узаконенный решениями Вестфальского мира 1848 г.». Определенным исключением из этой практики явилась статья Берлинского договора 1878 г., гарантировавшая участие в выборах в Народное собрание всех этнических групп, населявших Болгарское княжество. Для Сербии, Румынии и Черногории подобного положения договор не содержал.

Создание системы защиты прав нацменьшинств не было следствием целенаправленной деятельности государственных мужей великих держав, желавших ослабить угнетенные меньшинства. Она, по мысли Г.Ф. Матвеева, появилась потому, что текущие потребности Великой войны подтолкнули воюющие стороны к использованию для подрыва внутреннего единства противника лозунга права угнетенных «цивилизованных» народов ЦЮОВЕ на национальную государственность. Поскольку за основу разграничения принимался этнический принцип, который невозможно было в чистом виде реализовать в этом регионе со смешанным населением, а на депортацию инонационального населения руководители Антанты тогда еще не решались, то было принято паллиативное решение: поставить под международную защиту национальные меньшинства Польши, Чехословакии, Румынии, Королевства СХС и поручить следить за соблюдением взятых на себя правительствами этих стран в 1919 г. обязательств в этой области Совету Лиги Наций и Гаагскому трибуналу справедливости. На Германию, Англию, Францию, Италию, а тем более неевропейские государства эта практика не распространялась.

В результате, во-первых, вновь созданный институт не имел всеобщего характера, что не соответствовало демократическому пониманию права. Во-вторых, в составе перечисленных государств остались большие, компактно проживающие группы населения, до

1919 г. относившиеся к господствующим нациям, прежде всего немцы (австрийские и германские) и венгры, и память об этом препятствовала им безболезненно превратиться в граждан второго сорта. В-третьих, статус национальных меньшинств получили далеко не все инонациональные группы, в том числе проживавшие компактно и составлявшие большинство в местах своего обитания: словаки, хорваты, словенцы, македонцы, бошняки. Их, помимо их воли, объявили частями титульной нации. Зато статус меньшинства был у евреев, проживавших рассеянно. В-четвертых, в государствах ЦЮВЕ появились граждане, находившиеся под двойной защитой – по внутреннему и по международному праву, что позволяло им обращаться с жалобами на притеснения в международные инстанции. В-пятых, у соседних государств появилась возможность активно использовать своих соплеменников, ставших национальными меньшинствами, для подрывных действий против их новой родины. В этом особо преуспела Германия, особенно после прихода к власти нацистов.

В итоге, инструментальное, ситуационное решение вопроса о национальных меньшинствах так и достигло преследуемой им цели. Мир не только не стал прочнее, заключил Г.Ф. Матвеев, наоборот, на новый уровень поднялись межнациональные конфликты, достаточно громко заявлявшие о себе в регионе в предшествующий Второй мировой войне период.

О проблеме национальных меньшинств в одной из самых сложных в национальном отношении стран региона говорилось в докладе *Л.С. Лыкошиной* «Роман Дмовский о проблеме национальных меньшинств».

Для лидера Национальной демократии, говорилось в докладе, проблема соотношения титульной нации и национальных меньшинств была одной из ключевых. Дмовский пережил эволюцию отношения к понятию «народ». Изначально народ для него основывался на английских представлениях о демократии и народе. Он считал, что принадлежность к народу основана на разуме, сознании. Но со временем, после поездки в Японию, Дмовский пришел к выводу, что главное не разум, а инстинкт. Основой патриотизма полагал польский политик, является независимая от воли личности моральная связь с народом, личность, срощаясь на протяжении поколений со своим народом в определенной широкой сфере деятельности, должна быть послушна общей воле народа, всех его поколений.

Рассматривая национальное государство как высшую ценность, как некое необходимое условие для реализации идеи народа, Р. Дмовский полагал, что только польский народ может воплотить эту идею в жизнь. Создание польского государства предполагало включение в его состав этнографических польских земель. Это должно было быть унитарное государство, управляемое коренными поляками. Национальным меньшинствам (а их в межвоенной Польше было около 1/3 от общего числа граждан), не отводилось места в руководящих структурах. По мысли Дмовского, государство-собственность народа, этнические же меньшинства это только граждане государства, не несущие моральной и исторической ответственности за его судьбы, а потому их влияние на судьбы государства должно быть ограничено. Народы, стремящиеся к самостоятельному бытию должны доказать это на деле, бороться за самостоятельность. Дмовский был твердо уверен, что не всякое национальное движение заслуживает поддержки. Польское национальное движение, несомненно, таковой заслуживает, ибо это движение «народа политического», стремящегося к собственному государственному бытию. Есть же национальные движения, которые готовы удовлетвориться исполнением их некоторых требований в сфере языка, культуры, они будут подвергаться стремлению государства ассимилировать чужеродные национальные элементы. Польша может вобрать в себя иной национальный элемент, если это будет способствовать ее развитию. В частности в польском «плавильном котле», согласно представлениям Дмовского, имели шансы подвергнуться ассимиляции украинцы и белорусы и ни в коем случае не имели таковых евреи. Последние рассматривались Дмовским как народ совершенно чуждый поляками, более того, представляющий опасность для польской идентичности, единственным способом решения «еврейского вопроса» было выселение евреев за пределы страны.

Об украинцах Дмовский отзывался достаточно пренебрежительно, галицийских же русинов (об украинском движении речь шла лишь применительно к Галиции) считал обреченными на русификацию либо колонизацию, а само национальное украинское движение считал инспирированным Германией и Австрией. В программном произведении «Мысли современного поляка» Дмовский, обращаясь к украинскому вопросу, высказывает мнение о цивилизаторской миссии Польши по отношению к украинцам. По мнению Дмовского, у территорий, заселенных людьми, говорящими на украинском языке – раз-

ные исторические судьбы. При такой разнородности, при наличии семи или восьми отдельных регионов со своей исторической судьбой, говорить о существовании украинского народа можно лишь условно.

Применительно к белорусам Дмовский отмечал чрезвычайно низкий, по его мнению уровень национального самосознания этого народа, полагая, что белорусы подлежат ассимиляции со стороны поляков.

Идеи лидера национальной демократии, отметила Лыкошина, представляют интерес не только с точки зрения истории политической мысли – они востребованы современными польскими националистами, что особенно актуально в связи с происшедшим с последнее время усилением правых политических сил в РП.

В докладе *М.С. Павловой* «Литовское национальное меньшинство и польская государственность в Виленском крае в 1920-е гг.» было отмечено, что формирование новых польского и литовского государств после Первой мировой войны сопровождалось территориально-политическим конфликтом. Военные столкновения завершились вскоре после захвата Виленского края осенью 1920 г. армией генерала Л. Желиговского, но после включения захваченных территорий в состав Польши в 1922 г. польско-литовские отношения были заморожены и оставались в таком состоянии до самого конца 1930-х годов. Варшава аргументировала включение Виленского края в состав польского государства прежде всего этническим «польским» характером этого региона, большинство населения которого составляли поляки, выступавшие за присоединение края к Польше. Однако проживавшее в крае немногочисленное, но активное литовское население к середине 1920-х годов стало достаточно заметным фактором польско-литовского конфликта. К ключевым проблемам, освещенным в докладе, относятся вопросы о численности и положении литовского меньшинства в Виленском крае, восприимчивости литовцами польской власти и политике Варшавы по отношению к литовскому меньшинству в регионе.

Количество литовского населения и этнический состав Виленского края в целом в 1920-е годы до настоящего времени не может считаться точно установленным. В докладе приведены и проанализированы данные российской переписи 1897 г., немецкой 1916 г. и польских переписей населения 1919 г. и 1931 г. Незначительное по сравнению с другими национальными группами количество литовского населения привело к тому, что изначально польская администрация не рассматривала его в качестве реальной угрозы власти. Ситуация стала меняться после выборов в Виленский Сейм 1922 г., решения которого ознаменовали начало партизанской войны активистами литовских организаций и подъем движения за организацию системы независимого литовского образования и просвещения.

В истории формирования политики Варшавы в отношении литовского населения в качестве переломных этапов *М.С. Павлова* выделяет 1923 г., когда восточная граница Польши была признана Конференцией послдов Антанты и 1926 г. После майского переворота 1926 г. решающим для положения виленских литовцев стало заседание Совета министров 18 августа 1926 г., на котором Ю. Пилсудский сформулировал основные принципы новой политики в отношении литовского меньшинства. С этого момента, заключает *М.С. Павлова*, вселенское литовское меньшинство начинает восприниматься Варшавой не как категория собственных граждан, а как представитель враждебного Польше литовского государства и инструмент выстраивания польско-литовских межгосударственных отношений.

Продолжая рассмотрение темы на болгарском материале *Т.В. Волокитина* в докладе «Государство и мусульманская общность в контексте модернизационных процессов в Болгарии» поделилась наблюдениями о взаимоотношениях государства и мусульманской общности в межвоенной Болгарии в сфере образования. Объектом изучения стали болгарские турки – наиболее крупная меньшинственная группа в Болгарии (в 1905 г. она насчитывала 488 тыс. чел.; в 1920 г. – 520 тыс.; в 1926 г. – 575 тыс.; в 1934 г. – 618 тыс.).

Возникнув в результате распада мультинациональной Османской империи и установления новых государственных границ, турецкое меньшинство оказалось изолированным от своего основного массива и вынуждено было существовать как рудимент в чужом окружении, принадлежа к другому культурному кругу и исповедуя другую религию, нежели основное население.

Докладчик отметила, что в Болгарии сформировалась и действовала модель сосуществования и взаимодействия «комшилук» (от турецкого «комшия» – сосед), предполагавшая сосуществование и даже сотрудничество. Болгарские власти в целом демонстрировали толерантность к своим гражданам мусульманской веры. Имевшиеся в обществе прояв-

ления национального антагонизма на бытовом уровне существенно не меняли картину. Вместе с тем границы между этническими и религиозными общностями оставались не просто прочными, но и, как правило, непреодолимыми. Болгарские турки тяготели к закрытости, самоизоляции, чему способствовало и отсутствие продуманной государственной программы, а, следовательно, и политики, направленной на обеспечение экономического и культурного развития мусульман. Вследствие этого в мусульманской общности постепенно укреплялось сознание собственной неполноценности в рамках одного с болгарями государства.

Т.В. Волокитина указала на прямое влияние модернизационных процессов в соседней Турции, развернувшихся в результате кемалистской революции 1918–1923 гг., на внутриполитическое развитие Болгарии. Турецкие властные структуры целенаправленно стремились включить турецкое меньшинство соседних стран в обновительный процесс, укреплять его этнонациональное сознание. В результате, подчеркнула докладчик, в Болгарии произошло наложение внешнего фактора на факторы внутренние, под влиянием которых еще в начале XX ст. актуализировался вопрос о преодолении культурной отсталости болгарских турок и их социальном развитии, подтягивании турецкого населения до уровня болгарского населения. Кемализм становится привлекательной моделью социального и культурного развития для болгарских турок, указывая им путь «само-модернизации». Как следствие, среди турецкой интеллигенции, представленной в основном учительством, возникает довольно значительное модернистское или реформаторское движение. Проводниками новых идей стал Союз турецких учителей в Болгарии и Союз культурно-просветительских и спортивных обществ «Туран», хотя в последнем наблюдались проявления деструктивного национализма. Активную пропаганду кемализма и модернизма вели выходящие в стране газеты на турецком языке.

Одной из важнейших задач, стоявших перед реформаторами, было преодоление неграмотности турецкого населения (по статистике в конце 1920 г., 91,3% турецкого населения Болгарии было неграмотным, а в конце 1934 г. неграмотность достигала все еще 80,6% у мужчин и 90,6% у женщин). На повестку дня выдвинулись в связи с этим вопросы латинизации алфавита, очищения языка от арабизмов и персизмов, создания словарей разговорного турецкого и пр.

Характеризуя положение в образовательной сфере, докладчик подробно остановилась на состоянии частных турецких школ. Несмотря на их относительную многочисленность (1300 в начале XX в.) и сравнительно широкий охват подлежащих обучению детей, последние учились в условиях, затруднявших их развитие (плохое материальное положение школ, лишенных государственной поддержки, низкий уровень преподавания, введение с 1908 г. обучения на болгарском языке, система ограничений для выпускников, желавших продолжить образование в болгарских школах и пр.). Итог пребывания ученика в частной школе – изучение Корана и получение традиционного религиозного воспитания. В связи с этим, отметила Т.В. Волокитина, выявляется характерная особенность меньшинственной политики государства: надеялся мусульман правом иметь свои самоуправляющиеся школы, находившиеся на содержании мусульманских общин, власти фактически предопределили социальное и культурное отставание турецкого населения, превращая его в политически невлиятельную, стагнирующую часть общества.

Определенные позитивные изменения были осуществлены кабинетом Стамболийского (например, финансовая поддержка школ), однако с его падением в 1923 г. государственная помощь была прекращена, ликвидированы и другие нововведения.

Проанализировав отношение болгарских властей к модернистскому движению среди болгарских турок, докладчик подчеркнула его последовательно отрицательный характер, объяснявшийся, прежде всего, опасением расширения турецкого влияния в Болгарии. Государство, стремившееся нейтрализовать официальную кемалистскую пропаганду на Болгарию «извне», противодействовало инициативам турецких реформаторов внутри страны, пытаясь блокировать объективно обусловленное развитие национально-этнического самосознания болгарских турок. Исследователям известны указания из Софии в местные органы внутренних дел «принять самые строгие меры по искоренению этого самосознания».

После военного переворота 19 мая 1934 г. меньшинственная политика ужесточилась под флагом борьбы с турецким национализмом. Одно из ее последовательно реализовывавшихся направлений – «легальными мерами» оставить образование турецкого меньшинства на низком уровне, «сделать все возможное, чтобы турки утонули в невежестве», «не позволить им твердо встать на ноги».

Во исполнение этого непрерывно сокращается число частных турецких школ (920 – в 1928 г., 605 – в 1936 г., 367 – в 1944 г.), а их материальное положение, профессиональный уровень преподавателей-турок оказывались подчас катастрофическими. Зато резко возросло число учителей-болгар, преподававших болгарский язык, историю и географию. В отличие от учителей-турок, их труд оплачивало государство. Но не бескорыстно: взамен обязывало быть «глазами и ушами власти», следить за происходящим в каждом турецком селе.

Т.В. Волокитина подчеркнула, что на почве борьбы с «безбожным кемализмом» и другими модернистскими проявлениями мусульманское духовенство заняло конформистские позиции, тесно сотрудничало с официальными властями.

В конечном счете, необходимая модернизация жизни и быта болгарских турок оказалась невозможной, они не вышли в своем культурном развитии на уровень болгар и в массе своей оставались политически ограниченной, экономически слабой и социально индифферентной частью населения страны.

В докладе А.С. Гладышевой «Население Южной Добруджи как объект политики румынизации, 1913–1940 гг.» автор отметила, что моноэтничная в исторических границах Валахии и Молдавии, в XX в. в условиях Версальско-Вашингтонской системы Румыния объединила под своей властью жителей таких регионов, как Трансильвания, Банат, Южная Добруджа, Бессарабия и Буковина. В межвоенный период унитарное румынское государство столкнулось с проблемой адаптации национальных меньшинств. В выступлении А.С. Гладышевой были затронуты некоторые аспекты национальной политики Бухареста в области Южной Добруджи в 1913–1940 гг. Было отмечено, что румынскими властями осуществлялся комплекс мероприятий по насаждению румынской культуры и румынского языка, складыванию румынской нации из людей разных национальностей, так называемая политика румынизации. Концепции создания политической однородности общества на основе румынского государственного патриотизма и праворадикальных идей наложили отпечаток на положение ряда этнических групп в регионе.

По Бухарестскому договору, завершившему в 1913 г. Вторую балканскую войну, Болгария уступила Румынии территорию Южной Добруджи, одного из самых развитых в экономическом плане сельскохозяйственных районов страны. Болгарская перепись 1910 г. свидетельствовала, что доля румынского населения в этой области была очень низкой (2,3%), а преобладающими этническими группами на момент ее передачи Румынии являлись болгары (47,6%) и турки (37,8%). В силу того, что Бухарест не мог подкрепить свои права на Южную Добруджу с позиций исторического прошлого, он предпринял ряд мер для того, что скорректировать этноконфессиональную карту области в свою пользу.

В ходе выступления были освещены следующие аспекты проблематики: колонизация области, а также масштабы и итоги эмиграции местного населения из Южной Добруджи в 1913–1940 гг. Доклад строился на обзоре румынской историографии, в том числе на рассмотрении работ арумынских общественных деятелей, опубликованных в межвоенный период в Румынии. Было выявлено, что в колонизации Южной Добруджи, сопряженной с проведением аграрной реформы, принимали участие следующие этнические группы: румыны из Старого Королевства, арумыны (представители одной из восточно-романских этнических общностей Балкано-Дунайского региона, проживавшие в начале XX в. преимущественно на землях исторической Македонии, а также в Греции и Албании), а также другие этнические группы из Румынии и соседних государств на определенных условиях. Параллельно с освоением региона шел отток местного турецкого и болгарского населения. В процессе проведения политики румынизации правительство следовало двум несвязанным и непоследовательным стратегиям: интеграция и насильственная ассимиляция. Колонизация Южной Добруджи румынскими властями в межвоенный период существенно изменила облик региона. С 1910 г. по 1940 г. доля румын на этих землях увеличилась приблизительно в десять раз – с 2,6% до 26,2%. Переселенческая политика сопровождалась множеством проблем, вынуждала власти страны держать область фактически на осадном положении, вплоть до того, что иногда в Южной Добрудже было расквартировано до 2–3 военных дивизий. Эта мера была обусловлена также террористической и подрывной деятельностью Внутридобруджанской революционной организации (ВДРО).

При передаче области Болгарии в 1940 г. по ст. 3 Крайовского договора состоялся обмен населением, в ходе которого 67 тыс. болгар переселили из Северной Добруджи в Южную на место покинувших край 102 тыс. румын, менее трети которых составляли арумыны. По переписи населения, проведенной болгарскими 31 января 1941 г. доля болгар

в Южной Добрудже составляла 53,4%, турецко-татарского населения – 36,1%, румын – 1,6%, остальных – 8,9%. Таким образом, были сведены на нет все мероприятия румынского правительства по колонизации Южной Добруджи в межвоенный период. Обмен населением имел двойное последствие. С одной стороны, он снял вопрос о декларировании прав многочисленного румыноязычного населения болгарской администрацией. С другой стороны, утрата Южной Добруджи обернулась личной трагедией для десятков тысяч румынских и арумынских семей, которые были вынуждены заново налаживать свой быт, покинув недавно освоенные ими земли.

В докладе *Т.В. Покивайловой* «Политика румынского правительства в отношении национальных меньшинств: проблемы депортаций и насильственных переселений цыган и евреев» отмечается, что после Первой мировой войны Румыния, оказавшись в стане держав победительниц, значительно увеличила свою территорию, а ее население возросло более чем в два раза. В стране наряду с титульной нацией – румынами – проживало значительное число представителей национальных меньшинств (28,1%). Румынские исследователи дают другие, более заниженные данные (21,5%).

Политика румынского правительства в межвоенный период в отношении национальных меньшинств характеризовалась дискриминацией и притеснениями. Их представители ограничивались в гражданских правах, в использовании и обучении на родном языке, в возможностях поступления на работу в различных отраслях экономики и на государственную службу, в праве владения собственностью. Со второй половины 1930-х годов началось удаление представителей национальных меньшинств из сферы свободных профессий, торговли, финансов, промышленности и других отраслей экономики и т. д. и конфискация принадлежавших евреям предприятий. Румынские власти стремились ограничить собственность евреев и перераспределить ее в пользу румынского национального капитала.

После вхождения Бессарабии и Северной Буковины в июне 1940 г. в состав СССР в Румынии, как подчеркивалось в официальных документах, началось очищение приграничной полосы от «еврейского элемента». В феврале 1941 г. румынскими властями была принята программа румынизации страны. Этот процесс распространялся не только на территорию собственно Румынии, но и в будущем на захваченные территории СССР. Таким образом, налицо было внедрение в румынское законодательство расистских принципов.

Массовыми убийствами еврейского населения, погромами и грабежами сопровождался легионерский мятеж, спровоцированный в Бухаресте в январе 1941 г., в борьбе легионеров за власть и установление в Румынии нацистского режима по типу немецкого. Еще один, более массовый, чем в Бухаресте, погром был устроен 28 июня – 3 июля 1941 г. в городе Яссы. В ходе его было убито 14 850 евреев, почти треть всего еврейского населения города.

Вступив в антисоветскую войну 22 июня 1941 г. на стороне гитлеровской Германии румынские войска совместно с германской армией 30 июля вышли к Днестру, а в начале июля немецкие и румынские войска начали наступление в Северной Буковине. После начала наступления немецких и румынских армий с территорий Бессарабии и Буковины началась эвакуация и массовое бегство мирных жителей, в том числе и еврейского населения, вглубь СССР. Около 81 тыс. евреев бежали с этих территорий. Тем не менее, около 150 тыс. не успели этого сделать. В начале июля 1941 г. румынские власти на заседании Совета министров приняли решение об этнической чистке населения на оккупированных советских территориях. Причем это решение касалось не только еврейского, но также и украинского, русского населения и представителей других национальных меньшинств.

По согласованию с Гитлером Ион Антонеску официально объявил о формировании Транснистрии, области, занимавшей пространство между Бугом и Днестром с административным центром в Одессе, находящейся под управлением румынской администрации. Первым шагом на пути массовых депортаций являлось создание, как в самой Румынии, так и на оккупированных немецкими и румынскими войсками территориях транзитных пересыльных лагерей, где сосредотачивались евреи перед тем как их отправляли в концентрационные лагеря смерти. Основные лагеря смерти находились на территории Транснистрии.

Всего же за годы войны в Румынии и на оккупированных ею территориях погибли более 270 000 евреев. Кроме того 130 000 евреев из Северной Трансильвании были убиты после их депортации венгерскими властями в нацистские концентрационные лагеря.

Массовые убийства мирных жителей контролировалось румынскими властями. Румынское правительство определяло также и политику в отношении еврейского населения. Поэтому можно с определенностью говорить о том, что в Румынии, так же как и в Германии и Венгрии, существовал Холокост. Это подтверждается последними работами румынских и зарубежных исследователей и публикацией документов. Разница заключалась в том, что румынских евреев депортировали не в Польшу, во всемирно известные лагеря смерти, а в подобные же лагеря, находившиеся на оккупированной советской территории в Транснистрии, в которых надо полагать, по техническим причинам не существовало газовых камер. В конце 1942 г. маршал Антонеску отдал распоряжение о возможности эмиграции евреев из Румынии в Палестину (примерно 75–80 тыс. человек) за определенную таксу, составлявшую 200 долларов за каждого эмигранта.

Другой категорией мирного населения, которые наряду с евреями, подверглись геноциду румынских властей, являлись цыгане. Идеологи румынского фашизма считали, что Румыния должна очиститься от цыган. В связи с кочевым образом жизни весьма трудно было определить их численность. По данным, которые приводит в своей работе румынский исследователь со ссылкой на перепись 1930 г., в Румынии насчитывалось 262 501 человек по национальному признаку (1,5% от всего населения) и 100 015 человек по языку (0,6%). Наибольшее число цыган проживали в Трансильвании, Добрудже и Олтении.

Были составлены списки цыган, и им был запрещен выезд из города. Были организованы специальные, хорошо охраняемые центры, откуда цыган должны были эвакуировать в концентрационные лагеря в Транснистрию. Депортации подлежали не только кочевые цыгане, но и оседлые. Заметим, что среди них многие занимались ремеслом, торговлей, мелким производством и даже работали в промышленности. Однако всех цыган поголовно обвиняли в грабежах и разбоях.

Обычно после прибытия в пункты назначения румынские оккупационные власти имущество цыган конфисковали, оставляя их без средств к существованию. Многих расстреливали, другие умирали от голода.

Таким образом, румынское правительство в межвоенный период и в годы Второй мировой войны проводило в стране политику геноцида. Документальные источники и исследования историков, проведенные в последние годы, свидетельствуют, что попытки политиков и историков Румынии отрицать ранее наличие в Румынии Холокоста не имеют под собой оснований. Разгул репрессий, гонений, убийств на национальной основе, внедрение в законодательство и осуществление на практике принципов расизма – все это подтверждает выводы о том, что в отношении национальных меньшинств, в частности, евреев и цыган, в Румынии осуществлялся геноцид по этническому признаку.

В докладе *А.С. Стыкалина* речь шла о положении немецкой диаспоры в межвоенной Румынии, настроениях и политических процессах в этой среде. По итогам Первой мировой войны Румыния включила земли, ранее входившие в состав Габсбургской и Российской империй. Среди национальных меньшинств, составлявших в это время 25% населения страны (не считая румыноязычных бессарабских молдаван), видное место занимали немцы – 750 тыс. человек, компактно проживавшие в четырех регионах страны.

Немецкая колония в Юго-Восточной Трансильвании своими истоками восходит к XIII в. Ее традиционными центрами были крупный город Брашов (Кронштадт) и Сибиу (Херманштадт). Упразднение венгерскими властями в эпоху австро-венгерского дуализма (1876) административной автономии этих земель не подорвало сильных экономических позиций немецкого бюргерского слоя. Лояльные режиму немецкие партии имели парламентское представительство, чиновники-немцы особенно весомо были представлены на комитатском уровне.

Если в Юго-Восточной Трансильвании среди немцев преобладали лютеране, всегда поддерживавшие тесные культурные связи с протестантскими землями Германии, то в Банате с центром в Тимишоаре (на землях, отвоеванных у Османской империи и вошедших в состав монархий Габсбургов в начале XVIII в.) немецкая колонизация (более поздняя) была представлена преимущественно переселенцами из католических земель.

В Буковине, – отметил *А.С. Стыкалин*, – вошедшей в состав Габсбургской империи в 1770-е годы и в эпоху дуализма (в отличие от Трансильвании и Баната) относившейся к ее австрийской половине, немецкое меньшинство к 1920 г. представляли главным образом чиновники, предприниматели, интеллигенция, мелкая городская буржуазия. С 1860-х годов в Черновцах функционировал немецкий университет.

Четвертой зоной компактного проживания немцев в Румынии стала после 1920 г. Южная Бессарабия, где после присоединения этого края (как и всей Бессарабии) к России

в 1812 г. организованно поселились более 100 тыс. немецких колонистов. В отличие от Буковины это были преимущественно сельские жители, в первую очередь крестьяне, не только свободные от крепостной зависимости, но в течение ряда десятилетий пользовавшиеся некоторыми другими льготами (включая освобождение от военной службы). Создание российскими властями относительно благоприятных условий для немецких колонистов Южной Бессарабии способствовало успешному развитию земледелия в ранее слабо заселенных районах бывшей турецкой райи.

Противоречие между интересами венгерского дворянства и немецкого бюргерства Трансильвании, по мысли А.С. Стыкалина, особенно остро проявившееся в период революции 1848–1849 гг., заставляло немецкие движения в эпоху Габсбургов нередко блокироваться с румынскими на антивенгерской платформе, однако после 1920 г. немцы столкнулись с усиливающимся давлением теперь уже не венгерского, а румынского национализма (в административном делопроизводстве, школьной политике). Румынизация проявилась в переименовании многих населенных пунктов. Ударила она и по немецкому бизнесу: так, предприниматели-немцы, по новым законам, должны были иметь среди наемной рабочей силы не менее 75% этнических румын. С начала 1920-х годов в Румынии создавались общественные организации, отстаивавшие права немцев. Вместе с тем в 1924 г. представители немецкой диаспоры Бессарабии проявили лояльность новым, румынским властям, не позволив перекинуться в свои села прокоммунистическому восстанию в Татарбунарах и тем самым способствовав его подавлению.

Экономический кризис рубежа 1920–1930-х годов ухудшил положение этнических немцев, как и всего населения Румынии. Видимое решение нацистской Германией проблемы массовой безработицы способствовало некоторому увлечению современным «германским опытом» в среде румынских немцев. Тесные связи с Берлином поддерживала пронацистская организация «Национальное движение возрождения немцев Румынии». В конце 1930-х годов, по мере внешнеполитического сближения страны с Третьим рейхом, позиции крайне правых немецких организаций усиливались. Получая команды из Берлина, они плохо контролировались румынскими властями и все более открыто фрондировали им, что вызывало, судя по документам сигуранцы, растущую обеспокоенность в правительственных кругах.

В докладе также была затронута тема организованной депортации этнических немцев из Бессарабии (более 90 тыс. чел.) и Буковины (около 40 тыс. чел.) после присоединения этих территорий к СССР в июне 1940 г. Уже в документах, относящихся к августу–сентябрю 1939 г., включая дополнительный протокол к пакту от 23 августа, Германия, хотя и признавала отсутствие интересов в Бессарабии, вместе с тем выразила неравнодушие к судьбе бессарабских (как и буковинских) немцев, а правительство СССР в свою очередь обязалось не препятствовать этническим немцам, желающим переселиться в Германию или в «сферы германских интересов» при содействии уполномоченных германского правительства. В апреле 1940 г. Немецкий народный совет Бессарабии (важнейшая в крае организация немецкой диаспоры) получила из Берлина команду приступить к работе по учету немецкого населения в преддверии неминуемого его возвращения на историческую родину.

Капитуляция Франции (главного гаранта Версальской системы) ускорила предъявление Советским Союзом 26 июня ультиматума Румынии. Предвидя такой шаг, Риббентроп накануне через посла Шуленбурга еще раз напомнил Молотову о заинтересованности Берлина в «благоприятном решении» вопроса о судьбе немцев. Советская сторона заявила, что вопрос будет решен «в духе германских предложений». В Москве осознавали, что компактное проживание близ границы с Румынией, всецело находящейся в сфере германского влияния, более 100 тыс. немцев (в немалой своей части прогитлеровски настроенных) превращает их в потенциальную опору будущего противника. 28 июня Красная армия перешла Днестр.

Советско-германское соглашение о порядке эвакуации немецкого населения было подписано 5 сентября, а затем образована смешанная комиссия для решения организационных и имущественных вопросов. Хотя в документах говорилось о добровольности, фактически бессарабским немцам дали понять, что в СССР они будут рассматриваться как нежелательные элементы (со всеми вытекающими из этого последствиями), тогда как отказ переселиться в «сферу германских интересов» будет расценен как проявление нелояльности третьему рейху. Эвакуация началась 23 сентября по железной дороге и Дунаю. Многие не хотели уезжать, документы комиссии свидетельствуют о подавленном состоянии немалой части немецких крестьян, тесными узами привязанных к земле, ставшей

для них настоящей родиной. Как бы то ни было, число оставшихся едва ли превысило 2 тыс. человек.

Обещания материальной компенсации утраченного имущества не были выполнены. Молодые мужчины были призваны в армию и многие из них погибли на Восточном фронте. Основная же масса переселенцев, в полной мере испытав к себе отношение как к второсортным немцам, месяцами находилась в пересыльных лагерях, главным образом в оккупированной Польше, в тщетном ожидании переезда на новые земли – существовали планы использовать их в качестве колонистов на оккупированных территориях СССР. По сути дела немцы Бессарабии и Буковины слились с массовым потоком изгнанников, образовавшимся в Восточной Европе с первых месяцев войны. Уже осенью 1940 г. в некоторых из опустевших немецких сел Южной Бессарабии поселились с разрешения властей беженцы из Польши и Западной Украины. Как бы то ни было, заключает А.С. Стыкалин, депортация немецкого населения из Южной Бессарабии не только обеднила этнокультурное многообразие региона, но привела к заметному запустению довольно развитых в сельскохозяйственном отношении территорий.

В докладе «Внешний фактор и проблема нацменьшинств в ЧСР в 1920–1930-е годы» Е.П. Серапионова попыталась на основе анализа архивных документов Национального архива (Прага) проследить политику соседних с Чехословакией стран (Германии, Польши и Венгрии) в межвоенное двадцатилетие, показать их поддержку автономистских и ирредентистских требований немецкого, польского и венгерского меньшинств, выявить связи с лидерами национальных движений. Особый акцент был сделан на 1930-е годы, когда национальные отношения в ЧСР обострились в связи с резким ухудшением материального положения населения, в том числе и национальных меньшинств, в результате мирового экономического кризиса. Именно в это время национальный вопрос в Чехословакии стал международной проблемой. Используя недовольство немецкого, польского и венгерского меньшинств, Германия, Польша и Венгрия развязали пропагандистскую кампанию о нежизнеспособности «искусственно созданного» чехословацкого государства, а затем приняли участие в его разделе.

В завершающем работу «круглого стола» докладе М.Ю. Дронова «Этнонациональная идентичность русинов в межвоенной Чехословакии: пути развития» было отмечено, что согласно Сен-Жерменскому (1919) и Трианонскому (1920) мирным договорам русинские этнические территории на южных склонах Карпат, многие столетия принадлежавшие Венгерскому королевству, вошли в состав Чехословацкой Республики (ЧСР). В рамках нового славянского государства они оказались разделены между двумя его крупными административными единицами – Подкарпатской Русью и Словакией.

Будучи преимущественно аграрным этносом, не обладая достаточным количеством собственной интеллигенции – за исключением греко-католического духовенства и учителя – русины традиционно заметно уступали соседним народам по уровню образованности и, как следствие, развитию собственного национального самосознания.

Русинская этнонимия традиционно отличалась (и отличается) поливариантностью. Используемый этноним *руси́н*, являющийся сегодня почти общепринятым, ранее был лишь одним из нескольких и при этом далеко не самым популярным названием южно-карпатских русинов. Наиболее распространенным русинским эндонимом к началу XX в. однозначно было слово *руснак* (вариант – *русняк*), образованное с помощью того же суффикса *-ак/-як*, что и этнонимы соседних западнославянских народов.

Именно в рамках межвоенной Чехословакии у русинов впервые появилась возможность культивирования собственной этнонациональной идентичности. Однако перед русинскими лидерами встал вопрос: какую именно идентичность культивировать. Не очень определенная донациональная *руска/руська* идентичность русинов, тесно связанная с их конфессиональной принадлежностью, могла трансформироваться в разных направлениях.

Разные авторы, заметил М.Ю. Дронов, предлагали русинам разные модели этнонациональной идентичности, некоторые из которых взаимно исключали или, напротив, не исключали друг друга. Докладчик подчеркнул, что в отличие от большинства исследователей, «мы говорим именно о моделях идентичности (или идентичностях), а не о национально-языковых ориентациях, течениях или движениях (обычно в данной связи упоминают триаду русофильство/украинофильство/русинофильство и мадьяронство)». Дело в том, что нередко одна и та же этнонациональная идентичность выдвигалась или, по крайней мере, не исключалась сразу несколькими подобными ориентациями (разграничение которых, к слову, в русинском случае весьма субъективно).

Так, русинам «предлагались», прежде всего, русская, карпаторусская, подкарпаторусская, украинская и другие восточнославянские идентичности. Особенно для переходных русинско-словацких групп сохраняли актуальность также западнославянские идентичности: чехословацкая (не путать с гражданством) и словацкая. В различных частях русинского этнического ареала в ЧСР разные модели идентичности, поддерживавшиеся разными акторами, имели различные шансы на успех. Некоторые идентичности, имевшие большой потенциал в предыдущие десятилетия – венгерская, рутенская, угрорусская и др., лишившись поддержки государства, утратили какую бы то ни было популярность.

Очевидно, констатировал М.Ю. Дронов, что некоторые взаимно не исключающие модели могут быть не без основания восприняты как разные уровни этнической идентичности. Однако у людей, для которых было приемлемо сразу несколько идентичностей, по-видимому, какая-то из них являлась основополагающей (при этом не исключая ситуационной актуализации в качестве главной среди других идентичностей, а также возможности сущностного изменения всей иерархии). Таким образом, например, в случае соседства русской и карпаторусской идентичностей можно констатировать первостепенное акцентирование либо своей русскости (при этом карпаторусскость в данном контексте воспринимается лишь как региональное или этнографическое уточнение), или же, наоборот, карпаторусскости (а не своей одновременной принадлежности к русским/восточным славянам).

В процессе работы «круглого стола» возникла оживленная дискуссия по ключевым проблемам национальных меньшинств в странах региона. В ходе обсуждения участники заседания отметили несомненную актуальность рассматриваемой темы, особенно подчеркнув то обстоятельство, что многие проблемы национальных меньшинств и по сей день тревожат мир, зародились именно в межвоенный период.

Славяноведение, № 3

© 2016 г. Т.В. ВОЛОКИТИНА, Н.М. КУРЕННАЯ

«К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ. ДОКУМЕНТ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ». МАТЕРИАЛЫ «КРУГЛОГО СТОЛА» В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

16 июня 2015 г. в Отделе истории Восточной Европы после Второй мировой войны при участии отделов истории культуры славянских народов и истории славянских народов периода мировых войн был проведен «круглый стол» «К 70-летию Великой Победы. Документ в истории и культуре». Тема обсуждения была выбрана не случайно, поскольку ее участников объединила любовь к документальному источнику, понимание важности и необходимости введения в научный оборот новых материалов, переосмысления уже известных. Наряду с этим была подчеркнута значимость художественно-документальных произведений, в том числе и большого корпуса эго-документов в процессе углубления и расширения исторического знания о Второй мировой войне.

Открывая заседание, Н.М. Куренная в докладе «Документ и документальное в истории и культуре: к постановке проблемы» проанализировала функции документа в исторической науке и документального начала в культуре, в частности – литературе. Приметы «документального» – реальных фактов, событий, личностей присутствуют и «используются» многими художественными областями. Изучение этих примет, подчеркнула докладчик, стало важной научной проблемой. XX век, отмеченный ускорением общественно-политических процессов, двумя мировыми войнами, стремительным научно-техническим развитием, с закономерностью породил стремление к их осмыслению. Рефлексию, осознание себя, своего места в этих событиях отразили не только профессиональные штудии, но и многочисленные дневниковые записи, воспоминания, письма и другие творения обычных людей. «Макроистория» была значительно дополнена «микроисториями».

Связь литературы и истории – очевидный факт, их роднит, главным образом, привлечение документа, его наличие в тексте, но функция документа в этих гуманитарных областях неодинакова. Общеизвестно, что документ, документальное свидетельство – основной источник, фундамент, без которого историческая наука просто невозможна. Документ в литературе или изобразительном искусстве играет вспомогательную роль, например смысловой детали, расширяющей семантику сюжета и образов. Нередко он призван вызвать у читателя/зрителя эффект реалистичности, «подлинности», «правдивости» текста. Обращение к документу в культуре – это своеобразный поэтико-стилистический прием.

Н.М. Куренная отметила, что если в исторической науке основополагающим для документа является его подлинность, то в культуре, в частности литературе, – вполне допустима мистификация и псевдо-документальность как художественный прием. Как правило, писатели отбирают из «большой истории» наиболее репрезентативные события и основополагающие вехи. Самым распространенным жанром документальной литературы являются мемуары. К жанрам документальной литературы, которая находится на своеобразном пограничье между литературой и историей, в последнее время относят и все увеличивающийся корпус документов личного происхождения – дневников, писем, записей непрофессиональных литераторов. Это – эго-документы, которые могут способствовать исправлению или углублению наших представлений о том или ином событии или историческом этапе, они не только дополняют, расширяют историческое знание, но и гуманизируют его, создают особый эмоциональный контекст, вызывают ассоциации с собственной жизнью читателей. Документ все чаще используется, например, при создании телевизионных историко-документальных фильмов и передач. Их создатели активно «эксплуатируют» документ, привлекают цитаты из разнообразных источников, гримируют актеров под реальную историческую личность, пытаются создать иллюзию правдоподобия.

На определенном этапе произведение с документальным началом само становится документом конкретной историко-культурной эпохи, который расширяет представления о человеке, об обстоятельствах его жизни, а также выполняет более глобальную задачу – разрушает мифы и стереотипы.

Доклад «Документ в исследовании истории Второй мировой войны: к вопросу о критериях в оценке достоверности источника и адекватности его интерпретации» сделал Л.Я. Гибанский. Он отметил, что такой вопрос относится к разработке любой исторической проблематики, а не только истории Второй мировой и, в частности, Великой Отечественной войн. В данном случае речь скорее лишь о более конкретизированном подходе к указанному вопросу с учетом специфических черт военной эпохи 1939–1945 гг. Некоторые составляющие подобного подхода уже обсуждались прежде при рассмотрении непосредственно тех или иных аспектов этой эпохи. Цель доклада была в том, чтобы обозначенный в его названии круг критериев очертить как можно полнее и систематизировать их по важнейшим направлениям критического анализа источников и методологии интерпретации документа.

Применительно к исследованию того, что, как и почему происходило в сфере военных действий, докладчик выделил следующий ряд критериев, наиболее значимых для оценки достоверности сведений, содержащихся в источнике. Прежде всего, это использование и сопоставительный анализ документов всех или хотя бы большинства сторон, сражавшихся друг с другом в один и тот же момент на одном и том же участке фронта, в одной и той же операции. Такой подход важен как для событий на основных театрах военных действий, так и для борьбы, связанной с движением Сопротивления. Последнее имеет особое значение для интересующего нас региона Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ), где в ряде стран, например, в Югославии или отчасти в Албании и Греции, сражались между собой не только оккупанты (прогитлеровские режимы, с одной стороны, и силы Сопротивления – с другой), но и *разные* антиоккупационные движения. Там, где документальные данные, исходившие от всех или большинства сторон, участвовавших в столкновении, более или менее сходны, больше оснований принять их как достоверные. Там же, где данные серьезно различаются, необходимы какие-то иные источники для выяснения исторической реальности либо дополнительные методы анализа или отнесение имеющихся сведений лишь к категории «версия». Подобный подход важен и применительно к сведениям о боевых действиях, имеющимся в документах одной стороны: сопоставление данных, исходивших от разных участников событий или военных структур, с различных организационных уровней.

Аналогичен научный подход и к документам с информацией о политических событиях. Для стран ЦЮВЕ это сопоставительный анализ такой информации, исходившей от разных политических субъектов: оккупационных властей и коллаборационистских администраций; режимов гитлеровских сателлитов; всего спектра антигитлеровских сил, включая Сопротивление; различных общественных движений/течений и т.п. И необходимы те же критерии определения достоверности сведений, что и в случае с данными разных сторон о военных действиях. Такой же принцип сопоставления и взаимопроверки сведений, имеющих в источниках, касается и документов о международных отношениях периода войны, в том числе относящихся к ЦЮВЕ.

Докладчик специально остановился на важности и специфике методов сопоставительной перепроверки фактической информации из дневников, частной переписки, а особенно мемуаров; отметил проблемы выяснения достоверности не только сведений, содержащихся в документе, но и самого документа (случаи фальшивок), равно как выявления возможных (случайных или намеренных) искажений источника при его публикациях.

В отношении адекватности интерпретации документа, Гибианский выделил две основные категории критериев: 1) с точки зрения «технологии» исследования источника; 2) с точки зрения субъективного отношения исследователя к истории.

Применительно к первой категории докладчик подчеркнул особую важность: а) полного учета *всех* сведений, сообщаемых в документе; б) отношения к имеющимся в документе оценкам того, о чем в нем сообщается, лишь как к данным о позиции составителей документа либо структур, чьи взгляды и устремления составители выражали; в) рассмотрения сведений, содержащихся в документе, как и их критическое сопоставление с данными из других документов, с наиболее полным возможным учетом всей известной в историографии совокупности сведений, относящихся к данному вопросу, событию, явлению, в общем комплексе имеющегося исторического знания – без всякого изъятия.

Применительно ко второй из упомянутых категорий критериев Гибианский отметил значимость а) соблюдения критического отношения к источнику с точки зрения того, от кого он исходил и кому был предназначен, какие цели ставились при его составлении и в каких конкретных условиях оно происходило, какие «правила игры» имели место в тот момент; б) учета ведомственной принадлежности документа и специфики того, был ли он публичным или непубличным. Докладчик особо заострил внимание на важности следования историка лишь профессиональным принципам научного подхода к анализу источника, отстраненно от влияния приводящих непрофессиональных факторов: политико-идеологических, этнических, конфессиональных пристрастий, сиюминутных групповых, разного рода экономических, лично-конъюнктурных и прочих интересов. Была подчеркнута опасность искажения реальной истории, когда исследователь отождествляет себя с той или иной стороной в событиях прошлого, идет по пути компоновки так называемой патриотической истории (к чему нередко его подталкивают власти той или иной страны, включая современную российскую), в том числе смотрит на историю международных отношений «из Москвы» или любой другой столицы. Рассмотрение всех этих методологических проблем увязывалось в докладе, по возможности, с конкретикой изучения истории стран ЦЮВЕ в годы Второй мировой войны.

С.З. Слч выступил с докладом «Инструкция И.В. Сталина К.Е. Ворошилову от 7 августа 1939 г.: как ее читают и интерпретируют российские историки». Рассматриваемый докладчиком документ – секретная инструкция, лично продиктованная Сталиным главе советской военной делегации на англо-франко-советских военных переговорах в Москве в августе 1939 г. – известен исследователям со времени «архивной революции» в России. Интерпретируется он, однако, по-разному. В сентябре 1999 г. документ вызвал дискуссию в рамках очередного заседания российско-германской комиссии историков, посвященного 60-летию начала Второй мировой войны, на котором возникли принципиальные разногласия между некоторыми российскими участниками научного форума. Один из историков утверждал, что этот документ – наглядное свидетельство того, насколько серьезно относилось советское руководство к трехсторонним переговорам военных миссий, будучи заинтересовано в их успехе. Другой исследователь оценивал инструкцию как хорошо прописанный сценарий, следуя которому советская делегация должна была сорвать военные переговоры трех держав. Кто прав? Сопоставление содержания инструкции с ходом переговорного процесса позволяет приблизиться к ответу на этот вопрос.

На открывшемся утром 12 августа 1939 г. заседании военных миссий Ворошилов сразу же затронул первые четыре пункта инструкции, а именно: 1) о секретности переговоров;

2) о полномочиях миссий на подписание военной конвенции; 3) о целях их приезда в Москву; 4) о наличии планов обороны будущих союзников от «блока агрессоров в Европе». Уже на стадии рассмотрения процедурных вопросов выявилась неготовность западных миссий к обсуждению конкретных военных планов, что привело к свертыванию первого заседания и его переносу на следующий день.

На основании того, что западные представители, в основном французы, смогли только в общих чертах охарактеризовать состояние своей обороны и кратко обозначить характер собственных вероятных военных действий (что, по существу, исчерпывало 5-й пункт инструкции), Ворошилов уже в конце второго дня заседаний в соответствии с 6-м пунктом инструкции поставил вопрос о пропуске советских войск через территорию Польши и Румынии. По его словам, «участие СССР в войне возможно только на территории соседних [с ним] государств...». И здесь, подчеркнул С.З. Случ, отмечается интересная динамика: если поначалу Ворошилов высказывался в общем плане и недостаточно определенно, то уже на следующий день прибегнул к четким ультимативным формулировкам: «Это предварительное условие наших переговоров и совместного договора между тремя государствами. Если этого не будет, если этот вопрос не получит положительного разрешения, то я сомневаюсь вообще в целесообразности наших переговоров». Еще категоричней советский представитель высказался спустя несколько часов, в конце заседания: «Советская военная миссия считает, что без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР, по ее мнению, заранее обречено на неуспех. Поэтому военная миссия Советского Союза не может по совести рекомендовать своему правительству принять участие в предприятии, явно обреченном на провал». Эта формулировка полностью воспроизводила 7-й пункт сталинской инструкции, фактически подводила черту под трехсторонними переговорами в Москве, хотя вопрос о пропуске советских войск через территорию других, сопредельных с ним государств не входил в компетенцию военных миссий. Он имел политическую окраску и был еще более сложным, нежели проблема косвенной агрессии, являвшаяся в то время одной из самых важных для советского руководства и так и не нашедшая удовлетворительного решения в ходе трехсторонних политических переговоров. Без участия польской (и румынской) стороны в политических переговорах на самом высоком уровне решить вопрос о пропуске советских войск не представлялось возможным. Однако проведение таких переговоров не входило в намерения ни одной из держав. Советское руководство, несомненно, осознавало это. К тому же оно было давно и хорошо информировано о резко отрицательной позиции Польши по этому вопросу.

На основании сопоставительного анализа инструкции и хода переговоров С.З. Случ уточнил содержательную сторону и значение этого документа. Во-первых, по его мнению, само наличие такой инструкции свидетельствует о превосходной информированности советского руководства относительно полномочий и конкретных задач, поставленных перед западными военными миссиями. Во-вторых, текст документа не свидетельствует о каком-либо интересе советской стороны к состоянию вооруженных сил Англии и Франции, их мобилизационным и оперативным возможностям. В-третьих, в инструкции отсутствует даже намек на стремление к поиску компромисса, альтернативных решений или запасных вариантов в случае возникновения тех или иных трудностей на переговорах. И, наконец, в-четвертых, текст инструкции полностью, вплоть до мелочей, совпадает с ходом переговоров, фактически программируя их итог. Это, указал докладчик, дает серьезные основания для вывода об отсутствии у советского руководства желания успешного завершения англо-франко-советских переговоров военных миссий в августе 1939 г.

С.З. Случ подчеркнул, что рассматриваемый документ, несомненно, расширяя представления о методах сталинского руководства в сфере внешней политики накануне Второй мировой войны, никоим образом не меняет общей оценки этой политики, направленной на достижение соглашения с нацистской Германией.

А.Н. Канарская в докладе «Неизвестные документы о подготовке в СССР кадров для зарубежных компартий. 1940–1943 гг.» обратилась к опыту массовой подготовки в СССР профессиональных революционеров в соответствии с идеей «мировой революции». Изменение политической ситуации в Европе и, как следствие, обстановки в международном рабочем движении к середине 1930-х годов потребовало корректировки задач, форм и методов обучения и подготовки кадров. В соответствии с решениями VII конгресса Коминтерна (1935) ставка была сделана на опытных людей, не оторванных многолетним нахождением в эмиграции ни от партийного актива, ни от политических реалий своих стран. Однако в результате Большого террора использовать прежнюю систему, реформи-

ровав ее, не представлялось возможным по причине огромной потери кадров. Предстояло оперативно решать вопрос о формировании нового кадрового резерва для национальных компартий. Общее направление деятельности сформулировал на одном из совещаний Секретариата ЦК ВКП(б) А.А. Жданов: готовить «наших “интернационалистов”», сочетая в своей работе пролетарский интернационализм со «здоровыми» национальными чувствами. А.Н. Канарская подчеркнула, что работу предполагалось организовывать под сталинским призывом «За молодые кадры!» «Старики цепляются за старое, – приводил в своем дневнике слова Сталина Димитров. – Молодые идут вперед. Вовремя заменить стариков молодыми – это очень существенно».

В докладе был проанализирован процесс организации и становления первых учебных коминтерновских центров – «испанской школы» № 15 для возвращавшихся из Испании интербригадистов и Объединенной партийной школы в подмосковном Пушкино, приведены интересные биографические сведения об их руководителях. Впервые в распоряжении докладчика оказались уникальные материалы – личные дела коминтерновцев. Их внимательное изучение помогло с нового ракурса рассмотреть процесс подготовки кадров, оценить его результаты, в том числе и с точки зрения способности «учеников» выполнить те задачи, которые им предстояло решать в будущем.

С началом войны в Европе «под крылом» Коминтерна оказались тысячи иностранных коммунистов, занимавших разные ступени внутривнутрипартийной иерархии. К весне 1941 г., помимо вышеупомянутых учебных центров, действовала еще германо-австрийская школа, а также было организовано индивидуальное обучение для болгар, поляков, румын и представителей других компартий.

В феврале 1941 г. Секретариат ЦК ВКП(б) постановил, что «целевой установкой» в работе Объединенной школы станет подготовка кадров преимущественно из славянских стран. При этом политическое руководство осуществляли Секретариат Коминтерна и Дирекция школы, контакты учащихся с представителями национальных компартий были сведены к минимуму.

А.Н. Канарская обратила внимание на особый интерес советских спецслужб к «школьникам» для подготовки по своей линии, рассказала о механизме и критериях их отбора для подпольной и разведывательно-диверсионной работы: возраст от 18 до 35 лет, образование 6–7 классов средней школы, а, главное, – удовлетворительное состояние здоровья, особенно, нервной системы. Учитывались способность быстро усваивать несложные технические вопросы, навыки работы по металлу и другим материалам, знания, хотя бы начальные, геометрии и физики. А вот партийный или тюремный стаж, членство в комсомольской организации, принципиально важные для партийного заведения, здесь вовсе не были обязательными, что обуславливалось характером дальнейшей деятельности выпускников. В первую очередь, следовало исключить их «засвеченность» в полиции и структурах государственной безопасности собственных стран как членов национальных компартий, комсомола или иных левоориентированных организаций. Уже в школе беспартийные учащиеся, за редким исключением, вступали в ВКП(б) и получали советское гражданство. При отборе кандидатов старались применять индивидуальный подход.

В докладе были также проанализированы изменения в функционировании коминтерновских школ, вызванные нападением Германии на СССР: особое внимание обращалось отныне не на овладение теоретическим материалом – марксистско-ленинским учением, а на вопросы текущей политики, военную и физическую подготовку слушателей. Программа по военному обучению соотносилась с подготовкой среднего звена состава Красной армии. Занятия проводили инструкторы из числа командиров-фронтовиков, имевших преподавательский опыт, имелся и курс по «специальностям».

Хотя, как свидетельствуют приведенные А.Н. Канарской документы, после эвакуации спецшколы в ноябре 1941 г. в поселок Кушнаренково в 70 км от Уфы условия жизни и обучения учащихся значительно ухудшились, преподавательскому составу в целом удавалось решать поставленные задачи. В военные годы спецшкола являлась основным центром подготовки национальных кадров. Помимо партфункционеров для политической и агитационной работы, в ней готовили агентурные и военные кадры. За «людьми особого порядка» к руководителю Коминтерна Г. Димитрову неоднократно обращались из НКВД и Разведывательного управления Красной армии. В распоряжение П.А. Судоплатова регулярно откомандировывали выпускников, пополняя ими диверсионные подразделения и партизанские отряды, действовавшие на территории Центральной и Восточной Европы. Майора госбезопасности Г.С. Жукова обеспечивали необходимыми кадрами для «внут-

риразведывательной» работы в польской армии В. Андерса, Войске Польском, Чехословацкой бригаде и т.д.

Летом 1943 г. в связи с ликвидацией Коминтерна спецшкола была возвращена в Москву и еще некоторое время продолжала функционировать. Однако после создания при ЦК ВКП(б) специальных структур, занимавшихся организационно-политическими и финансовыми вопросами иностранных компартий, школа в Кушнаренково была реорганизована, а ее сотрудников и выпускников частично включили в состав специальных структур.

Заключая, А.Н. Канарская отметила важную роль школ Коминтерна в создании кадрового состава для иностранных компартий: пройдя партийно-политическое и военное обучение и морально-психологическую подготовку, национальные коммунисты в массе своей становились убежденными протагонистами советской общественно-политической модели, готовыми реализовывать ее в собственных странах.

Доклад *Е.Л. Валева* «Документы Коминтерна об основных направлениях деятельности советских и болгарских коммунистов в 1941–1944 гг.» отразил результаты многолетней работы исследовательницы по проблеме движения Сопротивления в Болгарии. На сей раз она сосредоточилась на важной теме – выработке единого алгоритма действий Болгарской рабочей партии (БРП) и ВКП(б) в условиях начавшейся войны между Германией и СССР. Выдвинувшийся на повестку дня вопрос о борьбе с фашистскими агрессорами обусловил резкую смену прежнего политического курса Коминтерна. Задача оказать всемерную помощь советскому государству диктовала необходимость не только срочной перестройки всей работы аппарата ИККИ, но и максимально широкого развития национально-освободительной антифашистской борьбы национальными компартиями. Исходя из указаний Коминтерна, БРП уже 22 июня 1941 г. взяла курс на вооруженную борьбу и вооруженное восстание в стране.

Указания Коминтерна, продиктованные благими целями, были неадекватны конкретной обстановке в большинстве стран Юго-Восточной Европы (исключением являлась лишь Югославия). Большими и неоправданными жертвами обернулась новая коминтерновская тактика в Болгарии, куда в 1941 г. были заброшены группы политэмигрантов для разведывательной и диверсионной работы и создания военной организации, готовившей вооруженное восстание. Почти все десантники погибли, причем многие даже не успели добраться до мест назначения.

Представленные в докладе документы свидетельствуют не только о подготовке десантников, но и о тесных контактах ИККИ и БРП с советским силовым ведомством – НКВД/НКГБ. На базе 1-го управления наркомата во главе с опытным советским разведчиком-чекистом П. Фитиным была развернута масштабная работа по подготовке болгарских политэмигрантов к выполнению особых заданий. Отбор в «команду» Фитина был строгим – все кандидатуры согласовывались лично с Г. Димитровым. Согласно документам, эти особо секретные виды деятельности, помимо развертывания в стране антиправительственной борьбы, преследовали далеко идущие цели – укрепить позиции и влияние коммунистов в послевоенной Болгарии.

Роспуск Коминтерна в мае 1943 г., как подтверждают конкретные материалы, не внес каких-либо принципиальных коррективов во взаимоотношения ВКП(б) с национальными компартиями. Связями с границей, руководством антифашистскими комитетами, нелегальным национальным радиовещанием и прочими коминтерновскими делами занимался теперь Отдел международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б), куда перешла часть аппарата ИККИ. Возглавил ОМИ Г. Димитров, что для болгарских коммунистов означало полное отсутствие какой-либо динамики в прежних контактах.

Касаясь вопроса о перспективах захвата власти в стране, Е.Л. Валева отметила, что впервые вопрос об этом был поставлен ЦК БРП в январе 1944 г. в циркуляре № 2 «О задачах партии по мобилизации и подготовке антифашистских сил к всенародному вооруженному восстанию». Активный обмен шифртелеграммами между коммунистами, находившимися в стране, и Димитровым шел через советские секретные службы. В стремительно менявшейся обстановке в ожидании открытия второго фронта Москва была настроена на поддержание стабильных отношений с союзниками по антигитлеровской коалиции и опасалась обвинений с их стороны в готовившейся советской экспансии. В силу этого Димитров в ответ на вопросы болгарских подпольщиков, правилен ли их курс на вооруженное восстание, можно ли принимать оружие от англичан и пр., предостерегал БРП от несвоевременного выступления с целью самостоятельного захвата власти, призвал избегать любых действий, способных создать ложное впечатление, будто речь шла о советизации Болгарии. Единственно правильным в сложившейся обстановке

был объявлен курс на укрепление левоориентированного Отечественного фронта (ОФ) как коалиции демократических антифашистских партий. Эту линию последовательно проводили Загранбюро ЦК БРП и руководимая им радиостанция «Христо Ботев». Документы Коминтерна убедительно доказывают, что на завершающем этапе Второй мировой войны партии болгарских коммунистов удалось вместе с союзниками по ОФ прийти к власти в значительной степени в результате корреляции своих действий с политической стратегией ВКП(б) и Коминтерна.

Поднятая на заседании *А.Ф. Носковой* тема относится к числу наиболее обсуждаемых в наши дни и политически острых – пребыванию советского солдата в Европе, освобожденной Красной армией от гитлеровцев. В докладе «Польское подполье против советских солдат. Новые документы» исследовательница, подчеркнув, что абсолютное большинство советских военнослужащих честно и достойно выполняли свой воинский и человеческий долг, отметила, что современные исследователи не ограничиваются этой констатацией. Последовательно расширяя диапазон своих изысканий, они не обходят ныне вниманием и многочисленные факты неблагоприятного поведения, главным образом на немецких территориях, тех, кто сокрушал фашизм, напоминая и о жесточайших наказаниях советским командованием лиц, уличенных в преступных действиях. Однако гораздо меньше внимания, по мнению *А.Ф. Носковой*, уделяется вопросу о том, как встретила Европа советского солдата. Проявления враждебности, вплоть до убийств красноармейцев, до недавнего времени как «неудобные» темы не просто замалчивались, но и преднамеренно табуировались. В этом докладчик усматривает одну из причин отсутствия на протяжении многих десятилетий репрезентативных источников, позволяющих воссоздать объективную картину прошлого. В настоящее время ситуация начинает меняться. На примере изучения действий польского вооруженного подполья против советских военнослужащих *А.Ф. Носкова* охарактеризовала состояние современной источниковой базы. В научный оборот постепенно вводятся многочисленные свидетельства об ограблениях, избиениях и убийствах советских солдат в Польше в 1945–1946 гг. теми, кто еще недавно состоял в рядах антигитлеровского сопротивления, но изначально был ориентирован на борьбу и против Германии, и против СССР. Сохраняемые в федеральных архивах, прежде всего в ГА РФ, документы свидетельствуют о том, что партизанские отряды Армии Крайовой (АК) и Народовых Сил Збройных (НСЗ) прилагали усилия по дестабилизации тылов Красной армии. Ими совершались многочисленные диверсии, разрушались транспортные артерии, линии связи передовых позиций и командования советских фронтов со Ставкой Верховного Главнокомандования, имели место убийства представителей власти на советских западных территориях и сторонников новой власти на польских землях, массово терроризировалось местное гражданское население.

Документы подтверждают, что тактика, применявшаяся «аковцами», объяснялась пониманием их руководством, что в прямом столкновении с частями действующей Красной армии, отряды АК и НСЗ не имели шансов на успех, поэтому вели бои «местного значения»: нападали на охрану советских комендатур, тюрем, уничтожали линии связи, грабили оружейные и продовольственные склады. В абсолютном большинстве случаев, как показывают документы, нападения совершались на небольшие группы или отдельных солдат и офицеров Красной армии. Их силой захватывали в плен, отбирали оружие и обмундирование, крайне редко отпускали. Как правило, разоружив и ограбив, пленных пытали, уводили в «лес», где расстреливали или резали. Часть документальных свидетельств совершенных преступлений сегодня уже опубликована. Это не только донесения советских властей, но и фотографии, судебно-медицинские акты обследования жертв, перечни убитых с описаниями истязаний и места гибели, поименные списки погибших.

Как правило, речь шла о сознательных, изощренных убийствах людей, за которыми скрывалась политическая подоплека. В одной из многочисленных листовок, выпущенных подпольем летом 1945 г., говорилось: «Убивайте большевиков в каждом месте, в городе и деревне. Любой способ убийства большевика будет правильным». Приведенные докладчиком выдержки из судебно-медицинских заключений неоспоримо свидетельствуют, что трагические судьбы советских военнослужащих во многих случаях являлись прямым следствием подобных призывов.

Начиная с весны 1944 г., информация о подобных фактах и сведения о числе погибших и пропавших без вести советских военнослужащих регулярно направлялась советским командованием в Москву. В ноябре 1944 г. она была доложена И.В. Сталину, а затем доведена до премьер-министра Великобритании У. Черчилля и президента США Ф.Д. Рузвельта. 6 февраля 1945 г. на конференции в Ялте Сталин поставил на обсуждение, по его

словам, «очень важный вопрос». Сообщив союзникам о зверствах поляков и расстрелах советских людей, Сталин потребовал «порядка и спокойствия в тылу Красной армии», предупредил о наказаниях, вплоть до расстрела, виновных. Имевшиеся многочисленные свидетельства диверсионной деятельности «аковцев», как и указание на необходимость обеспечить успешное ведение боевых действий, легли в основу обоснования советским лидером задачи подавления вооруженного подполья в Польше. И Сталин, подчеркнула докладчик, был в полной мере понят союзниками. Руководители Великобритании и США взяли на себя часть ответственности за деятельность НКВД СССР по подавлению польского подполья.

По имеющейся статистике Красная армия потеряла на территории Польши в боях за ее освобождение от гитлеровцев около полумиллиона человек. Число убитых жертв нападений и убийств на польской территории, где гитлеровцев уже не было, составило к осени 1945 г. 800 чел., не считая тех, кто пропал без вести в польском «лесу». К лету 1945 г. число погибших приблизилось к 1000 чел. Материалы российских архивов свидетельствуют, что в Польше, в тыловой зоне Красной армии нарушались все писанные и неписанные правила и обычаи ведения войны, совершались преступления, запрещенные международным правом.

А между тем в 2011 г. Сейм Польши признал героями всех участников подполья, которые «защищая независимость и демократические принципы польского общества, с оружием в руках или иным способом противостояли советской агрессии и навязанному коммунистическому режиму», и установил отмечаемый 1 марта государственный день памяти «проклятых солдат». Изъятий из закона тех подпольщиков, кто сотрудничали с гитлеровцами, сделано не было.

Вряд ли поступки тех, подчеркнула А.Ф. Носкова, кто убивал и истязал советских солдат, можно считать героическими. Политические режимы приходят и уходят. Остается историческая правда. Она состоит в том, что это советские солдаты сокрушили нацизм, сохранив тем самым и полякам, и другим народам право на жизнь.

Доклад *С.М. Слоистова* «Российские архивы о судьбах венгерского меньшинства в Словакии в годы Второй мировой войны и после ее окончания» – своеобразный расказ-отчет о работе международного научного коллектива, направленной на устранение сложившейся в историографии диспропорции. Традиционно исследователи сосредоточивались на послевоенном выселении венгерского меньшинства в Венгрию и акции по принудительному перемещению венгров из Словакии в Чешские земли. На периферии внимания ученых длительное время оставались многочисленные попытки решить венгерский вопрос в Словакии в условиях послевоенных реалий – складывания нового социально-политического порядка в Восточной Европе и начинающегося формирования двух противоборствующих блоков, коренным образом менявшего отношения между Великими державами. На решение этой исследовательской задачи направлены коллективные усилия российских и венгерских историков, реализующих совместный проект по подготовке публикации «Венгерское меньшинство в Чехословакии в контексте межгосударственных отношений. 1944–1949 гг. Документы российских архивов». Инициатором проекта выступил Архивный институт при Венгерском культурном центре в Москве во главе с его руководителем д-ром А. Шерешем, а его контрагентом стал Институт славяноведения РАН (руководитель рабочей группы – Г.П. Мурашко).

Данная инициатива венгерской стороны, подчеркнул докладчик, в значительной степени объясняется объективной историографической ситуацией: изучая влияние национального вопроса на чехословацко-венгерские отношения и шире – на межгосударственные отношения в Восточноевропейском регионе в целом, национальные историки постоянно сталкиваются с необходимостью выявления и тщательного изучения материалов российских архивов, проливающих свет на указанную проблему.

Поисковая работа группы велась в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Архиве Российской академии наук.

Основной массив документов был выявлен в АВП РФ, что дало возможность проследить разные подходы к решению проблемы словацких венгров со стороны Праги, Братиславы, Будапешта, выявить изменение позиции Москвы на разных этапах послевоенного развития Восточной Европы, эволюцию роли советского фактора. На протяжении 1943–1945 гг., вплоть до Потсдамской конференции, советская сторона оказывала твердую поддержку Чехословакии, но затем позиция Москвы претерпела известную корректировку, на которую оказали значительное влияние не только постепенное ухудшение

отношений СССР с Западом, но и общая политика советской стороны по продвижению коммунистов к власти в странах региона. Среди выявленных оригинальных документов докладчик указал на письмо Г. Димитрова советскому руководству от 30 июля 1945 г., сохраняемое в РГАСПИ в фонде В.М. Молотова. Димитров обосновывал в нем целесообразность подготовки специальной телеграммы по проблеме венгерского меньшинства за подписью Сталина руководителям компартии Чехословакии К. Готвальду и В. Широкому, что отразило возникшую к тому времени необходимость скорректировать позицию советского руководства.

Благодаря документам из фондов Архива РАН, заметил С.М. Слоистов, удалось уточнить подходы советской стороны к вопросу об определении границы между Венгрией и Чехословакией в ходе подготовки Парижской мирной конференции. В 1948–1951 гг. на венгеро-словацком пограничье наблюдалась стабилизация обстановки, напрямую связанная с общим улучшением отношений между Чехословакией и Венгрией. Этому способствовали установление монопольной власти коммунистов в обеих странах и заключенные двусторонние договоры, в результате чего вопрос о венгерском меньшинстве потерял прежде острое международное значение.

В докладе *Т.А. Покивайловой* «Документы советского посольства в Бухаресте о событиях 23 августа 1944 года» были проанализированы материалы 1-го секретаря посольства С.А. Дангулова, в частности его справка о политической обстановке в Румынии осенью 1946 г. после парламентских выборов в стране. В документе содержался ретроспективный анализ событий 23 августа 1944 г., в результате которых пал режим И. Антонеску. Т.А. Покивайлова отметила, что в Румынии оценки событий 23 августа всегда испытывали на себе влияние политической конъюнктуры, которая менялась в зависимости от потребностей внешней и внутренней политики. Так, непосредственно после августовских событий 1944 г. акцентировалось внимание на роли короля Михая, который организовал в Бухаресте в условиях наступления Красной армии государственный переворот и свержение фашистского диктатора кондуктэрула Антонеску, обеспечив выход Румынии из антисоветской войны и переход на сторону антигитлеровской коалиции. После установления в Румынии 6 марта 1945 г. правительства Петру Грозы, дружественного СССР и контролируемого коммунистами, ведущая роль в освобождении Румынии отводилась Красной армии и Советскому Союзу. А приход к власти коммунистов в конце 1947 г. сделал преобладающим вывод о решающей роли Румынской коммунистической партии в подготовке и осуществлении вооруженного восстания 23 августа. Успешные операции Красной армии на балкано-дунайском направлении, ее решающая роль в разгроме немцев на территории Румынии расценивались лишь как создание благоприятных условий для победы румынского народа. Во времена Н. Чаушеску (1965–1989) роль румынской компартии и румынского народа в осуществлении акта 23 августа стала гипертрофированно выпячиваться, а роль Красной армии, соответственно, замалчиваться. Современная румынская историография исходит из установки об оккупации Румынии советскими войсками, оправдывает вступление страны в антисоветскую войну, обеляет самого И. Антонеску. Тем интереснее, подчеркнула докладчик, взгляд со стороны, знакомство с наблюдениями и оценками, сделанными по горячим следам событий.

Упомянутая выше справка Дангулова датирована 9 января 1947 г. Она предназначалась для руководства МИД СССР и была призвана проанализировать политическую обстановку в стране и взаимоотношения короля Михая с советскими представителями в Румынии. Понятно, что Дангулов не мог обойти вниманием роль короля в событиях августа 1944 г. «Знаменательный шаг короля Михая в организации ареста И. Антонеску, – писал Дангулов, – был вызван весьма сложными обстоятельствами, сложившимися в стране после вступления Красной армии на территорию Румынии». Ссылаясь на свидетельства политических деятелей, близких ко двору, Дангулов подчеркнул, что даже в период наиболее значительных успехов немецкой армии на Восточном фронте при дворе румынского короля ощущались проанглийские настроения. Это отразилось, к примеру, на составе штаба, который был создан при дворе, чувствовалось также и при осуществлении самого переворота. По мнению Дангулова, факты давали основание оценить события 23 августа как одну из разновидностей королевского переворота. Вопреки утвердившимся впоследствии стереотипам советский дипломат весьма скромно оценивал роль коммунистической партии. «Что же касается участия в государственном перевороте коммунистов, – сообщал он в Москву, – то вернее будет сказать, что король привлек коммунистов к участию в государственном перевороте, нежели коммунисты привлекли короля». В составе штаба, в который был включен один из руководителей компартии Л. Пэтрэшкану, роль коммуни-

тов, по оценке Дангулова, была «в сущности символической». Делегация по ведению переговоров о перемирии в Москве, которую возглавлял Пэтрэшкану, была укомплектована из представителей царанистской и либеральной партий.

Дангулов указал также на явное преувеличение роли восставших масс в осуществлении свержения режима Антонеску. Переворот Дангулов оценивал как безусловно положительное явление, поскольку он лишил Германию одного из союзников и предоставил в распоряжение Объединенных Наций весьма значительные военные и экономические ресурсы Румынии, способствовал разгрому Германии.

Усилия румынской стороны, направленные на разрыв с германским союзником, отметила Т.А. Покивайлова, были оценены в Москве. Зримым подтверждением тому явилось награждение короля Михая высшим советским военным орденом «Победа».

Н.С. Пилько в докладе «Из истории католической церкви в Словении в годы итальянской оккупации. Документы, отражающие позиции люблянского епископа Г. Рожмана» проследила причины особого положения католического костела в итальянской зоне оккупации. Если в немецкой оккупационной зоне власти, опасаясь возможной организующей роли духовенства в формировании протестных настроений, проводили политику репрессий, то итальянцы, напротив, прибегли к помощи словенского духовенства в деле налаживания контактов с населением. Встречное движение высшего клира Словении показано на примере епископа Любляны Григория Рожмана. Об этом свидетельствуют высказывание епископа о готовности сотрудничества с новой властью «во благо словенского народа», публикация открытого письма к Муссолини в газете «Словенец» с выражением «великой радости» в связи с присоединением словенских земель к Италии и благодарности «за заботу» о словенском народе. Эта публично выраженная позиция руководителя словенских католиков, как и приведенный в докладе факт, что вскоре в Люблянской провинции не осталось ни одной колокольни, которая не была бы украшена итальянскими флагами, дали основание докладчику поставить под сомнение более позднее утверждение секретаря Рожмана С. Ленича, что словенское духовенство было едино в своем сугубо негативном отношении к оккупационному режиму, воспринимало его как великое зло. Отметив слова Ленича о якобы сильном искажении в печати обращения Рожмана к дуче, Н.С. Пилько подчеркнула, что приведенный секретарем епископа изначальный текст по смыслу и настроению мало отличается от опубликованного.

Характеристика позиции Рожмана была дополнена приведенными в докладе газетными материалами, свидетельствующими о том, что постепенно отношения между церковью и оккупационными властями становились все более тесными: епископ не только выступил с осуждением деятельности Освободительного фронта, сравнив ее со «смертным грехом» и предавая анафеме участников освободительного движения, но и фактически призвал начать в стране гражданскую войну.

Осенью 1942 г. Рожман направил командующему XI армейского корпуса генералу Роботти меморандум, который впоследствии получил название «меморандум 12 сентября». Проявив себя больше политиком, нежели духовным пастырем, епископ предложил организовать во всех областях вооруженные службы безопасности под командованием освобожденных из концентрационных лагерей молодых и надежных словенских офицеров «для восстановления мира и порядка» в стране. Их действия предстояло направить против «мятежных элементов». Рожман гарантировал, что «после создания служб безопасности через несколько недель будет установлен мир и порядок...». Почти одновременно, 26 сентября 1942 г., Рожман обратился к итальянским властям с посланием, известным под названием «Pro metogia». В нем он попытался обрисовать итальянским властям ситуацию, в которой оказались словенцы – «народ, который достойно переносит свое национальное несчастье, который спокоен и лоялен по отношению к властям, который совершенно чужд революционного духа и знает, как оценить сложившуюся ситуацию, и намерен воздать кесарю кесарево».

Проанализировав этот документ, Н.С. Пилько пришла к выводу, что люблянский епископ искал возможность обеспечить относительно спокойное существование словенцев в новых реалиях. Однозначно осуждая и отвергая коммунизм, он выражал готовность сотрудничать с «легальной властью», критиковал, хотя и робко, оккупационный режим, подчеркнул, в частности, что «коллективная ответственность народа за поступки отдельных его представителей вызвала чувство бесправия и отторжение новых властей, в результате чего даже лояльно настроенная часть общества предпочла бежать в леса и пасть в объятия коммунизма». Рожман предложил ряд мер по смягчению режима, что, по его

мнению, должно было улучшить отношение населения к оккупационным властям. Особо он оговаривал неприкосновенность прав словенцев на дома и прочую собственность.

Н.С. Пилько отметила, что «Про тегога», как и другие перечисленные выше документы, использовались стороной обвинения во время суда над Рожманом, который был приговорен к 18 годам тюремного заключения. Однако он сумел уйти от наказания, бежав сначала в Швейцарию, а затем в США, где епископ скончался в 1959 г. Примечательно, что эти же документы, но теперь уже со стороны защиты, фигурировали в ходе процесса реабилитации люблянского епископа в начале 1990-х годов. По мнению адвокатов, они свидетельствовали о том, что Рожман радел лишь о благе словенского народа, стремясь защитить и сохранить его от нависшей угрозы истребления.

Доклад *Т.В. Волокитиной* «“Записки о войне” Бориса Слуцкого как исторический источник» был посвящен анализу одного из наиболее достоверных документов личного происхождения о войне, созданного профессиональным литератором, «современным историком», как он сам себя называл. Над «Записками» Слуцкий работал в течение нескольких послевоенных месяцев, а увидели они свет только в 1995 г. в канун 50-летия Победы. Воссозданная автором отличная от официальной панорама войны, его наблюдения и оценки оказались настолько востребованными, что в начале нового тысячелетия «Записки» дважды были переизданы. В год 55-летия окончания Великой Отечественной войны в питерском издании «Logos» вышел комбинированный сборник, включающий «Записки о войне» и наиболее известные стихотворения поэта о войне из сборников разных лет. В 2005 г. книга «О других и о себе», куда вошли и «Записки о войне», была переиздана в серии «Мой XX век».

Б. Слуцкий прошел войну «от звонка до звонка», начав ее под Москвой в дивизионной прокуратуре, а закончив в Австрии и Югославии офицером 7-го отделения политотдела 57-й армии, отвечавшего за работу среди войск и населения противника. Слуцкий в «Автобиографии», сохраняющейся в его писательском личном деле, отмечал: «Был во многих сражениях и во многих странах. Писал листовки для войск противника, доклады о политическом положении в Болгарии, Венгрии, Австрии, Югославии, Румынии для командования. Написал даже две книги для служебного пользования о Югославии и о юго-западной Венгрии. Писал текст первой политической шифровки “Политическое положение в Белграде” (20 октября 1944 г.). Многократно переходил линию фронта и переводил через нее немцев-антифашистов, предъявляя ультиматумы (в том числе в Югославии и в районе Граца) [...] В конце войны участвовал в формировании властей и демократических партий в Венгрии и Австрии. Формировал первое демократическое правительство в Штирии (Югославская Австрия)». А в конце заметил: «[...] Вел обычную жизнь политработника».

«Технология» критического источниковедческого анализа такого источника, как «Записки», предполагает обязательную оценку личности автора и ее масштаба, его положения в описываемых событиях, их времени и места. Следует учитывать также и такие явления, как модернизация памяти и модернизация самой личности автора, причем последняя может протекать незаметно для него самого. «Записки», заметила докладчик, дают основания сделать вывод о высокой степени осведомленности автора. Что касается модернизации памяти, «Записки» наименее уязвимы: во-первых, они создавались «по горячим следам» событий и, во-вторых, Слуцкий явно не рассчитывал на их публикацию. Более того, приехав в отпуск из Граца осенью 1945 г. и познакомив с рукописью самых близких своих друзей, Слуцкий попросил их изъять из всякого обращения экземпляры разделов «Основы», «Девушки», «Попы» и т.д. Это, по мнению *Т.В. Волокитиной*, исключает предположения о какого-либо рода сознательных «натяжках», допущенных автором при написании текста из-за опасения цензуры. Действовала ли самоцензура, сказать сложнее. Но в целом степень открытости и честности «Записок» Слуцкого весьма высока. По всей вероятности, понимая, что «Записки» во многом и для многих придутся «не ко двору», Слуцкий никогда не предпринимал никаких попыток к изданию и, как вспоминали друзья, «как бы забыл о них». Что касается модернизации личности автора, то на этот вопрос до некоторой степени дал ответ он сам. Уже на первом этапе войны, писал Слуцкий, «наш древний интернационализм был обломлен свежей ненавистью к немцам», «самосохранение жестоко “состукивалось” с долгом», «страх перед смертью – со страхом перед дисциплиной [...]». Однако создавались «Записки» уже на исходе войны, «накануне Европы», и не случайно в одной из первых заметок «Гнев» Слуцкий замечает: «Не время говорить о правде и неправде. Немцы первые ушли по ту сторону добра и зла».

Да воздастся им за это сторицей! [...] Жестокость наша была слишком велика, чтобы ее можно было оправдать. Объяснить ее можно и должно [...].»

Свои наблюдения Т.В. Волокитина подкрепила проведенной верификацией отдельных выводов Слуцкого (в частности, по таким вопросам, как внешний вид красноармейцев, солдатская еда, армии новых союзников – Болгарии и Румынии). С этой целью были использованы опубликованные в годы «архивной революции» документы по истории Великой Отечественной войны и написанные на новой источниковой базе монографии российских исследователей. Так, например, длительное время бывшая «неудобной» еврейская тема (как ее представил Слуцкий в разделе «Евреи», где помещен «Рассказ еврея Гершельмана»), верифицирована в докладе на основе последних изысканий историка Г.В. Костырченко.

Итогом сопоставительной работы стал вывод докладчика о высоком «уровне правды» «Записок» Слуцкого. Увидев и описав «взбаламученную, растерянную, униженную и счастливую Европу, запруженную тысячами потоками остарбайтеров [...], свободу внезапную, испуганную, безудержную [...]», Слуцкий, по словам писателя Даниила Гранина, воссоздал «время мести и прощения, время надежд и страха». «Записки» – честный рассказ о том, как советский солдат входил в Европу, что творил там – хорошего и плохого, как, по словам писателя Ильи Эренбурга, «сложна, темна и густа, как непроходимый лес», война...

Проявления жесточайшего противостояния Слуцкий-поэт наблюдал не только на переломной. Своя война была везде. Даже в сельском храме – бывшем клубе, превращенном в госпиталь, где смертельно раненый молоденький комбат не хочет умирать рядом с «пруссским унтером» и требует убрать его (стихотворение «Госпиталь»). Примирить врагов не может даже неизбежная близкая смерть. Бывалые солдаты обращают внимание новобранца на то, «какая здесь война». И как бы отменяя неприятие им случившегося, замечают: «Тебе, видать, не нравится она – Попробуй перевоевать по-своему».

Эти строки, заметила Т.В. Волокитина в заключение, звучат из давних лет как ответ Слуцкого-воина на столь щедрые в наши дни обвинения в адрес советскому солдату-освободителю Европы от фашизма, его «совет» безапелляционному критику.

Закрывая заседание, организаторы, выразив общее мнение собравшихся, еще раз подчеркнули важную роль документа в воссоздании объективной картины Великой войны, преодолении нового мифотворчества, освещении гигантских усилий советского народа, которые привели к Великой Победе.

Славяноведение, № 3

КРУГЛЫЙ СТОЛ «НОВОЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ЛИТЕРАТУР ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН»

В отделе истории славянских литератур 9 декабря 2014 г. состоялся ставший уже традиционным ежегодный «круглый стол», посвященный обзору последних событий и новейших тенденций в общественной и культурной жизни зарубежных славянских стран. Подобные заседания неизменно вызывают большой интерес сотрудников из разных отделов института. Ведь, с одной стороны, здесь подводятся итоги международного сотрудничества, которое велось нашими литературоведами в последнее время. С другой – обсуждение этих вопросов в таком формате помогает обмену информацией о важнейших направлениях научной мысли, о разрабатываемых зарубежными коллегами проектах, публикуемых исследованиях и т.п.

Открывая заседание, заведующая отделом, д-р филол. наук Л.Н. Будагова напомнила, что обычно подобные мероприятия проводились в отделе на исходе Дней славянской культуры и письменности. Однако в связи с напряженным графиком работы в 2014 г. – подготовкой к изданию двух коллективных трудов и одной монографии – данный «круглый стол» пришлось перенести на конец года.

Первым выступил с докладом д-р филол. наук А.В. Лунатов. Он рассказал о той острой дискуссии, которая на протяжении многих лет ведется в польском обществе и ка-

сается роли католической церкви на современном этапе истории страны. Главный волнующий вопрос, обсуждаемый в последние годы, – насколько церковь может и должна участвовать в общественно-политической жизни. Как известно, в Польше католическая церковь длительное время играла роль духовного фундамента и в период Польской Народной Республики не слишком ослабила эту свою позицию: на территории костелов продолжали организовываться различные концерты, встречи, церковными издательствами выпускалась запрещенная литература. И в 1990–2000-е годы церковь продолжала играть роль наставника, выражая свое мнение по поводу всего: от политических выборов до вопросов искусства и культуры. Это периодически вызывало протест светской части общества, заявлявшей о том, что в результате такого вмешательства в общественную жизнь церковь утратила свою роль сакрального института. В конечном итоге, в последние годы произошло разделение и среди католических священнослужителей на тех, кто мыслит догматично, консервативно, и тех, кому свойственен более свободный образ мыслей. Помимо этого, А.В. Липатов познакомил участников «круглого стола» с широко обсуждаемой сейчас в Польше книгой американского слависта польского происхождения Эвы Томпсон «Имперские знания: русская литература и колониализм» (2000) и разработанной в ней концепцией российского колониализма. Автор книги проводит аналогию между колониальными войнами европейских стран и российскими завоеваниями Сибири, Кавказа, Речи Посполитой и даже походом русских войск на Париж в 1812 г. «Трубадурами империи» в книге именуется русские писатели XIX–XX вв., которые, по мнению Э. Томпсон, активно обслуживали нужды российского колониализма. В качестве примеров анализируется творчество Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого и др. Теория эта получила большую популярность не только в Польше, но на Украине, где книга Э. Томпсон была издана в украинском переводе в 2006 г. под названием «Трубадуры империи. Русская литература и колониализм».

О новейших тенденциях чешского литературоведения шла речь в докладе *А.В. Амелиной*, посетившей в 2014 г. Прагу в рамках научной стажировки в Чешской академии наук. Одним из самых масштабных событий в общественной и культурной жизни Чехии последних лет стал проект, посвященный изучению чешской поэзии, в рамках которого состоялось немало научно-исследовательских мероприятий, издано несколько теоретических трудов и ряд отдельных статей по теории стиха (например: Ибрагим Р., Плехач П., Ржига Й. «Введение в теорию стиха» (2013); Плехач П. «Мирослав Червенка и порождающая модель метрических норм женского силлаботанического стиха» (2012)). При поддержке Института чешской литературы АН ЧР создано и в настоящее время уже функционирует несколько электронных баз данных и интернет-приложений, содержащих корпус чешских поэтических текстов: *Versologický tým – Korpus českého verse, Databáze českých meter, Eufonometr, Frekvenční slovníky české poezie, Gunstick – databáze českých rýmů*. Среди публикаций чешских литературоведов за минувший год А.В. Амелина особо выделила сборник научных статей «Исторические фикции и мифификации в чешской культуре XIX века» (2014), монографию Й. Войводику «Пафос в чешском искусстве, поэзии и художественно-эстетическом мышлении 40-х годов XX века» (2014), первую чешскую монографию о драматическом творчестве В. Гавела (Водичка Л. «Выразить в пьесе: притча и (само)стилизация в драме Вацлава Гавела» (2013)), а также новейшие исследования в области имагологии (например, Сокуп Д. (ред.) «Евреи в древней чешской литературе: Избранные художественные произведения» (2013)).

Канд. филол. наук *М.Г. Смольянинова* рассказала о новом, чрезвычайно ценном фундаментальном труде, изданном в 2014 г. в Болгарии, – «Энциклопедия болгарского возрождения. Литература. Периодическая печать. Литературная жизнь. Культурные центры» (т. 1, А–Й). Книга была подготовлена к печати отделом литературы болгарского возрождения (руководитель – Р. Дамянова) Болгарской академии наук. Всего предполагается издать три тома. Данная энциклопедия освещает литературную жизнь Болгарии эпохи национального возрождения (1762–1878). В ней даны портреты писателей той поры (Пасия Хилендарского, Софрония Врачанского, Г. Раковского, В. Друмева, Д. Войникова, Л. Каравелова, Х. Ботева и др.), освещается деятельность читален и училищ, действовавших тогда на территории Болгарии (в Софии, Пловдиве, Сливене, Шумене и других городах). Одной из особенностей становления новой болгарской литературы в эпоху возрождения является возникновение ряда центров культурного развития за пределами Болгарии: в России, Сербии, Румынии и в других странах, и в энциклопедии дается информация о работе этих центров. Здесь помещены статьи об ученых всего мира, занимавшихся

изучением болгарской литературы эпохи национального возрождения. Так, в первый том вошли статьи и об ученых Института славяноведения РАН – Георгии Дмитриевиче Гачеве и Григории Куприяновиче Венедиктове.

Д-р филол. наук *И.И. Калиганов* выступил с общим обзором основных направлений развития современного болгарского литературоведения. В целом, в последние пять лет здесь можно наблюдать те тенденции, которые возникли еще в 1990-е годы. Это – возвращение болгарской литературе имен и произведений болгарских писателей, которые раньше замалчивались по идеологическим соображениям. По-прежнему не ослабевает интерес к литературе болгарской эмиграции и русских беллетристов, бежавших в Болгарию после октябрьского переворота 1917 г. Наблюдается стремление болгарских литературоведов по-новому взглянуть на творчество, казалось бы, давно и хорошо известных болгарских авторов и их произведений: идет процесс очищения от предвзятых и часто надуманных идеологических оценок. Уход от идеологизации изменил направление усилий болгарских ученых: ныне большое внимание уделяется исследованию особенностей и эволюции отдельных концептов в литературе. Продолжается традиция проведения «датных» конференций и выпуска сборников в связи с юбилеями болгарских писателей или выходом отдельных произведений, в свое время вызвавших переворот в сознании болгар.

Аспирантка *И.Н. Смирнова* сообщила об итогах поездки на Международный филологический форум для студентов и аспирантов, проходивший в середине ноября 2014 г. в Софийском университете имени св. Климента Охридского, где она выступила с докладом «Заметки об особенностях женского образа в болгарском фольклоре и поэзии». Проанализировав тематику представленных на форуме докладов, *И.Н. Смирнова* пришла к выводу, что наибольшее внимание молодые исследователи – участники форума уделяют современной западноевропейской литературе, тогда как современная болгарская литература вызывает значительно меньший интерес. Примечательно, что одной из наиболее популярных тем, разрабатываемых начинающими литературоведами, является экранизация литературных произведений. В частности, в ряде докладов речь шла об экранизациях произведений русских и советских писателей: «Войны и мира» Л.Н. Толстого, романов Ф.М. Достоевского, братьев Стругацких и др.

Наконец, канд. филол. наук *Ю.А. Созина* рассказала о Международной конференции «Первая мировая война. Славяне по обе стороны линии фронта» (10–11 ноября 2014 г., г. Любляна), организованной Институтом славяноведения РАН и словенским Институтом цивилизации и культуры. В конференции приняли участие ученые-словенисты из России, Словении, Украины и Хорватии, в том числе представительная делегация сотрудников Института славяноведения РАН во главе с директором института д-ром ист. наук К.В. Никифоровым. Факт организации подобной конференции является очередным доказательством благожелательного отношения словенцев к России. В подтверждение неизменного интереса к русской культуре и литературе здесь ежегодно издается множество переводов русской литературы, популярностью также пользуются книги о современной России (в частности, одна из последних новинок публицистического жанра – книга «Рах Путина» (2014) словенского журналиста А. Стопара).

Безусловно, выступавшие ориентировались, в первую очередь, на собственные научные интересы и разрабатываемую проблематику. Однако, рассматривая под разными углами зрения заявленную тему «круглого стола» и акцентируя внимание на различных аспектах культурной жизни, участникам заседания в конечном итоге удалось выявить многие важные тенденции в развитии современной общественной и научной мысли в зарубежных славянских странах. Прозвучавшая на «круглом столе» информация может быть серьезным подспорьем в расширении культурного кругозора его участников и ориентиром в решении ими собственных научных задач.

Однако серьезные опасения вызывают недавние решения руководства Академии наук, касающиеся международного сотрудничества. В заключительном слове *Л.Н. Будагова* отметила, что дальнейшее международное сотрудничество ученых института находится под угрозой ослабления или даже сведения на нет. Очевидно, что этому активно поспособствует ликвидация международного отдела Президиума РАН, отмена безвалютного обмена, тормозящая, а фактически отменяющая заграничные командировки, возможные лишь (при отсутствии грантов), если их полностью оплачивают из скудных бюджетных средств, выделяемых на науку, посылающая или принимающая сторона. Настораживает в лучшем случае равнодушное, а по сути пренебрежительное, отношение общества к академической науке. Она переживала разные периоды отечественной истории, но никогда

не оказывалась в России в столь странном положении, как теперь. А между тем, именно наша наука, наши ценимые во всем цивилизованном мире «мозги» способны сыграть консолидирующую и миротворческую роль в международных отношениях и в отношениях к нашей стране за рубежом. Иностранцы ученые, пока еще приезжающие к нам на конференции, симпозиумы, совещания, для работы в наших библиотеках и архивах, становятся не только нашими партнерами, но и друзьями, носителями того русофильского начала, дефицит которого так ощущается в наши дни.

© 2016 г. А.Ю. Пескова

Славяноведение, № 3

Балканское «начало»: научные встречи и новые проекты

7–9 апреля 2015 г. в Институте славяноведения уже в 13-й раз прошли «Балканские чтения». Эти научные встречи берут свое начало с 1990 г. и раз в два года собирают лингвистов, литературоведов, историков и искусствоведов как из России, так и из-за рубежа (подробнее об истории «Балканских чтений» и публикациях см. на сайте Института). В конференциях регулярно принимают участие ученые из Москвы (Институт славяноведения, МГУ и РГГУ, Музея им. Пушкина) и из Петербурга (Институт лингвистических исследований, Кунсткамера и СПбГУ). Особенностью этих симпозиумов является их междисциплинарность, исследование балканской проблематики в максимально широком охвате с учетом сформулированной Т.В. Цивьян («Лингвистические основы балканской модели мира». М., 1990) и поддержанной в мировом научном дискурсе идеи «балканской модели мира».

В этот раз конференция называлась «Балканский тезаурус: Начало», в ней участвовали 35 ученых из Болгарии, Германии, Греции, Израиля, Молдовы, Польши, Финляндии, Франции и Японии. Кроме русского, доклады делались на английском, сербском, польском и болгарском языках. По сложившейся традиции, к началу «Балканских чтений» был издан сборник тезисов и материалов (М., 2015), в котором опубликовано 48 текстов, в том числе и тех авторов, которые, к сожалению, не смогли приехать в Москву.

«Балканские чтения 13» опирались, как это видно из названия, на две основные идеи. Прежде всего, организаторы исходили из того, что за историю существования балканистики как научной дисциплины собран значительный материал, который требует обобщения в новых формах и с новым подходом к хрестоматийным балканизмам. Эти наработки предполагается представить в пилотной форме Тезауруса, который видится авторам как корпус сведений, т.е. именно в своем исконном, этимологически греческом значении («сокровищница»). Тема «Начало» подходит для подступа к такому проекту, причем не только потому, что начинается новый этап работы, но и потому, что «начало» во многих его лингвистических, фольклорных, этнографических и художественных воплощениях, будучи, безусловно, универсалией, содержит в себе ряд важнейших балканизмов.

Концепт «начало» раскрывался многопланово, в абсолютно различных интерпретациях, с учетом разных временных срезов и лингвокультурных традиций. Это многообразие «начал» прекрасно сформулировано в докладе Т.В. Цивьян (Москва) «Предложения к “Балканскому тезаурусу”: *дейктическая составляющая*», который прозвучал на Чтениях и задал основные направления для дискуссий и работы по подготовке Тезауруса. По словам исследовательницы, «начало предстает *разным* и в *разном*: лексема – термин – концепт; текст, словесный и несловесный (сочетающий разные коды – визуальный, акустический, предметный и т.д.), но одновременно и единым, как своего рода *signum primum*, или знак открывающий». Такой ракурс вводит *начало* во владения семиотики с ее классифицирующей (прежде всего) ролью. Начало закладывает порядок: «оно *открывает* и тем самым выстраивает сотворение мира, сотворение человека; оно открывает миру человека, а человеку – мир». В этой краткой формулировке представлены почти все основные

идеи и методологические подходы, обсуждавшиеся на конференции. Вместе с тем в ходе выступлений и обсуждений возникали неожиданные балканистические сюжеты и переключки, что позволяло более полно раскрыть тему «начала» на Балканах.

Доклады были сгруппированы в несколько секций: «Балканские древности», «Балканское средневековье», «Балканы и балканистика» (с подсекциями «Язык» и «Культура»), «Мифология и фольклор» (с подсекциями «Мифы, сюжеты, мотивы», «Ритуал», «Текст», «Литература»).

Первый доклад исследователя из Израиля *В. Мерлина* (Иерусалим) «“Ты сокрушил голову Левиафана” (Пс.74:14): “основной миф” устами псалмопевца» опирался на традиционную для московской балканистики семиотическую методику и рассмотрел мотив «начала удара» в широком мифологическом и лингвистическом контексте. *Л.И. Акимова* (Москва) в докладе «Два “начала” в жизненном цикле: Берлинская амфора мастера Дария» обратилась к сюжету (со)творения, столь часто воплощающему истинное начало, которое в изобразительной системе древних греков обретает идеальную, по Аристотелю, форму «целого»: «А целое есть то, что имеет начало, середину и конец».

Тема творения, но уже в фольклорных жанрах, анализировалась позднее в докладе *О.В. Беловой* (Москва). «Этиологические мотивы в восточно- и южнославянских легендах о миротворении – общее и особенное», в котором была показана специфика этиологии как народного мировоззрения и охарактеризованы детали ее балканского воплощения. Мифы о происхождении, как показала польская исследовательница *М. Рекуць* (Лодзь) в докладе «Миф об общем происхождении как специфический вид мифов о начале», активизируются в политических целях и являются важной составляющей при формировании идентичности во время распада СФРЮ и в последующие годы.

Особое место в докладах уделялось собственно концепту начала, его метафорике, лексическому и грамматическому воплощению. Подробно анализировалось греческое полисемическое *ἀρχή* как ‘начало’ и ‘власть’ (ср. рус. *начальник*), которое в древних текстах соотносится с Творцом, Словом и Первоначалом, см. публикацию *Е. Црвенковской*. *К. Митани* (Токио) в докладе «“Начело премудрости...” и южнославянские списки “Слова Акира премудрого”» указала на различия в префиксации между восточно- и южнославянскими лексемами, обозначающими начало (*почеток* и *начало*). *В.Г. Мостовая* (Москва) в докладе «Лексико-семантическое поле “начало” в поэзии Пиндара (синонимические отношения)» рассмотрела лексико-семантическое поле *ἀρχή* и выделила его основные значения как точки на временной оси: начало и его причина (то, что в своем докладе *Т.В. Цивьян* обозначила как «затакт»), начальный период, стадия развития и др. Отсюда многообразие поэтических синонимов и особенно антонимов лексико-семантической группы начинания, последние заметно увеличиваются за счет метафорического обозначения окончания как завершения, награды, победы.

Н.Н. Казанский (Санкт-Петербург), анализируя в докладе «Начинательность как категория в языке и в тексте» древнегреческое *ἀρχή*, выделил в нем суффикс *-sk’- глагольного происхождения. По мысли исследователя, лексические обозначения этапов действия: начальное и конечное (понимаемые как точечные действия), а также время, длящееся между этими двумя точками начала и конца, являются близким аналогом системе грамматических форм, в частности, недостаточно четкой дифференциации в употреблении форм имперфекта и аориста, свойственной гомеровскому эпосу. Грамматическим формам, передающим семантику начала, был посвящен доклад *З. Генчевой* (Париж) «Начало процесса: ингрессивное и инхотативное значение»; *М.В. Морозова* (Санкт-Петербург) анализировала грамматические маркеры начала через типологию фазовых глаголов в албанском языке (доклад «*Kështu fillon së foluri*: аблатив отглагольного имени в конструкциях с фазовыми глаголами»).

Развитие (=начало изменений) балканской языковой, лингвокультурной и конфессиональной ситуации стало предметом анализа в нескольких докладах. В докладе «Топонимы на Балканах – остатки древнего субстрата и новых адстратных языков» *Х. Шаллер* (Марбург) показал сплав языковых влияний (фракийского, дакийского, иллирийского и др. «топонимических языков») на формирование топонимии.

Начальные точки «балканизации» славянских языков рассматривались в докладе *М. Вальстрема* (Хельсинки) «Неуловимое начало утраты падежей в балкано-славянских языках: два мифа». *А.Н. Соболев* (Санкт-Петербург) в докладе «Ситуации этнического симбиоза на Балканах и их отражение в языке и культуре» показал, что в ряде регионов Балкан экспериментально выявлен новый объект исследования – симбиотические полилингвальные сообщества, свойства которых современной балканистике были неизвестны.

М. Номати (Саппоро) прочитал доклад «О начале новой “дезинтеграции” и “интеграции” сербохорватского языка: этнолект горанцев и их идентичность в социолингвистическом освещении», в котором проследил начало аусбау-языков после распада Югославии.

Почти во всех докладах звучала мысль о том, что начало не может анализироваться вне изучения конца, середины и образа целого. Так, соединение начала и конца проявляется не только в известном лингвистам факте, что сами слова *начало* и *конец* являются однокоренными. Об этом специально и подробно говорилось в докладе *П. Асеновой* (София), *У. Дуковой* (Франкфурт-на-Майне) «Отождествление представлений о начале и конце в балканских языках и культурах», в котором исследовались метафоры начала и конца применительно к телу, жестам, движению.

Сходными идеями поделилась *С.М. Толстая* (Москва) в докладе «*С начала до конца*: структура и магия перечней в фольклорных текстах». Исследовательница отметила аксиологическую специфику «начала» и его синонимов, а также ограниченность начала темпоральными контекстами, в отличие от «конца», который получает и пространственные характеристики. Характеризуя фольклорные тексты разных жанров, в которых присутствуют перечни (парадигмы), С.М. Толстая показала, что начало маркирует либо главный и символически наиболее значимый член ряда, либо точку отсчета для линии восхождения в символическом или ритуальном смысле; в некоторых жанрах наиболее значимому (первому) члену перечня присваивается родовое имя всего ряда. В докладе *К.А. Климовой* (Москва) «Формулы зачина в новогреческих быличках» жанровые особенности рассматривались с точки зрения балканских грамматических особенностей, поскольку необходимые указания на время, место, источник информации соотносятся с категорией определенность–неопределенность.

Начало в *тексте* (авторском, фольклорном) стало предметом анализа нескольких исследователей. *Я.Л. Забудская* (Москва) в докладе «Начало повествования в драматическом жанре: прологи древнегреческой трагедии» описала единое экспозиционное целое классической драмы, в котором дается основная часть информативного элемента текста. *А.А. Новохатько* (Фрейбург) в докладе «Начало в тексте: о прологе древнеаттической комедии» обратилась к вопросу о том, какие языковые маркеры очерчивают границу пролога, который служит в комедии решающим толчком к действию. *Т.Ф. Теперик* (Москва) в докладе «Поэтика начала в структуре книги: “Энеида” Вергилия» очертила специфику введения в главы («книги»), специфику, которая состоит в исключительно личностном, эмоциональном анализе описываемых в дальнейшем событий. *А. Романова* (Кишинев) в докладе «Зачин *обращение к читателю* как активизатор художественного кода (Мирча Кэргэреску. “За что мы любим женщин”))» уже на материале современной румынской прозы писателя-мистификатора анализировала начало (зачин) как сильную позицию, опорный пункт внутренней организации текста, открывающий автору возможности для циклизации и архаизации времени.

Начало в *ритуалах* развивает различные семантические и семиотические нюансы, порождая магические акты и тексты. Начало как «первое», как зарождение, возникновение, инициация и пр. призвано способствовать успеху процесса и его завершению в линейном времени. Нередко в таком комплексе видится уже следующее начало и прототип последующих действий, т.е. с ним связана идея циклизации времени. В некоторых ситуациях, наоборот, «правильное» начинание призвано обозначить однократно и абсолютную завершенность в линейном времени. Семантика начала как фундамента, основания для успешного продолжения особенно отчетливо прослеживается в строительных обрядах, как показала *А.А. Плотникова* (Москва) в докладе «Строительство дома у мусульман на Балканах: символика начала (по полевым материалам из Боснии, Сербии)». Темпоральные значения начала, зарождения, символика первых дней года и месяцев также развивают богатую систему ритуальных актов и сопровождающих их текстов, о чем говорила *С.А. Сиднева* (Москва) в докладе «*Архипривја*: “начало” в номинациях, символике и обрядах первых дней месяца в новогреческой культуре». Начало как темпоральная мифопоэтическая категория, требующая соблюдения запретов, рекомендаций, была рассмотрена *Н.Г. Голант* (Санкт-Петербург) в докладе «Концепт *начала* в мифологических представлениях румын о днях недели». Доклад *К. Задои* (Дюссельдорф) «Святочные обходы с вострями на территории Украинских Карпат», посвященный святочным ритуалам у восточных славян вывел на типологическое (а возможно и генетическое) сходство с балканославянскими новогодними обходами. Подобные восточнославянские–балканские параллели, но на материале средневековой письменности

в своем докладе «О балканских мотивах в русском летописании и миниатюре» приводил *В.Я. Петрухин* (Москва).

Тема вхождения человека в мир, его начальная социализация в полиэтничных селах стала основной в докладе *А.С. Дугушиной* (Санкт-Петербург) «Родины в традиции албанцев Украины: этнокультурная специфика и иноэтничные элементы». Архаические компоненты инициации и посвячительных обрядов, приобретения нового статуса (целителя, ведьмы) обсуждались в докладах *А.А. Новика* (Санкт-Петербург) «Начало знахарской практики как продолжение традиции: албанцы Украины» и *Г. Мишева* (Пловдив) «Как стать ведьмой (по материалам болгарской традиционной культуры)».

Балканский героический эпос повествует о новом, о начале, которое нуждается в опоре на архаические традиции, как показала *Е. Сартори* (Афины) в докладе «Военачальники у истоков национальных государств, герои народных песен на Балканах: Колокотронис и Карагеоргий». *М. Камеда* (Токио) обратилась к теме «Репродукции героев в Югославии: создание национальных икон через фотографии» и выделила балканские черты в культе героев – югославских партизан, хотя генетически он вторичен и соотносится с советскими образцами.

На конференции было уделено внимание ситуации «отсутствия начала» в свете ментальности *homo balcanicus*. В докладе *И.А. Седаковой* (Москва). «“Начинание”/“неначинание” и балканославянский концепт лени» был поставлен вопрос об османском влиянии на восприятие человека ленивого, поскольку значительная часть объемного лексико-семантического поля «Лень» состоит из общебалканских турцизмов. Однако все они маркированы крайне негативно, что поддерживается фольклорными текстами и паремиями, в которых ленивый человек всегда персонаж отрицательный.

Все доклады «Балканских чтений» сопровождались интересными дискуссиями, в ходе которых дополнялось семантическое и семиотическое поле балканского «начала». Так, возникли сюжеты о вестнике, об эмоциях, сопровождающих начало, о некоторых образах, связанных с возникновением и порождением (например «мысль как молния»), которые найдут место в пилотном выпуске «Балканского тезауруса».

© 2016 г. *И.А. Седакова*

Конференция проведена при поддержке РГНФ, проект №15-04-14076 «Балканские чтения 13 “Балканский тезаурус: начало”».

ПАМЯТИ МЕЧИСЛАВА ТАНТЫ (1928–2015)

С глубокой скорбью мы восприняли известие о смерти 22 апреля 2015 г. нестора польской балканистики, преподавателя Варшавского университета с многолетним стажем – профессора Мечислава Танты. Профессор Танты был известен русской научной среде и по личным контактам, и по его богатому научному наследию.

Профессор, доктор исторических наук Мечислав Танта родился 19 июля 1928 г. в местности Добжец (ныне район г. Калиша). Он принадлежал, как сам упоминал, к потомкам французских гугенотов, откуда и выводил этимологию своей фамилии. По окончании средней школы в 1949 г. поступил на историческое отделение Университета в Лодзи, а два года спустя перевелся на факультет гуманитарных наук Варшавского университета, который окончил в 1955 г., получив степень магистра. Тогда же окончил годичный курс «Школы Знаний о СССР» при Польско-Советском институте в Варшаве. Еще студентом Танта начал работать на кафедре истории Польско-Советского института, где состоял в должности ассистента, затем старшего ассистента до 1957 г. Одновременно, с 1955 г., приступил к работе на кафедре истории Восточной Европы Варшавского университета.

Научным руководителем Танта был профессор Людвик Базылев, под руководством которого он углублял научный интерес к истории России и славян в целом. Кандидатскую диссертацию на тему «Славянский съезд 1867 года в Москве» защитил в 1962 г. (одним из рецензентов был профессор Хэнрик Батовски).

Докторскую степень М. Танта получил в 1969 г. за работу «Россия и балканские войны 1912–1913 годов». В этот же год он стал адъюнктом Института истории Варшавского университета; позже, с 1971 г., доцентом, а с 1979 г. – профессором. В 1988 г. М. Танта присвоено звание профессора высшей категории (*profesora zwyczajnego*). Именно в Институте истории Варшавского университета профессор написал свои важнейшие научные труды. Его исследования были посвящены, главным образом, политической истории Балкан и Славии XIX и XX вв. Здесь он уделял особое внимание истории России – стране, где у него были наиболее обширные научные контакты.

М. Танта сотрудничал с различными польскими и международными научными организациями, был членом Комитета Славяноведения ПАН, в 1984–1991 гг. – членом Комитета исторических наук ПАН, в 1967–1974 гг. – членом президиума Главного управления польского исторического общества, в 1976–1980 гг. – членом Главного управления польского общества русистов и, с самого момента возникновения, членом, а в 1974–1985 гг. – заместителем председателя Главного комитета олимпиады по истории. Профессор Танта занимал также и организационные должности в своем родном вузе. В 1971–1975 гг. был заместителем директора Института истории Варшавского университета; с 1977 по 1981 г. – заместителем декана исторического факультета этого университета. Занимал также должности руководителя Курсов повышения квалификации (1982–1984), руководителя кафедры Истории Восточной Европы (1985–1994).

М. Танта был членом редакционных комиссий научных периодических изданий: «*Studia z Dziejów ZSRR i Europy Środkowej*» («Исследования по истории СССР и Центральной Европы») с 1974 г., «*Dzieje Najnowsze*» («Новейшая история») в 1986–1994 гг., «*Pamiętnik Słowiański*» (1981–1990), «*Wiadomości Historyczne*» (1985–1991). С 1986 г. возглавлял польско-советскую комиссию по составлению школьных учебников истории, а с 1994 г. – польско-российскую комиссию по учебникам истории, географии и литературы.

М. Танты был отмечен рядом наград и отличий, награжден коллективной премией I степени за книгу «История южных и западных славян» («Historia Słowian południowych i zachodnich») в 1978 г. (совместно с Ежи Скворнком и Тадеушем Василевским) и награду II степени за монографию «Босфор и Дарданеллы в политике держав» («Bosfor i Dardanele w polityce mocarstw») в 1985 г., крестом кавалера Ордера Возрождения Польши, Золотым Крестом Заслуги, Знаком заслуженного деятеля культуры, Медалью комиссии народного образования, Медалью «1300 лет Болгарии».

В учебной работе М. Танты был необычайно добросовестным, ответственно относящимся к своим преподавательским обязанностям, внимательным и дружелюбным наставником, умело передающим свои богатые познания студентам. Под его руководством написано несколько сотен лицензиатских и магистерских работ, несколько кандидатских.

Профессор Танты был человеком необычайно скромным и доброжелательным. До конца жизни сохранил ясность ума и обширные познания. Он был выдающейся личностью, образцом истинного эрудита. С его уходом в научной деятельности Института истории Варшавского университета закончился определенный этап целенаправленного исследования Балкан и России.

Ушел от нас человек, чрезвычайно значимый для исторической науки Польши. Образовавшаяся с его уходом пустота не скоро будет восполнена. Смерть профессора Танты это болезненная утрата для нас.

© 2016 г. П. Журэк

CONTENTS

ARTICLES

<i>Leskinen M.V.</i> (Moscow). Slavic features of the Russian people in the Russian scholarly descriptions of the nineteenth century: from romantic idealisation to psychological typology.....	3
<i>Piahanau A.A.</i> (Minsk). Hungary's attempts to normalise relations with Czechoslovakia in 1920–1921	20
<i>Serapionova E.P.</i> (Moscow). External factor and national minorities in Czechoslovakia in the 1920s and 1930s	31
<i>Suppan A.</i> (Vienna). Conflict, war and genocide in East-Central and South-Eastern Europe, 1938–1948. Part I	40
<i>Egorova K.B.</i> (St.-Petersburg). To who the proletariat erects monuments: 125 th anniversary of Taras Shevchenko's birthday	51
<i>Ilyina G.Ya.</i> (Moscow). World War II in the Contemporary Croatian Prose (the Ideological and Artistic Evolution of the Theme)	62

REPORTS

<i>Gorizontov L.E.</i> (Moscow). Dnieper Basin and Pontic Littoral in multivolume descriptions of the Russian Empire at the turn of the nineteenth and twentieth centuries: terminological aspects .	72
<i>Jiroušek B.</i> (České Budějovice). Czech historian science between the two congresses of Czechoslovak historians (1937–1947)	78

REVIEWS

<i>Dmitriev M.V.</i> G. Lami. L'Europe Centrale et Orientale au XIX ^e siècle d'après les voyages du romancier et journaliste suisse Victor Tissot	86
<i>Mikhailchenko S.I.</i> А.Ю. Баженова. Историки Императорского Варшавского университета 1869–1915: просвещение, наука, политика	89
<i>Volobuev V.V.</i> J.C. Лыкошина. Польско-польская война. Политическая жизнь современной Польши	91
<i>Peskova A.Yu.</i> Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей	92
<i>Kossik V.I.</i> И. Тодев. Човекът е историческо животно Рефлексии и саморефлексии	95

SCHOLARLY LIFE

<i>Lykoshina L.S.</i> «The problems of national minorities in the countries of Central and Eastern Europe in the interwar period». Materials of the «round table» in the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences	98
<i>Volokitina T.V., Kurennaya N.M.</i> «To the Seventieth anniversary of the Great Victory. Document in history and culture». Materials of the «round table» in the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences	107
<i>Peskova A.Yu.</i> Round table «New in social and cultural life of the Western and Southern Slavs literatures»	118
<i>Sedakova I.A.</i> The Balkan «element»: scholarly meetings and new projects	121

OBITUARY

<i>Žurek P.</i> In memoriam of Mieczysław Tanty (1928–2015)	125
---	-----

Сдано в набор 03.02.2016 Подписано в печать 06.04.2016 Дата выхода в свет 23.05.2016
Формат 70 × 100¹/₁₆ Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 2,0 тыс. Уч.-изд.л. 11,9
Бум.л. 4,0 Тираж 184 экз. Зак. 104 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: ФГУП «Академиздатцентр «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен издательством «Наука» РАН
Отпечатано в ФГУП «Академиздатцентр «Наука» (Типография «Наука»),
121099, Москва, Шубинский пер., 6